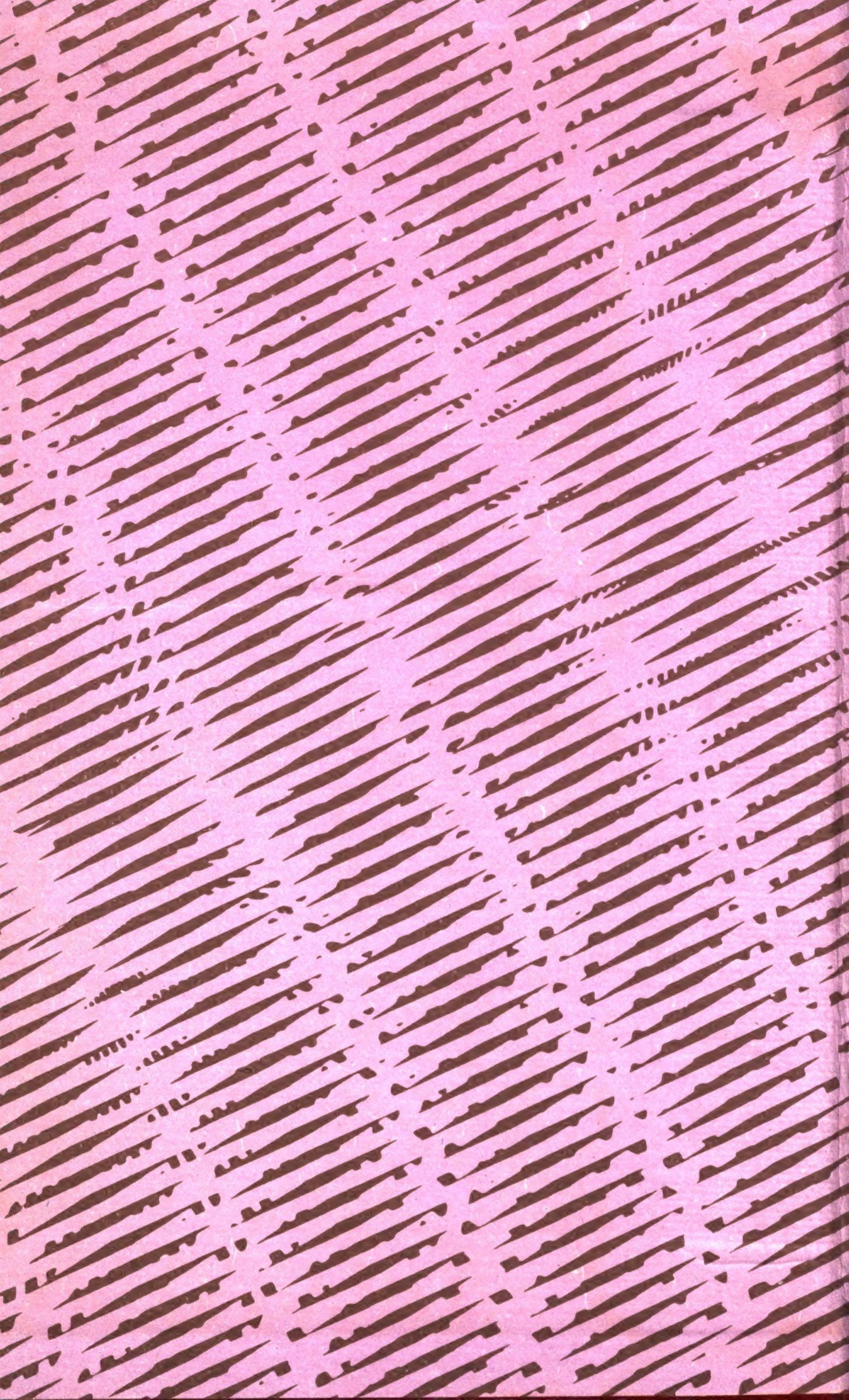
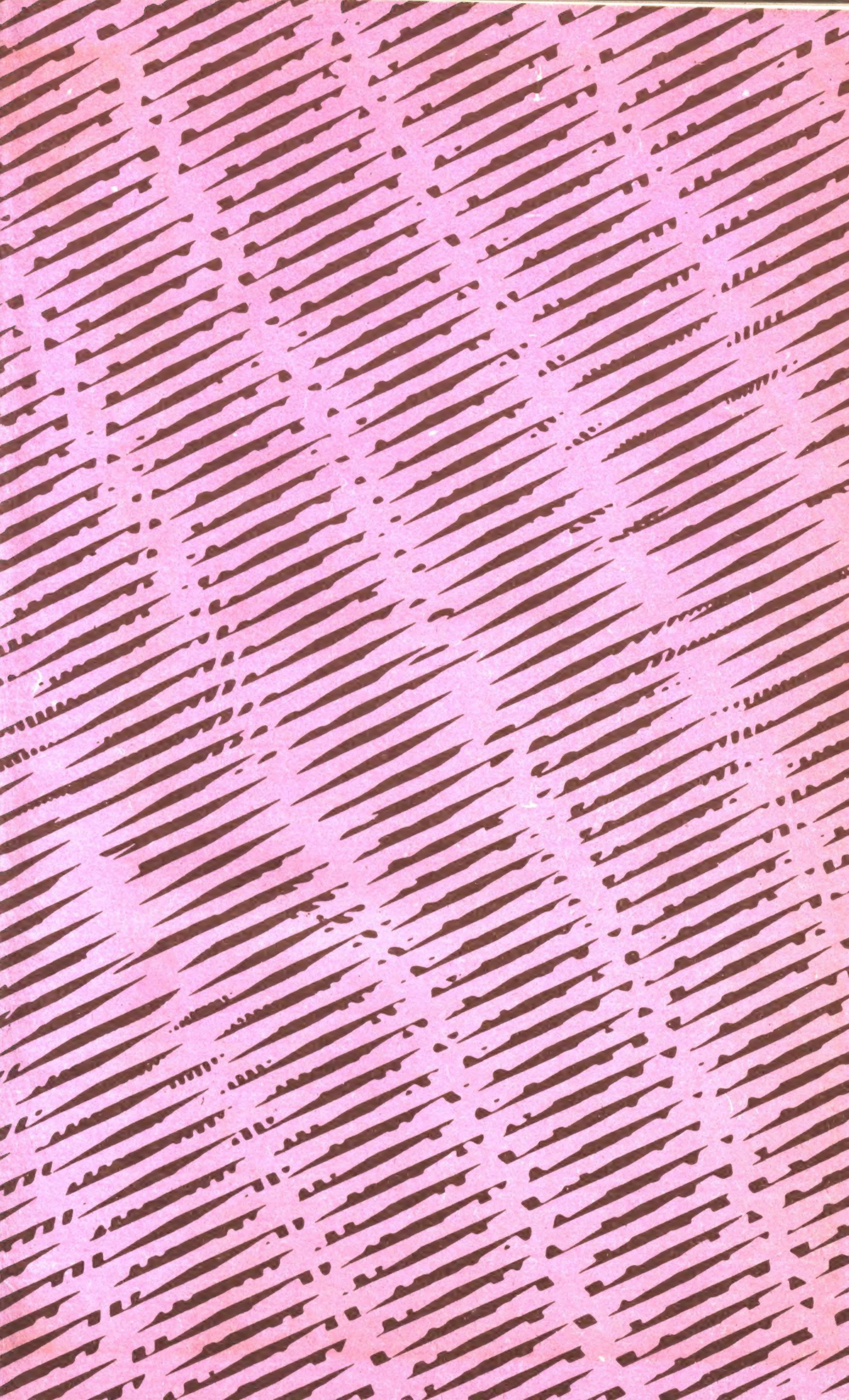
Илья Френкель

ИЗБРАННОЕ





ИЛЬЯ ФРЕНКЕЛЬ

ИЗБРАННОЕ

*

СТИХОТВОРЕНИЯ
ПОЭМЫ

*

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1983

Р 2
Ф 87

Оформление художника
Ю. АЛЕКСЕЕВОЙ

Ф $\frac{4702010200-219}{028(01)-83}$ 72-83

ОТ АВТОРА

Вот у меня и появился повод высказать нечто, в дополнение к сборнику так называемых «избранных» стихов. Может показаться, что вся сознательная жизнь автора уместилась в не слишком толстом и тяжелом томе. Это — поэтический дневник, который охватывает половину века. Хронологическую последовательность расположения произведений можно считать формой исповеди: признанием верности юношеским идеалам, встречам и прощаниям, очарованиям и разочарованиям, сожалениям об упущенном и ушедшем навсегда:

Я узнал добро и зло,
Белое и черное.

Печатное «наследие», тем более «избранное» у меня не велико. То, что я не один такой, свидетельствует не о недостатке трудолюбия,— признаться в этом не страшусь и не стыжусь. Писателем быть трудно. Мне приходилось бывать работником другого профиля. Не из прихоти я отклонялся от пера, но потому что так понимал свой гражданский долг. Вдохновение не разрядка накипевших и наболевших мыслей (такой взрыв эмоций кое-кто из поэтов и критиков называет самовыражением). Однако именно запись, литературная регистрация — это желание оставить во времени личное свидетельство участника действительного события. Не рапорт, не отчет, не справка, заверенная официально. По-моему, убеждать в истинности возможно и следует точным и честным изображением самого себя.

Я был потрясен происшедшим во мне и в окружающем мире. В стихах непонятным, как волшебство, способом я приглашал чуткого читателя разделить мои впечатления, пережитые чувства — презрение, удивление, восторг и гнев. Мне казалось, что я не рассчитывал на сочувствие и на отклик. Я был певчей птицей. Наверно, природа заставляет дрозда *метить* голосом пространство своего обитания. Эволюция и другие законы определяют тембр, паузы, ритм. Но человек от младенческого писка переходит к членораздельной речи. Музыкальный слух способен к развитию. Можно ли быть поэтом на уровне подсознания, подобно попугаю или другим пересмешникам? Тысячу раз — нет! При наличии природных

данных, предрасположения к искусству, умения совершенствовать способности, непреодолимого стремления проявить себя в мастерстве — поэт и является таковым.

Это как будто бы общеизвестно. Но нередко забывается в суете повседневности, которую ошибочно принимают за проявление духовной жизни, и, тем более за поэзию...

Немного о себе. Я родился в Кургане, уездном городишке Зауралья в семье административно-ссыльного. Отец был образованным человеком. Он кончил Киевский университет, в конце века уехал в Париж, где под руководством Мечникова овладел основами микробиологии. Он был увлечен идеями социализма, испытал сильное влияние Жореса, полагал, что ученый должен быть полезен обществу. Он стремился жить и работать в России, что ему удалось осуществить не сразу. Однако добился своего: в девятисотых годах, накануне событий 1905 года отец — на родине. Он знал четыре европейских языка и сначала занимался переводами, подыскивая работу, связанную с биохимией. Но его целеустремленная натура привела его к участию в революционном движении и в группу будущих соратников Ленина, большевиков. В лаборатории отца не раз бывали жандармы, и в конце концов ученый оказался в тюрьме и был сослан в Тобольскую губернию, где я и родился в 1903 году. Маленьким мальчиком я услышал от отца поэмы Пушкина и Некрасова, сказки Толстого. В Зауралье мы узнали о загадочной смерти Толстого, и шестилетний сын ссыльного написал М. Горькому, что он один остался в живых из всех русских писателей. И Алексей Максимович с острова Капри прислал в Сибирь написанную для меня сказку «Утро»... Упоминаю об этом, так как считаю, что письмо писателя несомненно повлияло на мое формирование, а самый эпизод может быть интересен читателям.

Но писать я стал много позже, а публиковаться после двадцати лет. В предлагаемом сборнике — избранные стихи из нескольких моих книжек.

В 1935 году вышел в свет сборник «Песня и стих». Его основу составили поэмы и стихи об Октябрьской революции и гражданской войне — тематика, характерная для поэзии тридцатых годов. Сборник не был бы замечен, если б не поэма «Начало» о политотделе, куда я был мобилизован. Другим обстоятельством, на что обратили внимание такие поэты, как Асеев, Прокофьев, Пастернак и юный Кирсанов — язык, опирающийся на фольклор, и отказ от газетного штампа. Я больше всего боялся, чтобы герои моих стихов не заговорили нормативно-грамматическим языком, принятым в беллетристике и далеким от живой речи. Не проповедники, не ораторы, они используют провинциализмы и диалектизмы, такие, например, как с у р ж и к — сплав средне и южнороссийского говора.

Яркие краски матросских сказов, выразительный юмор народной речи не нуждались в специальном переводе.

Любовно-лирическая тема в моих вещах того времени почти не затронута, несколько демонстративно она приглушена другими эмоциями моих героев — моряков, конников-буденновцев: доминирует гражданское над сугубо личным. Получилось так, что я отложил «на после» одну из вечных тем:

Один рукоплесканий ради,
Другой по трезвости ума,
А третьего к его тетради
Толкнут любовь или тюрьма,
Четвертый, одержимый зудом
Иль недержанием томим,
Карает рифму самосудом,—
А мне как быть с собой самим?
Не славы я ищу, не блага.
Любовь? Я от любви немой...

Вторую книжку (она так и называется — «Вторая книга», 1938) редактировал тогда уже известный советский поэт В. Казин. В ней появляется несколько переводов Флейлиграта. Впоследствии я обратился к советской многонациональной поэзии.

За второй вышла третья книга — «Моряки» (1938). Я и мои товарищи писали стихи «оборонного» содержания. Все чувствовали приближение грозы, естественно, что поэты раньше других. Мы готовились к мобилизации и наивно предполагали, что победа над гитлеризмом дастся сравнительно легко и быстро. Я не был более зорок, чем большинство. Тут бы, кажется, и расцвести любовно-лирической поэзии. Но над миром нависли тучи близкой войны.

Четвертый сборник «Дело было в Ревеле» нашел меня на фронте: он печатался в Москве под бомбами 1941 года. Название дано по поэме, продолжающей тему морского фольклора.

«Друзья-товарищи» (1943) — пятый сборник, открывается «Балладой о дружбе». Герой — донецкий шахтер. В предсмертном бреду он ползет по госпитальному полу, а на пороге стоит сама смерть, превращающаяся в Полководца, который «жалует героев вечной жизнью»... История направила поэзию в русло трагедии... Наступит ли пора, благоприятная для высокой лирики? А пока гремят пушки!

Мыслями и чувствами фронтовиков полна послевоенная книга «Стихи и поэмы» (1948). Я не изменил себе: ни одного пышного оборота. Герои не красноречивы. Они не стремятся делать карьеру:

Писать о славе, смерти, бое,
О грозном громе артогня,
Строкой воинственной гремя,—
Мне не по сердцу. Ретивое

Мое хитро, как западня.
Начну торжественно, друзья,
О грозном громе артогня.
Оно стучит: «Брехня! Брехня!
Ты спой им что-нибудь иное —
Про свет звезды, про отблеск дня,
О раннем утреннем покое...»
И вот, фанфару отклоня
И мирно сидя, а не стоя,
Я вам спою не про героя,—
О хатке, где ютился я...

Книга «Стихи и поэмы», на мой взгляд, полней и определенней выразила состояние, в котором я оказался в итоге четырехлетнего пребывания на фронте. Сложный комплекс переживаний отразился даже в деталях длительных наблюдений и кратковременных потрясений, испытанных теми, кто хорошо познакомился с передним краем. Стихотворение 1943 года «Почему я должен спать?» и цикл «Песня о песне» посвящены войне и миру. Там есть место и теме художественного творчества. Песня «простоволосая жертва охоты» становится двигателем вдохновения, а поэт — победителем опасностей и тревог долгой и кровавой битвы с беспощадным врагом. Хочу видеть мир таким, как есть, а не сквозь время «чугунного хмеля войны». Хочу разглядеть, какой породы «отдельное дерево» на высоте 76.00. Это мое ви́дение мира исходит из глубины моего я. Почему я должен спать, оглушенный и травмированный, всегда примеряясь к боевой обстановке?

Встанешь,
Ляжешь,
Снова вскочишь,—
Среди боя спать захочешь:
Может, тут-то ты и выспишься,
Солдат?..

Льстить герою, приписывая ему сверхъестественные деяния,— корыстная пошлость или нечто худшее. Преступление — спекулировать высокими понятиями в расчете, что никто не заметит или простит искажение истины якобы «для пользы дела». Наградные реляции составлялись в качестве служебных характеристик, но художник убеждает достоверностью соучастника, перекрывающей мнение знатоков. В зоне обстрела соловей сходит с ума. Это что — фантазия?

Мы, поэты, птиц не судим,
Мы завидовать не будем соловью,
Соловью или дрозду.
Но, хотя бы раз в году
Пусть поэт поет, как птичка!
Такова моя привычка,
А не то с ума сойду...

Действительно повезло фронтовому журналисту, если он за четыре года был всего-навсего один раз контужен; скромное вознаграждение за тяжелый трофей — груз впечатлений, запас на всю остальную жизнь. После освобождения Киева, осенью 1943 года, грузовая редакционная машина привозит его в Москву к одру умирающего отца. Круглое сиротство!

Тогда, я знаю, в тишине,
С самим собой наедине,
Мне станет горько без него —
Отца и друга моего...

Книга «Лист зеленый» (1954) посвящена Молдавии. Там я опоминался от последней войны. Я написал поэму «Солдатская дойна» — былину о Войне и Мире. Приходил в себя и к себе: возвращался к любимому мной «суржику».

Ездил по Союзу, повидал многих людей, слушал их и читал им стихи. Как упомянуто выше, переводил стихи советских поэтов из республик. Перевел почти половину посмертных стихов Мусы Джалиля. В моем переводе вышли поэмы Д. Батожабая и А. Токомбаева.

Продолжал работать с композиторами. Еще в 30-х годах, до выхода первой книжки, уже исполнялись песни на мои стихи,— такие как «Заводы, вставайте», «Юность» и другие. А во время Великой Отечественной войны на фронте и в тылу знали и пели «Давай закурим».

Последние годы главное внимание отдаю прозе. Накопился достаточный материал, который жаль перерабатывать в стихи. Проза экономней. Сейчас сильно изменились писатели и вы, читатели. Я имею в виду вкус. Впрочем, по-прежнему я — враг Моды и Позы. Пускай у всех будет безукоризненный вкус. Подлинную красоту следует отличать от превосходящего, то есть фальшивого, дешевого, поддельного. Надо воспитывать СВОЙ подход, а не прибегать к расхожим стандартам, нацеленным на низменную мерку довольства, престижности, чтобы «не хуже других», привычнее...

Захотелось попытать себя в большой форме. Обратиться не «к суровой прозе». Отнюдь! Я люблю острое слово, улыбку и смех. Как всегда, я ценю иронию, веселую пародию. Даже когда мне грустно, и, наверно, именно тогда чаще всего. Недаром для моего последнего сборника «Причал» (1976) я отобрал фрагменты в шуточном плане, навеянные поездками на юг, в Одесщину, к тамошнему племени рыбаков с их красочным бытом, выразительным говором. На их жаргоне я сочинил несколько былей.

По-моему, поэт не должен спешить, чтобы успеть. Надо удерживаться от постоянного нетерпения: вдохновение не рефлектор-

ный «позыв» профессионального рифмачества. И — аморально пришпоривать и подгонять художника. Но и художник должен быть требовательным к себе. Великаны Шекспир, Гете, Милтон практически неисчерпаемы, их хватит до конца цивилизации. И наши российские классики не торопились. Уже в молодости эти гении создали непреходящие ценности именно без спешки, вне моды, презирая дешевый успех. Из «Медного всадника» поэт вычеркнул ради совершенного те строчки, которые сам счел преходящими. А Лермонтов в свое время составил «оглавление» избранного. Чуть больше двадцати названий (такие пьесы, как «Парус» и «Тучка»...).

Право писателя на внимание читающей публики не имеет общего с правом на продажу вдохновения. В наши дни свободным волеизъявлением поэтов распоряжаются они сами, а оспаривать право на внимание решает общество, построенное на иных принципах. Автор желал представить плоды своего вдохновения с одной целью — быть полезным культурному развитию сограждан и приобщению их к советской поэзии. Чистоту намерений я не отягощаю побочными соображениями: поэзия не терпит суеты.

Как видите, я не зря предпослал книге мысли, всегда меня беспокоящие. При подготовке книги к изданию самым трудным оказалось ее перечитывание и критическая самооценка. С возрастом безудержная смелость уступает место осторожной рассудительности. Я старался избегнуть крайностей, хотя написанное пером не вырубить острейшим топором.

Прошу полюбить изображаемую мной природу и моих героев. А если вам понравятся мои стихи, мой вкус, буду бесконечно благодарен и рад. Самая надежда на подобное внимание и признание окрыляет автора.

Некоторые уверяют, что на их взгляд между поэзией и прозой всего-то разницы, что поэту легче говорить стихами, а прозаику — прозой. Может быть, в этом и есть зернышко правды. Но волшебным течением жизни меня все время сносит к устью, за которым — Океан, Большая вода, та стихия, что

Раскинулась вдаль широко
И манит,
и манит,
и манит...

И. Френкель

Стихотворения

СОВЕТСКИЙ ТЕПЛОХОД

Собирает море тыщу непогод,
Затевается неслыханный поход
На «Абхазию» — советский теплоход.

Как взовьется Черноморье на дыбы —
Теплоход в него уходит до трубы.
Как отхлынет Черноморье от бортов —
Теплоход лететь по воздуху готов.

Не поймешь сейчас — закат или восход.
Трубным воем объявляется поход.

Мутят море генералы-беляки,
Собираются в подводные полки.
Позабыло, море, бой-Перекоп,—
Нападаешь на советских моряков?
На кого встало, море, войной?

Ну-ка, ну-ка, ну-ка,
Брызни
Волной!

Ходи, море-Черноморье,
Ходи злей,
А куда тебе до наших дизелей?

Ходи, море-Черноморье, глубина.
Хороши у дизелей клапана.

Вперекор и поперек ветров
Пролетает сквозь кромешный рев,
Совершая свой обычный переход,
Замечательный советский теплоход.

1925

ЭШЕЛОН

Наверно, паровоз возьмет
Сначала не спеша,
Потом на стук,
Потом на взмет,
Меняя ровный шаг.

Мы тоже нехотя,
Шутя,
Заводим песню, и
Захватывает дух путям
От дымовой струи.

Подхватывает песню хор,
Чтоб дружески раздать
Гряде бегущих рядом
Гор
И встречным поездам.

И весь несущий нас состав
Теряет сон и хворость
С восьмидесяти двух,
Со ста
Отставших сразу
Верст.

Не нам постыдно
Оседать —
Нас лето гонит в бой!
Нас гонят фляги,
Что всегда
Наполнены водой!

Нам семафорами штыки
Взвились —
Свободен путь.
Мы — слишком скоры,
А таких
Немыслимо вернуть!
Да можно ли остановить,
Когда гремит трубой
Туннель, а мост проговорить
Не успевает:
— В бой!

И мир
Как саблей
Раздвоен,
И мы —
Пришла пора —
Остатки песен раздаем
Лесам,
Мостам,
Горам!..

1928

ТАКТИКА

Кусты и стук,
Устав и стог,
И флаги, и свисток.
На грудь бумажному листу —
Березовый листок.

В полынь,
Примяв ее шелка
И карту расстелив,
Я лег и молча слушал, как
Кричат коростели.

Проказничали мотыльки,
Но в озеро проказ
Ручьем возьми и натеки
Расплавленный приказ:
— К стрельбе готовьсь.—
Порхнул приклад,
И вот моя ладонь
Одну обойму обрекла
Добыть себе огонь,
За ней захлопнулся затвор,
Над ней взлетел прицел,
А я, стрелок, сдержал задор
И за кустом присел.

А пулеметы все дробней.
И, как из-под полы,
Пришла украдкою шрапнель
И падает в полынь.

1928

МАНЕВРЫ

Кубань окружала облавой сады,
Вода по песку наступала, ворча.
Кубанское солнце тряслось позади
На крыльях тачанок с котомкой врача...
На синих холмах громоздились дубы,
Тяжелые сучья держа на весу,
И мы бы напрасно старались добыть
Хотя бы кусочек лазури в лесу...

На сабельный взмах кукурузных клинков,
На пики подсолнухов, задранных вверх.
Сигнальная роща березовых вех
Свои опахала качала легко...

Пять конных атак.
И бойцам и коням
Обратно лететь — вороным и гнедым.
Но пушки задаром палили по нам —
Опушка ответила дымом на дым.

Тогда покатилась пехота.
Моста
Ей не дали.
Люди разулись и — в брод
И на берег. И — на ура! И — вперед!

Последнему ходу маневров настал
Конец.
Миновали речной перемет.
Отбой закатился клинкам и куркам.

И сделался палкой ручной пулемет,
И штаб руководства взошел на курган...

1928

СТЕНЬКА ХОДИТ

Нашумели, накричали,
Наруби-рубили дров —
Покачались на причале
У каспийских берегов.

Атаман Степан облазил
Бере-берь-бережок.
Атаман Степан Разин —
Что заборов пережег!

Что поломано хором
Ломом,
Ломом,
Топором...

Руки стыли,
Ноги зябли
У боярских сыновей.
Сыновья роняли сабли,
Трепеща и соловея.
Чуть завидят борт и парус,
Чуть заслышат свист и окрик;
Потому — за Стенькой округ
Мать Россия с ним на пару.

Стенька ходит по свету
Рыж и конопат.
К удалому посвисту
Катится набат.
Стенька ходит по суху
Только до поры.
Стенькиному посоху
Вторят топоры.
Стенька ходит по морю —
Черт ему брат!
Стенька ходит по миру —
Милостинку брать:
— Дайте, дайте христа ради
Два алтына на кабак.
Ваши кони на параде
Носят пену на губах.

От приказа до синода
Фунт мыла на боках.
От балета до сената
Чуть дышат на бегах!

Ваши дурни ходят в ногу
Носят хари в париках —
У меня добра немного
На приволжских берегах:
Баржи тянут сельдь и воблу,
Воду в стороны плеща,
Бурлаки с протяжным воплем
Тянут баржи на плечах.
Баржи тянут —
Жизнь клянут,
Вашу маму
Вспомянут...

1928

СПОКОЙСТВИЕ

Молчит земля, как будто бы
Не пробегут по ней,
Не простучат подковы
Пришпоренных коней.
Молчит вода, как будто бы
Кипеть не скоро ей
Вокруг иллюминаторов
Линейных кораблей.
Не вымочено кровью
Сукно шинельных складок,
Безмолвны пулеметы
На оружейных складах.
Знаменный шелк не прорван
Осколками гранаты.
Идут-поют за унтером
В столовую солдаты.
Воруют каптенармусы
Портянки и приварок,
Нафабренные вахмистры
Гуляют на бульварах.
В цехах за автоматами

Работают счастливцы,
Колючей, желтой кожей
Обтянуты их лица.
Везет ребятам, право,
А если не везет —
Прикладами обрадует
Дежурный взвод...
А в гулкой шахте этажей
Ползет безмолвный лифт,—
Толстяк грудастой госпоже
Застегивает лиф.
Его часы рассчитаны:
Сегодня он — в гостях,
К знакомому директору
Торопится толстяк...
Лежит чудак директор
Под письменным столом —
Его кулак закоченел
С продымленным стволом.
А в комнате — темным-темно,
Зарницы за окном...
Молчит земля,
Молчит пока.
Еще не грянул
Гром!..

1928—1933

РАЗГОВОР НА БОЛЬШОЙ ДОРОГЕ

(ДВАДЦАТИПЯТИТЫСЯЧНИКИ)

Тройка,
Тройка.
Три донца,
Брякни трелью
Бубенца!

Это — чистый убыток
О двенадцати копытах!
Три хвоста, три гривы есть
Да три спины.
Хлестать да ездить...

Ах, и тройка здорова —
Носит шибче скорого!
Тройка ржала,
Врозь голоса,
Жаркой пеной
Брызгалася!
Ямщик вставал,
Хлестал коней
И песню гнал
Поверх вожжей.
Вожжи выбежать хотели б
Из обветренных горстей,
Под копытами скакала
Разлинованная степь...
Ямщик вставал,
Хлестал коней
И песню гнал
Поверх вожжей:
— Ах ты,
Ах ты,
Ах ты одна!
Ах, только ты,
Ах, тут она!
    Ах, кофточка
    Из полотна,
    Ах, лентами
    Опутана!

Трясла дорога седоков,
Лежал недвижимо ковыль,
Из-под колес,
Из-под подков
Валила пыль,
Степная пыль.
Стрельнет испуганный тушкан,
Туда, сюда —
И был таков...
Трясла дорога седоков.
Старик уснул: утрясло шоссе,
А молодой и не спал совсем —
Несла их тройка бойкая
Со станции Глубокая...
А молодой не спал, говорю,
Он видел степь перед собой,

Он видел небо и зарю,
Он слышал жаворонка бой,
Он слышал слабый хруст шоссе,
Он слышал, как храпел сосед.
Небритая его щека
Чуть дернулась, когда он просто
Коснулся шеи ямщика,
Чтобы задать ему вопрос:
— Про что поешь,
Такой-сякой?
Видать, не кончил ты с сохой.
А коли кончил — петь пора
Не о милашках-любушках
Да кофточках,
Да юбочках,
А о советских тракторах...

...Рядом шел
Да шел ковыль.
В общем травы
Шелковые:
— Ах ты,
Ах ты,
Ах ты одна...

Даже ветер —
И тот
Чуть по степи
Идет:
— Ах, только ты!
Ах, тут она...

Ямщик обертывался медленно.
Лицо его, от зноя медное,
Черной бородой обросшее,
Не отвечало на вопрос.
А молодой — не отступать,
И ну — допрашивать опять:
— Ямщик. Ты что-то... Не того
Наверно властью не доволен?
Скрываешь, может, ты вину
Перед рабочею страной.
А где в гражданскую войну
Ты пропадал, скажи, родной?

— Вот огрею сатану!
Коренную садану!
Запою еще одну!
Тройка,
Тройка-соколиха,
Прибавь ходу,
Скачи лихо.
Спою еще,
Не жалко мне.
Не для тебя,
А для коней...

1929

ТАНЦУЮТ НА ХОПРЕ

Ходит по лесу топор,
Топорище бегает.
Едут тучи на Хопер
Черные и белые.
Танцуют на Хопре
В высоком нардоме:
«Январь,
Февраль,
Март,
Апрель».
Играют на домре...
Март, апрель — горячая пора.
Выйдут в поле трактора...
Январь — зима на Хопре,
Земля не упреет.
Февраль — весна на Хопре,
Солнце греет.
«Январь,
Февраль,
Март,
Апрель».
Будут сеять на Хопре.
Шум... гам... базар...
Подымается буза.
— Што бузишь, тракторист?
Смотри не подерись!

— Оттого мы бузим —
Не подвозят бензин.
В руках — зуд,
В ногах — зуд...
— Не бузи: подвезут...
Один парень входит в залу,
Одна девка с ним была —
Кинул палки на цымбалу,
Заиграла цымбала.
— Ах, бал!
Ба-ала...
Цым-бала
Там играла.
Цымбала
Там играла,
Играла
Цымбала...

1929

ЖИЗНЬ МАТРОСА

(ИЗ ЦИКЛА ПЕСЕН О 1905 ГОДЕ)

Волны ходят, борт колышат,
В яме угольной жара...
Кочегары углем дышат,
Жизнь матроса тяжела.

Тельняшка грудь мою сдавила,
Позорит каторжный бушлат.
На корабле — моя могила,
Винты и день и ночь стучат.

Эх, братва! За что страдает?
До позора дожила.
Все матроса оскорбляют —
Жизнь матроса тяжела.

Винты стучат и дни и ночи,
В больную голову стучат.
От офицеров нету мочи,
Матросы терпят и молчат...

Так что ж, братцы,
Будем слезы лить?
Море Черное
Солить?

К батареям-реям, братцы!
Наши пушки пригодятся.
В море —
Офицеров!
За борт —
Шкур-боцманов!..

К батареям-реям, братцы!
Наши пушки пригодятся.
За свободу —
Да в царя!
Да в господ!
Бей из пушек,
Царский флот!..

1929

СДАЕШЬСЯ

Уголь взбесился.
Громя и ругаясь,
Бродит в забоях
Разбуженный газ.

Он начинает
Дурную игру —
Бьет и ломает
Шахтерскую грудь.

Умер ударник.
На каторгу!
В клетку
Уголь, срывающий пятилетку.
Быть тебе, гад,
В паровозной топке!

Бегай, убийца,
По нашей путевке —
Тело твое на части дробя,
Пусть сожгут кочегары тебя!

Довольно в газовой млел пелене —
Будешь моторы крутить или нет?
Будешь ходить в телеграфной струне?
Будешь служить рабочей стране?!

Лампы качая, спокойно и смело,
В шахту идет комсомольская смена.

1930

НА ТРАВЕ СТЕПНОЙ

На траве степной душистой
Лежал убитый партизан.
На траве степной душистой
Лежал убитый партизан.

Вот и конь его пасется,
Черным ухом шевелит.
Мертвый конник не проснется,
Смерть подняться не велит.

В головах сидела мать...
Только солнце подымалось.
Бедной матери казалось —
Завалился парень спать.

Вот проснется, повернется,
Станет руки подымать...
Ходят мухи синей стаей
По небритому лицу.
Бродят мухи, спать мешают,
Не дают уснуть бойцу...

— А-а-а!
А-а-а!
Колька, спи!
Коленька!

А ведь был ты
Голенький...

Мать в корытце купала,—
Расти, расти большой,—
Головку поливала
Тепленькой водой...

— А-а-а!
А-а-а!
Идет курица ряба,
Идет курица ряба,
Перешиблена нога...

А я в людях жила,
На соломе спала.
Ой, постель жестка
Возле дымного шестка.
Мое время
Шло,
Меня солнце
Жгло.
А я в поле была,
А я сено
Гребла,
Полюбилась молодцу —
Твоему отцу...
Горит трава, зеленый шелк,—
Берут отца в сибирский полк.

Ах, вот он, труд солдатский, горький —
Страдательное ремесло.
Из-за сопки да из-за горки
Тятьке пулю принесло.
Сердце билось-становилось.
Я у почты повалилась,—
Моя зорька закатилась
За японский океан...

На степной траве душистой
Лежал убитый партизан.

1933

СНОВА ОСЕНЬ

1

Снова осень на Тоболе.
В берег брызгает волна.
И над голым ржавым полем
Зори звонче,
Дни короче.
Все протяжней, все черней,
Все свежей и глубже ночи.
Все огромнее луна.
И, крича как бы от боли,
Ворон ходит по стерне...
У кого к ружью охота,
Говорит, что у болота
Удержать нельзя коней.
У болота кони в храп,
У болота кони чуют,
Что по зыбинам кочуют
Четверни голодных лап,
Двойки пасмурных зеленых,
Двойки, будто раскаленных,
Волчьих жалобных огней...

2

Хорошо закинуть сеть
В быстроводную Исеть,
Глянуть в небо, на котором
Звездам весело висеть.
        Хорошо!

Хорошо в зеленый луг
Не спеша войти, не вдруг.
Повернуть красу «литовку»
И размахом ловких рук
Выжечь первый полукруг.
        Хорошо!

Хорошо на скирдах, чтоб
Грохот.
Скорость.
Мокрый лоб.

Веером расправить сноп.
Трубный голос молотилки
Кинет хоть кого в озноб.
Хорошо!

Хорошо на сено лечь
Близ девичьих жарких плеч,
До рассвета молча слушать
Обрывающуюся речь...
Хорошо!

1934

* * *

Вода седеет, скручиваясь,
Сердится вода.
Опять со мной здоровается белая звезда.
Звезда моя высокая, не прячься, не дрожи.
Погода очень тихая и сумерки свежи,
И берег в шуме листьев,
И зреет виноград.
А девушка ушла в слезах,
А я не виноват.
Быть может, я виновен в том, что за руку не взял,
Наверно, слова не сказал, а с ней молчать нельзя.
А может быть... Да что же я?.. Все может быть, друзья!
За свет звезды, за цвет воды —
За все отвечу я...
Так пусть гудит-звенит прибой —
Косматая струна.
Ведь это песня, как стрела, к концу
Заострена...

1934

СТОЮ У МОРЯ

Еле-еле слышен корабельный окрик.
Отвечает с неба чайка кораблю.
Я стою у моря.
Почему-то мокрых
Глаз не вытираю, говорю:
Люблю...

Вот оно! Бросается на притихший берег,
Между серых камешков ручейком бежит.
Вот — взлетает птицей в разноцветных перьях.
Неподвижной глыбой мрамора лежит.
Маленькую лодочку бережно колышет,
Словно щепку, вертит тыщу тонн брони,—
А никто как следует про него не пишет,
Говорят как следует моряки одни...

1934

СТОЯЛИ ДЕРЕВЬЯ

Стояли деревья в белом цвету.
А над моей головой
Большой самолет набирал высоту,
И был он весь голубой.
Люди шли, обнажив грудь
Бронзового литья.
Останавливались
И — снова в путь,
Заревом щек светя.
Конечно, это была весна:
Загар и теплый смех.
Конечно, это была весна:
Открытые шеи у всех.
Конечно, это была зима:
Лыжи и белый снег.
Зима была. Конечно, зима,
Но равная весне...
Деревья стояли в белом цвету,
А надо мной, в облаках,
Набирала страна моя высоту,
Звезды неся на боках.

1934

КОМСОМОЛЕЦ-ПИЛОТ

Широкие крылья
На солнце горят,—
Летит эскадрилья,
Воздушный отряд.

Круги, повороты
И снова круги...
Летят самолеты
Один за другим.

Победную песню
Мотор поет,
Поет,
Ведет самолет
Комсомолец-пилот,
Ведет самолет
Комсомолец-пилот,
Комсомолец-пилот.

Дозоры не дремлют,
Надежны посты,
Советскую землю
Хранят с высоты.
Пусть домна дымится,
Пусть колос растет,—
Могучая птица
Охрану несет.

Туда, где под снегом
Земля не видна,
Где в самое небо
Взлетает волна,
Где долгая полночь,
Где северный лед,—
На выручку, в помощь
Гуди, самолет!

Спешите, моторы,
На всех скоростях
Туда, где просторы
Плуги бороздят.
Где ляжет послушно
Под сталь целина,—
Дорогой воздушной
Несем семена.

Круги, повороты
И снова круги...
Летят самолеты
Один за другим.

Навалимся круче
На ветер крылом,
Пропеллером тучи
Сверлим напролом.

Победную песню,
Мотор поет,
Поет.
Ведет самолет
Комсомолец-пилот,
Ведет самолет
Комсомолец-пилот,
Комсомолец-пилот.

1934

ОХОТНИК

Вечерами таяли синие снега...
Стала ныть простреленная в юности нога,
А когда ударилась муха о стекло,
Заболело сердце, чувствуя тепло.
И, вконец измотанный сном и тишиной,
Начал старый ссориться со своей женой.
Ветер бился в форточку, сладкий и сырой,
Освещалась комната гаснущей зарей...

Щебетнув синицей,
Скрипнув половицей,
Ночь заходит в дом.
Дед встает с трудом.
Надо торопиться —
Старой чутко спится,—
Не будя ее,
Снять с гвоздя ружье...

Воротник застегивая, он идет, как вор,
Он бежит-прихрамывает через темный двор,
Он седлает маленького серого коня.
«Просыпайся, старая! Догони меня».
Зацепивши стременем светлую луну,
На коне въезжает он в самую весну.

1935

КЛУБ ЗАКРЫТ НА РЕМОНТ

Клуб закрыт на ремонт.
Двор.
Ковер на снегу.
Мне пошел девятнадцатый,
В сердце стучась.
День конца декабря.
Час?.. Припомнить его не могу —
Этот час...

Был ковер на снегу.
Снег лежал на дворе,
На дворе комсомольского клуба.
Клуб — как замок с гравюры Доре,
Помнишь, Люба?

Помнишь окон серые зеркала
В паутине трещин и дырок...
Дверь, которую с петель снесла
Сотня выцветших бескозырок...

Помнишь лестницу,—
Там взорвался снаряд.
Окровавленные гобелены...
Наш четвертый сводный рабочий отряд,
Смех и смерть пулеметчицы Лены...

Помнишь зал налево,
Где Федька погиб,—
Он упал, постонал и умер...
Кухню помнишь? На кухне скончался
Архип.
Помнишь песни его
И юмор?..

...Снег лежал на дворе.
Цвел ковер на снегу.
Позабыть что-нибудь не хочу, не могу.
Пусть ремонт.
Но останется крепкой
Память штурма,—

Осколком проведенный след
По стене.
Пулей сбитая лепка.
Запах залпа, и крови товарищей цвет,
И тревожное обаянье тех лет.

1936

ПЕСНЯ О БЕЗЫМЯННЫХ МОГИЛАХ

Ой, по-за полем.
По-за рекою,
Подать рукою —
Дорога-путь.

Леса зеленые
Да прикордонные,
Бойцы червонные
Вас берегут.

Зима настанет —
Снежок летает.
Весной растает —
Цветы взрастут.

Леса зеленые
Да прикордонные,
Бойцы червонные
Вас берегут.

По той дороге,
При верхнем логе,
С под снега вешки
Видны чуть-чуть.

Леса зеленые
Да прикордонные,
Бойцы червонные
Вас берегут.

Под каждой вехой
Зеленоверхой
Герой схоронен —
Не кто-нибудь!

Леса зеленые
Да прикордонные,
Бойцы червонные
Вас берегут.

Матросик флотский,
Шахтер заводский
От белой сабли
Погибли тут.

Леса зеленые
Да прикордонные,
Бойцы червонные
Вас берегут.

Живые помнят
Донцов, богунцев —
Червонных армий
Геройский путь.

Леса зеленые
Да прикордонные,
Бойцы червонные
Вас берегут.

На те могилы
Венки положат,
Железной клятвой
Им присягнут.

Леса зеленые
Да прикордонные,
Бойцы червонные
Вас берегут.

На поле, поле,
На лес дремучий
Змеей-гадюкой
Враги ползут.

Леса зеленые
Да прикордонные,
Бойцы червонные
Вас берегут.

Донцы, богунцы
Да таращанцы
За власть Советов
На бой пойдут.

Леса зеленые
Да прикордонные,
Бойцы червонные
Вас берегут.

К боям готовы,
В бою суровы,
Клинком и пулей
Врага найдут.

Леса зеленые
Да прикордонные,
Бойцы червонные
Вас берегут.

Мы при кордонах
В лесах зеленых
По частым вешкам
Отыщем путь.

Леса зеленые
Да прикордонные,
Бойцы червонные
Вас берегут.

Где речки вьются,
Напьются кони,
Вперед поскачут —
Врага сомнут.

Леса зеленые
Да прикордонные,
Бойцы червонные
Вас берегут.

1937

КАЗАКИ ЕДУТ В МОСКВУ

1

Спала река, не шевеля теченьем.
Поля, луга всю ночь лежали ниц.
Спала страна моя. За исключеньем,
Во-первых, всех ее границ,
А во-вторых,
А во-вторых,
За исключеньем смен ночных,
Спала страна спокойным сном
В долине и в бору сосновом,
В березовом леске, в саду.
Похож был Днепр на черную слюду,
Спала страна моя, спала.
Над Доном яблоня цвела.
Спала страна моя, лежала,
Чуть волжская вода дрожала.
Во всей стране стоял покой,
Был мрак такой
И час такой,
Когда звенит в окне москит,
Когда луна пути мостит.
Помимо рек, дорог, границ, лесов,
Звучал в поэме хор гонцов —
Шел в строчках, между
И поверх страниц.
Сквозь песню конница как будто ржала,
Позвякивая сталью стременной.
Казачья песня шагом проезжала,
Осыпанная пылью боевой.

Прохладный ветер, что ли, излучался,
Возможно, что луной,
Скорей всего — водой.
Верней всего — рассвет уже начался,
Уже качался под большой звездой.
Пусть бархатные бабочки ночные
Еще летят, как на огни свечные,
На вычищенный до блеску оркестр,—
Как бы смеясь над их смятенной гонкой,
Взбегает утро по былинке тонкой
На самом отдаленном бугорке...

2

Герой мой, ты с автором должен встречаться
На людях, про все, обо всем говоря.
Прости мне,— поэма должна продолжаться.
Но ты уже в поле. Погасла заря.
Но кони оседланы, ружья заряжены,
Шашки наточены, вышла луна.
Конец перекличке: поводья и шпоры,
И ветер стоит на пути, как стена.
А что нам опушки
И что перелески,
А что нам линейки протертой двухверстки,
Асфальты, овраги, гудроны и травы.
Звезда покатилась за ворот черкески.
Разведка форсирует переправы.
Сосновая ветка щетинит отростки,
И ждут нас объятия смерти иль славы...
Мы в городе. Топот громит перекрестки.
Дома и постройки и запах известки.
Мы скачем то в луч светофора, то в мглу,
И, может быть, даже дымок папироски
Нас ждет за углом
Иль
На углу...

3

А над Москвой стояло небо
Чуть приметной синевы.
Воздух новый, город новый
Для казацкой головы.

От заставы до заставы
Вся Москва была светла.
Песня ехала при конях,
Возле стремени-седла.

«Поздороваемся, братья,
С краснобашенным Кремлем.
Громозвучную, станичную,
Товарищи, споем».

Головному отвечали:
«Это правильно, Роман».
Разом песню отвязали
От своих седел-стремян.

Ой да в небе сокол вился,
Ой да сокол молодой.
Ой да тихий Дон разлился,
Ой да синею водой...

Песню тянет-запевает
Головной кавалерист.
Песня плавает, летает,
Бьет крылами, в небе тает.

Догоняет песню свист.
Эта песня раздувает
Все казацкие усы.
Песню тенор провожает,

По бокам идут басы...
Ой да тихий Дон разлился,
Еще синею водой,
Ой да ехал, веселился,

Козаченька молодой.
Песня бьет крылами, мчится
По улице Моховой,
А за ней припев стремится,
Будто дым пороховой.

Поздоровалась станица
С краснозвездною Москвой,
Поздоровалась столица
С донской песней хоровой:

«Ой да справные подковы,
Еще гвоздик подобью.
Ой да мы всегда готовы
Сабли высветлить в бою!

Сабли высветлим в бою,
Да за родину свою...»

1936—1938

ЧАЙКИ

Вариация партизанской песни

Не вейтеся, чайки, над морем,
Вам негде, бедняжечкам, сесть.
Слетайте в Сибирь, край далекий,
Снесите печальную весть.

К родному двору подлетите,
В окошко ударьте крылом,
Кончину бойца опишите
Своим белоснежным пером.

Где спит наш товарищ любимый,
Там вьется, цветет виноград,
А он, наш товарищ, не видит,
Как южные звезды горят.

Зачем из могилы не встанет
С винтовкой и острым клинком,
Зачем, ах, зачем не помчится
На верном коне вороном?

Все так же здесь солнце сияет,
Зеленая плещет вода,
А он, наш товарищ, не встанет,
Не встанет боец никогда.

Не вейтеся, чайки, над морем,
Вам негде, бедняжечкам, сесть.
Слетайте в Сибирь, край далекий,
Снесите печальную весть.

1937

ВРАГ

Неугомонный
Не дремлет враг.

А. Блок

1

Туманная улица. Сумерки. Ты и она.
Идешь, говоришь ей, и между словами идет тишина.
Ты взял ее под руку, голову к ней наклоня.
Сейчас она скажет, расскажет тебе про меня:
— Вы знаете?.. знаешь? — Сейчас она скажет. Сейчас
Все станет и все поворотится, глядя на вас —
Холодные окна, стекло магазинных дверей...
Ты слушаешь. Слушая, ты наклоняешься к ней.
«Ты знаешь ли?..» Имя она называет теперь.
Что имя мое и тебя остановит, поверь...
Ты вспомнишь поляну, снарядом подбитую ель,
Зарницы далекого боя, мою фронтовую шинель.
Зарницы далекого боя...
Снарядом подбитую ель...
Мою фронтовую шинель...
Меня самого пред тобою...
И снова — поляну и ель и пляску далеких зарниц,
И снова затрубит в овраге сова, как горнист...
Плечо — это самое — мужественнее еще —
Мерцая погоном, чуть двинется это плечо...
Рука — эта самая — вежливая рука.
Она не спешит, а прицелясь, стреляет наверняка.
Я падаю... Я умираю... А ты
Совсем как сейчас, среди льющейся темноты,
Стоишь надо мной и над хрипом последним моим...
Да! Разные ночи тогда подходили к двоим,
И та, что последней и вечной была для меня,
Догнать не смогла твоего удалого коня...

2

Затянуто тиной далеких сибирских болот,
Лежит партизанское тело. И сизый и хищный пилот,
Возводит спирали орел над зыбучей могилой. Над ней
Ель молча простерла зеленые флаги ветвей.

Здесь волку и ворону нечем достать до него.
Здесь съедено ржавчиной светлое сердце его.
Здесь кровь его стала поистине солью земли...
Стократно бураны по этому краю мели.
Стократно светила и светит бессмертная эта звезда.
Совсем как тогда, когда мчался, спускал под откос
поезда,
Шатаясь в тифу, отступал, наступал и в атаках
безумствовал он.
Звезда. И поляна. И ель. Здесь — пачка зеленых
патрон...
И все же недаром борьба нас трепала и жгла.
И все же недаром рвал ветер на наших судах вымпела...
Чтоб ты не вдыхал этот воздух. Чтоб ты
Не мял, не топтал на советской границе цветы,
Чтоб с наших цветов ты пчелу не согнал,
Чтоб смирно стоял, чтоб оружье без выстрела сдал.
А если в тревоге вернется пчела на леток,
Тот самый цветок —
Твой конец,
Твой итог...

1937

МОРЯКИ

Не на кровных конях, не в латах,
Не с герольдами впереди —
Шли обветренные, в бушлатах,
Шли да шли без команды: «Иди!»

Шли да шли, да Антанту били,
Растрепали в дым Колчака,
С ходу Мамонтова срубили.
— Что за невидаль,— говорили,—
Отмороженная щека?

А начнем вспоминать хотя бы,
Как горели белые штабы,
Как мы сами, делов наделав,
Уходили из-под расстрелов...

По породе видать — пошли мы
В Матюшенко,
В Вакулинчука,—
Все фронты с боями прошли мы,
И врагов судили в Чека.

Мореходы, мы сушей плыли,
Привыкала к поводьям рука.
Броневые автомобили
Знали красного моряка.

Нас призвали сражаться и править,
Мы пришли и сказали: «Есть!»
И в саду коммуны поставить
Надо памятник в нашу честь;

Надо сделать его получше,—
Настоящий художник поймет! —
Чтобы звезды
И чтобы тучи,
Если можно,— и грохот вод...

Он в веках не потонет — могучий,
Штормом дышащий и бегучий
Девятьсот семнадцатый год!

1937

СОЛДАТ

Был солдат,
Бежал солдат —
Словом, отступал солдат;
На бегу стрелял солдат.
Ждал, пока патроны выйдут;
Словом, отступал солдат.
Добежал солдат и видит —
Пулеметчики сидят.
Кто без шапки,
Кто без ног.
А один — без рук, без ляжки,
Из пробитой пулей фляжки
Пил

И умер, не допив,
Кровью землю затопив...
Перевернут котелок,
На костре лежит сапог.
Виден желтый поднаряд.
Вот что делает снаряд!..

Только лошади живут:
Ветки с дерева жуют,
Стукают ногами в пни,
Фыркают, водя ушами;
По бокам себя хвостами
Шумно бьют:
Их жгут слепни...
Все вокруг — на диво мирно,
Ясен круглый горизонт,
И, как по команде «смирно»,
Сосны тянутся во фронт.
Жарко.
Полдень подступает,
И из сосен выступает
Очень чистая смола.
На цветок ползет пчела...

Тихо мертвые сидят.
Молча лошади глядят,
Как в тени одной двуколки
Разувается солдат.
С ног свертев гнилую бязь,
Зло во всех местах скребясь,
Рассуждадет сам с собой:
«Страшен только первый бой...
Пуль боялся, кланялся...
К черту в зубы нанялся...
Рев трубы сводил с ума:
Все казалось — смерть сама,
Как в атаку затрубит —
Все казалось, что — убит,
Что зарыт...
Э, да что там говорить!
Нет ли, братцы, покурить?..»

Но у мертвого соседа
Не нашел солдат кисета,

Лишь в кармане рваной куртки —
Табачку на две закурки.
И на весь печальный лагерь
Лишь один листок бумаги.
Наступил великий час:
Вспоминая, вновь учась,
По складам прочел солдат:
— Бедный брат!
Безумный брат!
Посмотри, солдат, вокруг.—
Посмотрел солдат вокруг:
Тихо мертвые сидят,
Молча лошади глядят...
— Кто, подумай, виноват? —
И задумался солдат.

Думал, думал —
Взял винтовку,
Вчетверо сложил листовку
И пошел босой солдат
Выяснять: кто виноват?..

1937—1939

ПРО КОНЯ

Бродило солнце по лесу,
Будило птичий крик.
Беседовал с мальчишками
Пастух, седой старик:

Прошли-ушли мои года,
Промчались времена —
Японская,
Германская,
Гражданская война.

Спина в дугу согнулася,
В погоду тяжко ей,
А жить, ребята, хочется,
И я пасу коней.

Лошадка любит, слышите,
Особые слова:
Валяться, может, хочется —
Так вот тебе трава.

Купаться, может, хочется —
Так вот тебе река.
Пасись, гуляй, вороненький,
Нагуливай бока.

И вы растите, милые.
Как погляжу на вас —
Ученые да храбрые.
Куда уж мне сейчас...

Хорошего товарища
Бойцу готовит дед —
Голубь коня,
Люби его —
Спасет тебя от бед.

Настанут дни походные —
Привалы да седло,
Гроза да снег,
Да пыль,
Да грязь,
Да холод,
Да тепло.

По всей земле проедешь ты
На этом вороном.
Голубь его,
Пои его,
Корми его овсом...

Уж как взращу да выхожу,
Да выхолю коня —
Хорошим словом в добрый час
Помянете меня:

Вот — скажете — был дедушка.
Он знал в лошадках толк.
Смотри — какого вырастил,
Завидует весь полк...

1938

* * *

Шли дожди. Скакали кони.
Под копытами вода.
Ну, так что же, что вода?
Это, братцы,— не беда.
А зато была узорная, озерная вода.
Наша молодость бессонная — хорошие года.

Да клинок!
Да грива черная!
Да красная звезда!..

Воспомянем нашу юность:
Голод,
Бой
И снова
Бой,
Переходы,
Переправы —
Шли дожди и пахли травы.
Иногда стучали кони в мокрый камень
мостовой,
И тогда приоткрывалось
То окно над головой —
Ты смотрела, улыбалась...
Так встречались мы с тобой...

1938—1940

ОТТЕПЕЛЬ

Ненастье — странный праздник мой:
В густом тумане дня начало.
Снег, перемешанный с водой.
Вдруг все бормочет, что молчало.
Бежит по трубам прежний лед,
Успевший в воду превратиться.
Вообразив, что перелет,
Нежданно вскрикивает птица;

Внезапно, склеив части дня,
Декабрь час на час надвинет,
И все живое вкруг меня
Какой-то миг молчит и стынет.

Мигает мокрая звезда
И вновь скрывается. И вскоре
Сплошная тьма. Журчит вода,
А издалёка поезда,
Как журавли, зовут на море.

1939

ОЖИДАНИЕ

Сергею Диковскому

Когда закат пожаром вспыхнет,
На берег Волги выходи.
Меня не встретишь — не тревожься,
Не сомневайся — подожди.

Вдали услышишь плеск знакомый —
Спустись к воде, вперед гляди.
Нет! Это рыбка заплескалась!
Не беспокойся — подожди.

Когда звезда над Жигулями
Блеснет надеждой впереди,
Ты слушать будешь каждый шорох.
Но не волнуйся — подожди.

Не раз меня ты похоронишь,
Не раз с отчаяньем в груди
Слезу невольную уронишь...
Но не печалься — подожди.

Зачем тревожиться напрасно,
Смотреть сквозь слезы на звезду?
Ты не услышишь плеска весел:
Ведь я под парусом приду.

1939

ПОВАР

Завернет мороз потуже,
Или взбесится метель,
Или что-нибудь похуже —
Хоть граната, хоть шрапнель,

Или даже самый частый
Так и сыплется огонь,—
В час урочный к нашей части
Тащит кухню рыжий конь.

И пойдет веселый говор
Вкруг бачков и котелков,
Потому что славный повар
И заботлив и толков.

Всех он держит на заметке
И на всех завел учет:
Тем, кто ночь провел в разведке,
Он погуще зачерпнет,

До краев наполнит плошку
И при случае таком
Скажет:
— Ешь, орудуй ложкой,
Как лопатой, как штыком!

— Дорогой ты наш товарищ,
Мастер дела своего!
Что ни жаришь, что ни варишь —
Нет вкуснее ничего.

А твое простое слово
Уважают все вокруг.
Ты для нас — не только повар,
А хороший, близкий друг.

ЛВО.
Январь 1940 г.

* * *

Мы привыкаем к пушечному грому
И, находясь в передовых частях,
Идем к землянке, как к родному дому,
Едим и пьем спокойней, чем в гостях.

Закат угас на дальнем горизонте,
Мерцает звездами, шумит лесами ночь.
Друзья мои, я с вами — здесь, на фронте.
Я к вам пришел — своим стихом помочь...

— Стой, кто идет?! — Шепну тихонько: мушка,—
Землянка станет кровом для меня.
Мы ляжем вместе, и над нами пушка
Пойдет греметь до наступленья дня...

Начнем с воспоминаний мы беседу.
О недалеком прошлом о своем
Сосед расскажет мне, а я соседу.
Потом подумаем, покурим и заснем.

И сон нас обоймет, стремительный и дружный,
С миганьем лампочки и пушечной стрельбой.
Быть может, нам приснится берег южный,
И солнца свет, и теплый волн прибой.

ЛВО.
Январь 1940

ОЛЕНИК

(Песенка)

Над суровой тундрой
Расцветает день.
Ходит по болоту
Маленький олень.

Вырастет оленик,
Легкий на бегу,
Вырастет оленик —
В парту запрягу.

Побежит оленик,
Почту повезет.
Побежит оленик,
Ногу ушибет.

Ой ты, мой оленик,
Легкий на бегу,
Ты лежишь, оленик,
Стонешь на снегу.

Встать олень не может —
Падает опять.
Силы не хватает
Голову поднять.

Ой ты, мой оленик,
Подыми рога!
Нам мороз не страшен,
Не страшна пурга.

Нам нельзя, оленик,
Оставаться тут:
В нашей почте радость,
Люди писем ждут!..

Встал олень, поднялся —
Побежал олень.
Над широкой тундрой
Начинался день.

1940

PRO DOMO SUA [1]

Слова сумбурные, трескучие,
Слова без мысли и души
Мне опротивели, прискучили,—
Бывает так: хоть не пиши,
Хоть не читай. Совсем не слушай их,
А если слышал — позабудь.

[1] Для себя *(лат.)*.

Решил — забыть. Но в этом случае
Всегда мешает что-нибудь.
Снег падает — бумага чудится.
Две рифмы — две твои руки.
И вдруг решение забудется,
И помнится конец строки.
Вино становится чернилами,
И к рюмке тянется перо.
И кажутся те строчки милыми,
Которые считал постылыми...
Ну что? Старо?
Пускай старо!

1940

ВЕСЕЛЫЙ ЧЕЛОВЕК

Талантов тьма в народе,—
Не сосчитать вовек,
И между ними ходит
Веселый человек.

Поход тяжелый самый.
Еще далек ночлег.
А что нам, если с нами
Веселый человек?!

Больной здоровым станет —
Не надо и аптек,
Коль на больного глянет
Веселый человек!

Умеет в час военный
Отбить врага набег
Простой обыкновенный
Веселый человек.

Тогда стреляет, рубит
Едва ль не лучше всех.
Тогда шутить не любит
Веселый человек.

1940

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

Гитлер начал войну в воскресенье.
Вдруг. Внезапно. Как землетрясенье.
В тот же день я был призван и форму надел,
Отрешился от штатских мыслишек и дел
И под грохот противовоздушный
Слушал говор колес равнодушный:
Мирный, дачный, курортный, размеренный
стук.

Да и, кстати, состав наш катился на юг
По отрезку свихнувшейся с толку вселенной.
Я сдружился с соседями за полчаса.
Мы нестройно запели. И так начался
Первый день моей службы военной.

1941—1960

БАЛЛАДА О ДРУЖБЕ

Как дружков-товарищей с одного забоя
Очень сильно раненных, вынесли из боя.
Одного товарища смерть взяла в дороге,
За другим до госпиталя волочила ноги,
Волочила ноги, встала на пороге.
Ночью парень вскинулся, будто по тревоге.
Показался пол ему фронтовой равниной,
Показалась смерть ему санитаркой Ниной.
Он у смерти спрашивал: — Нина, что в Донбассе?—
И еще выпытывал: — Где дружок мой Вася?! —
А она, безглазая, так отозвалася:
— Ты иди сюда, шахтер, покажу, где Вася...—
Человек отчаянный, силы непомерной,
Коренной донбассовец и товарищ верный:
Он ползет, торопится, друга выручает,
Он зовет товарища — друг не отвечает.
Вот уже рукой подать парню до порога.
— Вася,— шепчет он,— родной, продержись
немного,
Вася,— шепчет он,— родной! Тут я, недалечка,
Нам еще рубать с тобой, Вася, уголечка...—

Парень перевязанный, кровью перемазанный,
Он ползет, торопится, сердце в нем колотится.
А ползет, не думает он, что умирает,
А в ушах военная музыка играет.
Крик трубы серебряной в сердце отдается.
Слышит он, вытягиваясь, голос полководца:
«Пользу для отечества ты принес немалую.
Я тебя за подвиги вечной жизнью жалую.
Твоим честным именем называю шахту:
Как придешь ты в Сталино,— становись на вахту...»
Мертвыми губами отвечает воин: — Я, товарищ
Сталин,
Не один достоин.
Мы, товарищ Сталин, вместе с Васькой встанем...—
И ответил полководец доблестному воину:
— Становитесь вместе. Ладно, сделаем по-твоему...

1941

ДАВАЙ ЗАКУРИМ

Дует теплый ветер. Развезло дороги,
И на Южном фронте оттепель опять.
Тает снег в Ростове, тает в Таганроге.
Эти дни когда-нибудь мы будем вспоминать.

Об огнях-пожарищах,
О друзьях-товарищах
Где-нибудь когда-нибудь
Мы будем говорить.
Вспомню я пехоту,
И родную роту,
И тебя
за то, что дал мне закурить.
Давай закурим
По одной.
Давай закурим,
Товарищ мой!

Снова нас Одесса встретит, как хозяев,
Звезды Черноморья будут нам сиять,
Славную Каховку, город Николаев —
Эти дни когда-нибудь мы будем вспоминать.

Об огнях-пожарищах,
О друзьях-товарищах
Где-нибудь когда-нибудь
Мы будем говорить.
Вспомню я пехоту,
И родную роту,
И тебя
за то, что дал мне закурить.
Давай закурим
По одной.
Давай закурим,
Товарищ мой!

А когда не будет Гитлера в помине
И к своим любимым мы придем опять,
Вспомним, как на запад шли по Украине,—
Эти дни когда-нибудь мы будем вспоминать.

Об огнях-пожарищах,
О друзьях-товарищах
Где-нибудь когда-нибудь
Мы будем говорить.
Вспомню я пехоту,
И родную роту,
И тебя
за то, что дал мне закурить.
Давай закурим
По одной.
Давай закурим,
Товарищ мой!

1941

ПАРТИЙНЫЙ БИЛЕТ

В карман гимнастерки
Моей фронтовой
Тебя положил я
В час грозовой.

Всегда ты, товарищ,
На сердце моем —
В жестокие битвы
Мы ходим вдвоем.

Бывает,— приложишь
К сердцу ладонь,
И руку согреет
Незримый огонь.

Тобою, партийный билет,
Я клянусь —
Коль ранят меня,
Я опять поднимусь.

Тобою, партийный билет,
Я клянусь —
Фашистам не взять меня —
С боем пробьюсь!..

И если пробьет тебя
Злобный свинец,
Погибнешь со мною,
Как честный боец.

Я слышу команду:
— За Родину! В бой! —
И вновь мое сердце
Стучит под тобой.

И снова я руку
К тебе приложу,
И снова гранаты
Свои заряжу.

Сквозь грохот,
Сквозь пуль несмолкающий свист
Ты словно мне шепчешь:
— Вперед, коммунист!

Ноябрь 1941 г.

ЖУРАВЛИ

Над пыльной кровавой долиной
Багровый закат задрожал,
И горестный запах полынный
Как будто за солнцем бежал.

И рев орудийного хора,
Откуда — неведомо, вдруг
Закрыл на мгновенье, как штора,
Огромный немыслимый звук.
То, смерти уставы нарушив,
Над боем прошли журавли
И злые солдатские души
Горючей тоской обожгли...

1941—1965

БЕРЕЗКА

Я видел березку на фронте в бою
И вспомнил тебя, дорогую мою.
Метель бушевала, бил ветер в лицо,
Качал и сгибал до земли деревцо.

Вот такая березка есть на нашем дворе,—
Суждено ей, бедняжке, замерзать в январе,
Трепетать от мороза, стучать веткой в окно.
Тыловая береза — это ей суждено.

Ты услышишь ночью, быть может,
Легкий шорох за темным стеклом,
Он тебя, дорогая, встревожит,
Выйдешь ты, накрывшись платком.
Вкруг тебя заиграет вьюга,
А на улице нет никого.
Ты увидишь березку, подруга,
Вспомнишь милого своего...

Походные ночи. Минутные сны.
И кажется нам — далеко до весны.
Но мы довоюем, и мы доживем —
Дождемся тепла на пути боевом.

Я увижу березку по дороге домой,
Закурю папироску, постою над листвой.
От лихого мороза не погибла в ту ночь
Фронтовая береза, словно наша, точь-в-точь...
Ты услышишь ночью, быть может,
Легкий шорох за темным стеклом,

Он тебя, дорогая, встревожит,
Выйдешь ты, накрывшись платком.
Теплый ветер подует с юга.
Ты подумаешь: «Нет никого»,—
И увидишь любимого друга,
Встретишь милого своего...

Январь 1942 г.

ДОМОЙ

Под горячими осколками
Тает снег, а мы идем
Милой улицей шахтерскою,
Где стоит любимый дом.

Сколько раз по этой улице
Отправлялись мы в забой,
Сколько раз, бывало, вечером
Возвращались мы домой.

Двух братишек, двух забойщиков,
Двух шахтеров — то есть нас —
Знала шахта, знала улица,
Весь поселок, весь Донбасс.

По знакомой милой улице
Ноги сами нас несут:
Вот — заборчик, палисадничек,
Стой, братишка,— значит, тут...

Из-под ставни из-под розовой
Бьет немецкий пулемет,
Только домик не сдавали мы,
Кто хозяин, тот займет!

В обгорелой и простреленной
Нашей комнатке родной
После боя отдохнули мы,
Закурили по одной.

Февраль — март 1942 г.

В ОСВОБОЖДЕННОМ СЕЛЕ

Утихнет грохот уличного боя,
И в сельской кузнице, еще вчера немой,
Железо мирно звякнет. Над трубою
Дымок застелется — спокойный, деловой.
Пройдет по улице дивчина за водой.
Мальчишки — шустренькие, с мокрыми носами —
Помчатся на заржавленных коньках.
Старушка поплетется за гусями
С тростинкой в обмороженных руках.
И крик гусей, и мирный стук кузнечный,
И полоза визгливый разговор,
И за селеньем дымный, бесконечный,
Знакомый, долгожданный, будто вечный,
Курящийся поземками простор...
Послушаешь, посмотришь, и прихватит —
Вот тут, под сердцем, что-то защемит,
Проймет до слез. Но ты промолвишь: «Хватит!» —
Хлестнешь коня. И снова бой гремит.

1942

* * *

Друзья, не верьте слухам —
Я жив и невредим.
Вот кончится разлука,—
Мы вместе посидим.

Товарищи по славе,
Со многими из вас
В Одессе и в Полтаве
Мы встретимся не раз,

И вспомним переправы,
Херсонские сады,
Степей донецких травы
И вкус речной воды...

Наверно, нам взгрустнется,
И, может быть, иной
Невольно отвернется,
Блеснувши сединой.

Но сдвинутся стаканы —
За жизнь, что нам дана,
За боевые раны,
За наши ордена.

Зачем же верить слухам?
Я жив и невредим,
И кончится разлука,
Когда мы победим!

1942

ВИНТОВКА

Я на зверя иду, на двуногого пса.
Вот его ядовитая пасть.
Он ползет под родные мои небеса,—
Я стреляю и должен попасть.

Он — убийца и вор. Я — советский боец!
Кто кого? Пусть решится в бою.
Кровь мою, жизнь мою, мой смертельный
свинец —
Все вложил я в винтовку мою!

Лишь на гадину взглянет винтовки зрачок,
Будет к капсюлю рваться боек.
Не успеет утихнуть отдачи толчок,
Гад получит свинцовый паек!

Поверну я затвор — гильза вылетит прочь,
Станет в очередь новый патрон.
Будет снег или дождь, будет день или ночь —
Знаю — враг будет мной побежден!

1942

* * *

Час перед боем! Час перед боем!
Час испытанья — поверка сердец.
Думай, готовься, если ты воин,
Если ты честный советский боец.

Чтобы винтовка служила без спора,
Чтоб не напрасно огонь вылетал,
Ты поверяешь походку затвора,
Точно ли пригнан к металлу металл.
Что от затвора требует воин?
Лишь бы стрелял да латунь извлекал...
Чтобы поверить свое ретивое,
Нету инструкций, таблиц и лекал...
Чувствуй, товарищ, его нагреванье,
Но не как робкое тленье свечи.
Дай ему сразу гвардейское званье,—
Пусть, словно солнце, расправит лучи,
Словно как солнце из облака выйдет,
Пусть добела раскалится оно,
Пусть оно слышит, пусть оно видит,
Пусть оно знает только одно:
Час перед боем! Час перед боем!
Час испытанья — поверка сердец.
Думай, готовься. Если ты воин,
Если ты честный советский боец,—
Значит, пойдешь ты по верному следу,
А за тобою — другие стрелки.
Хватит бессмертья тебе и соседу,
Не опозорятся ваши штыки,
А шкура, а трус, что не верит в победу,
Пусть подыхает от честной руки...

Август 1942 г.

ПЯТЬ ГЕРОЕВ

Пять отважных сыновей,
Дети русских матерей,
Как братья родные,
Друзья боевые,
Дрались за счастье
Отчизны своей.

Танки двинулись на них,
На героев пятерых.
Ответ был достойный —
Свинец бронебойный,—
Не дрогнул никто
Из бойцов молодых.

Не боялися они
Черной вражеской брони;
Осталось их двое,
Отважных героев.
Их подвиг, товарищ,
В бою вспомяни.

Обнялись в последний раз.
— Помни, родина, о нас...
Под танки бросались,
И танки взрывались,—
Так русский моряк
Выполняет приказ...

1942

СТАРОБЕЛЬСКАЯ ДОРОГА

Старобельская дорога,
Телефонные столбы —
Их осталося немного
От бомбежки, от стрельбы.

А налево и направо,
Вплоть до самых Белых Гор,
Много танков догорало —
Это сделал наш сапер.

Он и пашет, он и сеет,
Семя к семени кладет:
Час настанет, все поспеет —
Только немец подойдет.

Час настал, и хлеб до неба
Красным валом загремел —
Дал сапер фашистам хлеба,
Немец досыта поел.

А сапер заснул у стога,
И ему не до пальбы...
Старобельская дорога,
Телефонные столбы.

1943

СОЛДАТЫ

1

Сперва плясать солдата
Заставил корешок,
Шахтер, веселый парень
По кличке Обушок.
Солдат, смеясь, постукал
Подбором о подбор,
Потом прочел. Заплакал
И говорит:
— Шахтер!
Погибло все, что строил
Отец для сыновей.

Погибло все,— сказал он,—
Нет родины моей.
К чему мечты, надежды?
Где голову склоню?
Небось и печи нету,
Где зашуметь огню.

Бездомный, беспризорный,
Куда подамся я?
Шахтер, шахтер!
Не знаю,
Что медлит смерть моя!..

И отвечал солдату
Шахтер на эту речь,
Где все перемешалось —
И родина, и печь:

— Дружище! На пожаре
Не плачут по горшку.
На самый крайний случай,
Поедешь к Обушку.
Ты в городе забудешь
Свое село с избой.
Чтоб дома не журились,
Закурим по одной.

2

Шахтерского не стало
На свете городка;
Пошла по фронту сводка,
Дошла и до полка.
Сказал радист солдату,
Дружок сказал дружку.
И все, кто был в землянке,
Подсели к Обушку.
А он...

— Шахтер, известно,—
Шахтера только тронь! —
Своей рукой мохнатой
Берется за гармонь.
Да как зажмурит очи,
Да крикнет в тишине:
— Донбасс, Донбасс, земля моя,
Ты вся горишь в огне!..

Горюю я по родине,
И жаль мне край родной.
Лежит вагончик на боку
В продольной коренной.

Лежит вагончик на боку
В продольной коренной.
Пошел забойщик на войну,
Пошел старик седой.
Куда подался, старина?
В дороге пропадешь...
А он в ответ: — Сынок! Война —
Два раза не помрешь.

Я сердцу старому скажу,
Заставлю, прикажу:
А ну, ходи, как я хожу!
Стучи — не стой, скажу.

Я тридцать лет углем дышал,
Теперь глотнул огня.
Горит, горит моя душа
И требует угля...

1943

НЕДОПИТЫЙ СТАКАН

Он редко видел дно стакана,
Дружище капитан,—
Ему судьба всегда мешала
Допить до дна стакан.

Бывало, выпьем понемножку,—
Нальем ему стакан.
И вдруг атака иль бомбежка...
Несчастный капитан!

А то прорвутся рядом танки.
Воюет капитан.
И враг отбит,
но нет землянки,
И не допит стакан...

Налей нам, друг, по полстакана!
Налей скорее нам,
И мы допьем за капитана
Недопитый стакан!

1943

ПОЧЕМУ Я ДОЛЖЕН СПАТЬ?

Почему я должен спать?
Самого себя обидеть?
Я желаю ночью встать
И не ложь, а правду видеть!
День томит избытком встреч,
Зряшных, нужных и случайных.
Не давай себя отвлечь —
Не болтай о важных тайнах.
Пусть они для всех пустяк:
Груша с дерева упала,
Лунный блик застрял в гостях
У окна полуподвала,
Фыркнул кот, сверкнув зрачком,
И в мое плохое зренье
Вдруг светящимся жучком
Проползло стихотворенье.

Пальцем трогаю — нашел!
Вот он — усики и спинка.
Словно бронзовый, тяжел,
Гнется тонкая травинка...
Это дело я держу
Под особенным секретом,—
Часто я их нахожу
В темный миг перед рассветом.
И не выдам, не скажу
Под ножом иль пистолетом:
С кем хожу и с кем дружу,—
Знаю только я об этом.

1943

НА ПОЛЕ БОЯ

В воздухе, простреленном навылет,
На снегу, исчерченном войной,
Словно бы строгают, будто пилят
Или рубят рельсу надо мной.
И стальные щепки и занозы
С визгом брызжут далеко вокруг.
Или это разыгрались грозы
В пору лютых холодов и вьюг?
Гром катится, молния змеится,
Тучей ходит дым пороховой,
И никак не может прекратиться,
Оборваться ливень роковой.

1943

ДВОЕ

На восходе солнца, среди бела дня,
Возле Синей рощи ранило меня.
Закатилось солнце. Опустился мрак.
Я хотел подняться — и не мог никак.
Тут мне стало больно, горько стало мне:
Вот лежу, забытый, на сырой земле.
Кто мой стон услышит в шуме боя?..
Вдруг
Кто-то крикнул: — Миша! Это ты, мой друг?

— Ноги, мои ноги! — отозвался я.
И сказал товарищ: — Я найду тебя.—
Говори со мною. Не молчи, земляк.
Говори почаще — нужен мне маяк.

Шел боец на ощупь — и нашел бойца.
На меня упала кровь с его лица.
Так, на поле брани в светлый ранний час
Наши злые раны подружили нас.

1943

О ЖИЗНИ

На войне о смерти мало говорят:
В день ее встречают много раз подряд.
Слишком даже много этих смертных дней,
Так чего же ради говорить о ней?
На войне о жизни любят говорить,
Благо жизнь солдата тонкая, как нить.
Тонкая! Но как бы ни была тонка,
Как бы ни рвалася,— все равно сладка!
Прошипела мина, пронесло снаряд —
И опять о жизни люди говорят.
Курят папироски, пряча их в ладонь.
Есть гитара в роте, есть одна гармонь.
На войне играют, на войне поют.
Есть у всех надежда: может, не убьют...
А когда настанет этот самый миг —
И тогда не сразу сдастся фронтовик.
Он бывалый, тертый,— он не так-то прост —
Упадет как мертвый, или встанет в рост,
Или смерть обманет, или примет так,
Что его геройству удивится враг.

1943

О СОЛДАТЕ

Все известно о солдате —
Как судьба его текла;
Как он спал в разбитой хате,
Где окошко без стекла;
Как он ездил под бомбежкой

На попутной грузовой;
Как цигаркой — козьей ножкой
Согревался он зимой;
Как привыкнуть можно к пуле
И к толчку взрывной волны,
И какая пыль в июле
(А без пыли нет войны!).
Обо всем о том в газетке
Прописали пару строк:
Дескать, был солдат в разведке
И вернулся точно в срок.

1943

РЕКА ПОЕТ

Река святая вся, до дна!
Такая есть у нас одна.
И тот, кто здесь в бою крещен,—
Тот для бессмертия рожден.

Один стремился на плоту
Измерить эту широту:
Он плыл под вражеским огнем,—
Волна Днепра поет о нем.

Друзей на лодке вез другой:
Из боя плыл он в новый бой.
Он плыл под вражеским огнем,—
Волна Днепра поет о нем.

А третий был простой сапер —
Таскал винтовку и топор;
Он мост построил под огнем,—
Волна Днепра поет о нем.

По мосту танк провел танкист,
Под мостом связь тянул связист.
И тот, кто здесь в бою крещен,—
Тот для бессмертия рожден.

1943

О ТАНКИСТАХ

В башне две дыры пробило,
Дым валил из башни.
А механик гнал машину,
Наклонив упрямо спину,
По кровавой пашне.
И, не выдержав работы,
Отказали пулеметы:
Вот могила, братцы!
Но спокойный звук мотора
Говорил: — Еще не скоро.
Еще можно драться.
Еще едем. Еще правим.
Еще гитлеровцев давим.

Есть гранат с десяток.
Еще фляжка есть у Васи,
Еще песня есть в запасе,—
Будем бить проклятых!

Пушка мертвая молчала.
От ударов бронь трещала.
Провода горели.
Водку выпили солдаты,
Приготовили гранаты,
А потом запели.

(...и механик гнал машину,
Наклонив упрямо спину.
Если б мне туда же —
В этот бой, в машину эту!
Только — больше места нету.
В этом экипаже.)

1943

* * *

В жилах кровь моя остановится.
Перестанет сердце стучать.
И безмолвие, как пословица,
Языку прикажет «молчать!».

Ладно. Пусть. Но не все достанется
Честной службе могильных гостей:
Спутник мой со мною расстанется,
Человек из песни моей...
...Все мы,
все, оглушенные войнами,
Все, кто жег и кто строил мосты,
Все, казавшиеся беспокойными,
Злыми, добрыми или довольными,
Ляжем в угольные пласты...
Но по-прежнему будут вольными
И грядущей жизни достойными
Человеческие
Мечты.

1943

ПАУТИНКА

Лес, покрытый легкой дымкой,
На закате солнца тает.
Бабье лето паутинкой
Нам навстречу пролетает.
Чистый, нежный, как дыханье,
Волосок тепла, куда ты?
Здесь тяжелое железо,
Здесь суровые солдаты,
Здесь военная дорога —
Топот, полог пыли душной.
Ты плывешь в вечернем свете,
Кончик лета непослушный.
Ты откуда к нам явилась?
Где бывала? Где летала?
Ты случайно иль нарочно
К нашей части приплутала?
Может, ты Днепра сединка?
Или старый Днепр — отец твой?
Или ты ушла от немца,
Сиротинка с малолетства?
По сырым травинкам стлалась,
Залетать боялась в хаты,
А искала шлях полтавский,
Где железо и солдаты,

Где штыки четырехгранны,
Светят звезды на пилотках,
Где дрожат от бега ветки
На больших понтонных лодках.

1944

ОДНОПОЛЧАНИНУ

Осенних облаков громада
Лежит на прутьях голых рощ,
И над пыланьем листопада
Весь день летает легкий дождь.

Такая мирная картина,
Что не понять который год:
Как будто спать легла равнина,
С теплом простилась, снега ждет,

Ждет без печали, без тревоги...
А вот тебя страшат, ей-ей,
Сорокалетние итоги
Нескладной юности твоей.

Тебе страшны не постаренье,
Не сеть морщин, не седина,
Но всех страстей исчезновенье,—
В замену их — война. Война...

Войною жизнь твоя ведома.
Войны однообразный быт
В твоей крови живет, как дома,—
Не жжет, не сушит, не знобит.

И кто такие — муза? Лира?
Тень сада? Городской уют?..
И страшно мне, что краски мира
Тебя не трогают, не жгут.

1943—1965

ЛЕТ ПЯТНАДЦАТИ МАЛЬЧИШЕЧКА

Лет пятнадцати мальчишечка
Покидал отцовский дом.
Увязался он за конницей,
Стал проситься в эскадрон.

Лет пятнадцати мальчишечка
Со слезами просит взять:
— Не глядите, что я маленький,
Я могу клинком рубать...

Лет пятнадцати мальчишечке
Командир велел уйти:
— Говорить с тобой нет времени,—
Видишь, немцы на пути...

Лет пятнадцати мальчишечка
Повернулся, посмотрел,
Приказанье он не выполнил,
Уходить не захотел.

Приказанье он не выполнил,
Притаился и глядит —
Пуля вражеская свистнула —
Пулеметчик наш убит.

Лет пятнадцати мальчишечка
К пулемету припадал,
За щитком мальчишка прятался,
А полковник не видал.

Командир полка волнуется,
Командир полка кричит:
— Что, товарищ, призадумался?
Что «максимка» твой молчит?..

Дай-ка немцу перцу по уху,
Прочеши бандиту шерсть...
Лет пятнадцати мальчишечка
Отвечает басом: — Есть!

Пулемет строчит без отдыху,
Аж вода внутри кипит.
Кони мчатся, как по воздуху,
Снег летит из-под копыт.

Боевая наша конница
Рубит немца, что есть сил.
Лет пятнадцати мальчишечка
Красный орден заслужил.

1944

* * *

Здесь, в районе Сандомира,
Трудно было для пера:
На мою солдатку-лиру
Навалились «мессера».

Ходят, подлые, над целью:
«Эй, писака, выбирай
Между рифмою и щелью:
Хочешь — в землю, хочешь — в рай!»

Но когда я рифмой занят,
Пусть тогда меня таранят,
Пусть бомбят, идут в пике,—
Все стерплю с пером в руке.

1944

НОЧЬЮ

Еще до восхода далеко,
До низких растрепанных туч.
Приди, моя муза, с востока,—
Бессонного сердца не мучь.
Теперь ты так редко со мною,
Как с мужем немилым жена:
Живешь за войной, за стеною,
Когда ты мне рядом нужна!
Ты мне говорила с укором,
Что тесно крылу твоему,
Что ты, мол, привыкла к простору,
Что я тебя прячу в тюрьму...
Услышав проклятое слово,
Я дерзкой уйти приказал.
Но дух одиночества злого
С тех пор мое сердце терзал.

Тоска по родимому краю,—
Как я ей уйти прикажу?
Что делать? Я дверь отпираю,
В холодную ночь выхожу.
Прожектор над мокрой дорогой
Провел бесконечной рукой,
И спрятался месяц двурогий
При виде махины такой.
Невидимый бомбардировщик
Тяжелую ношу повез.
Деревья в привислинских рощах
Молчат от испуга и слез.
Военная ночь за границей:
Спросонок орудье стрельнет,
На западе тусклой зарницей
Нет-нет и ракета мигнет.
И вдруг заблестят с горизонта
Две фары. Два теплых огня.
То — очи бессонного фронта.
И грусть покидает меня.

1944

ОТЕЦ

Нам было б хорошо двоим,
И жизнь не так трудна,—
В конце концов я создан им,
И плоть и кровь одна.
К чему бы сердце ни рвалось —
К любви, друзьям, стихам,—
Двойною страстью жгло насквозь...
Так было.
А теперь мы врозь,
И сердце — пополам...
Мы столько видели концов,
Шагая сквозь пальбу,
Что если смерть берет отцов,
То кто клянет из нас, бойцов,
Сиротскую судьбу?
Я редко думаю о нем
Среди громов войны.
Но скоро мы домой придем,—
А мы прийти должны.

Тогда, я знаю, в тишине,
С самим собой наедине,
Мне станет горько без него —
Отца и друга моего.

1945

КОГДА ОКОНЧАТСЯ БОИ

Когда окончатся бои
И похоронят всех убитых,
Поселятся мечты мои
В местах, самой войной открытых.
Между деревьев, на траве,
В тени урочищ Приднестровья,
Где были сложные условья,
Где тосковал я по Москве.
Или в совхозе запорожском,
Или в донецком городке,
Где мне взгрустнулось по березкам
И я вздыхал накоротке.
Или в степях Асканья-Нова,
В виду пейзажа неземного,
В виду безносых скифских баб,
Где странно видеть часового
И дико слышать слово «штаб».

Да прилетят мои мечты
В одно сельцо вблизи Оскола.
Читатель мой, не знаешь ты
Прифронтовые эти села,
Не любишь земляного пола,
Овечьих криков, тесноты
И прочей сельской красоты?
Ночлег среди холодной мглы
С пальбой зениток в промежутки,
И печи были мне милы,
Пускай нетопленные сутки.

Писать о славе, смерти, бое,
Строкой воинственной звеня,
Мне не по сердцу: ретивое
Мое хитро, как западня.

Начну торжественно, друзья,
О грозном громе артогня.
Оно стучит: «Брехня! Брехня!
Ты спой им что-нибудь иное —
Про свет звезды, про отблеск дня,
О раннем утреннем покое».

И вот, фанфару отклоня
И мирно сидя, а не стоя,
Я вам спою не про героя,—
О хатке, где ютился я,
И голубое-голубое
Глядело небо на меня.

Вот тут писал я о войне,
О выстрелах, кровавых пятнах —
Вещах тяжелых, неприятных,
Гражданским людям непонятных,
Но кое-как знакомых мне.

Мой стиль сложился здесь вполне.

1945

ПИСЬМО К СЕБЕ

Из далекого прошлого, от себя самого
Ты получишь послание — распечатай его...
Строчки детские выцвели — столько лет шло письмо!
Словно музыка, издали долетает оно.
Ты смешным и торжественным улыбнешься словам.
Будь простым и естественным, дай свободу слезам,
И тогда на письмо свое ляжешь мокрой щекой:
Где оно, твое прошлое, беспокойный покой?

1945

ГОВОРИЛИ ЧАСТО МНЕ

Говорили часто мне:
На войне — как на войне.
Разобраться — что к чему —
Было мне не по уму.

Стал расти я — шла война.
Возмужал — опять война.
Вот пробилась седина —
И опять идет война...
Значит, век солдатом быть:
И терять и находить,
Вспоминать, любить, дружить,
Чаркой водки дорожить.
Да разжиться табачком,
Да шинельку под бочком.
Да в коптилочку огонь,
Да под голову гармонь!..
И — пускай бомбят кругом —
Засыпать под крик и гром.
И не верить тишине:
На войне — так на войне.

1945

ДОМА

Ишь куда занесло нас с тобою
Из далеких московских краев!
А ведь шли мы от боя до боя,
И не счесть этих самых боев...
О себе не скажу — не заметил.
А коснемся тебя — не узнать:
Был ты черный, а нынче, брат, светел,—
Стал седой, и не то чтобы прядь...

Мы в таких переделках бывали!..
Невозможно о них говорить.
А расскажешь — поверят едва ли.
Лучше просто молчать и курить...
Седину ты, понятно, не скроешь
И, придя из Берлина домой,
Очень многих молчаньем расстроишь,
А рассказывать будешь одной.
Да и то — безо всякой охоты,
Разве, может быть, крикнешь сквозь сон.
А она тебе шепотом: — Что ты?! —
И обнимет. И ты спасен...

1915

ГДЕ ОН ТОЛЬКО НЕ БЫЛ

Где он только не был за четыре года!
Поглядеть на карту — батюшки мои!
Всякая природа, всякая погода,
Иногда раненье, и всегда бои...
Кажется, прошел он с боем по столетьям,
Только время сжалось в тыщу двести дней.
А еще успел он тосковать по детям,
По своей хорошей, по родной своей.
А еще успел он подружить с друзьями,
Пошутить, где можно — выпить, песню спеть...
Значит, скоро встреча с милыми краями,
А проститься с прошлым — как ему успеть?
Как ему припомнить всех, кто дрался рядом,
Все бугры и кочки, ямы и кусты,
Где к земле прижало миной иль снарядом?
Это, друг любезный, после вспомнишь ты.
Будешь ты прощаться с боевой порою
На пиру веселом, уронив слезу,
Или поздней ночью, темной и сырою,
Вспомнишь вдруг Тарнополь: «Грязь, а я ползу».
Встретишь — то-то радость! — фронтового друга,
И прощаться с прошлым будете вдвоем —
С тем, что было славно, с тем, что было туго,
С тем, о чем солдаты говорят: «Споем!»

1945

ЭХО

Не знаю, сколько их зарыто
Вблизи от нейсских мокрых дамб,
Где пулемет стучал сердито,
Как мой подбитый пулей ямб.
Чуть слышно эхо повторяет
Давно умолкшую пальбу,
Но тихий звук не умирает —
Живым он будет и в гробу.

Истлеют доски. И помеха
Исчезнет. И проснется вдруг
Давно минувшей битвы эхо,
Давно умолкшей песни звук.

1945

ВЕНА

Здесь недоедание и танцы
Вместо тех же танцев и еды.
Ходят табуном американцы
В пыльные австрийские сады,
Смотрят на могилы и окопы,
К исхудалым венкам пристают.
Где ж вы, лучшие певцы Европы?
Почему так плохо здесь поют?!

А между австрийскими садами —
Только лишь, гляди, не наступи —
Бегают собачки с бородами,
Волоча хозяев на цепи.

Франтоватый Штраус держит скрипку,—
Нету звука в бронзовой струне...
Город смеха! Подари улыбку,
Хоть одну. Хоть на прощанье мне.

1945

* * *

Пей, курчавый полтавчанин,
Рыжий скверный лимонад.
Ты напрасно так печален,—
Ты ни в чем не виноват.

На твоем лице беззлобном
Капли пота и тоска;
В новом штатском неудобном
Нет простору для стрелка.

Лизелотта — девка-ветер! —
Льнет к солдатскому плечу,
Шепчет: — Петер, либер Петер...—
Ты ж ей сразу: — Не хочу!

Нет в делах твоих ошибки.
Все нормально, дорогой.
Для тебя играют скрипки,
Кельнер выгнулся дугой.

Не журись, Петро, ты в Вене,
В знаменитом кабаке.
И не думай об измене,
Отдыхая налегке.

Вена, сентябрь 1945 г.

* * *

Л. Славину

Если бы я верил в бога,
Я просил бы у него:
«Дай мне, боже, много-много,
Если жаль тебе всего!»
Пусть он был бы злой и жадный
И скупой, как черт, господь,—
Он бы внял мольбе досадной:
«На! Бери, земная плоть.
Что — твой век? Одно мгновенье.
Сгинешь ты, и горсть щедрот,
Данная в твое владенье,
Снова в божье перейдет!»

Рассчитал бы ты прекрасно,
Мой господь. Но я хитер.
Заключать со мной опасно
Без гарантий договор.

Я нарушу.
Что ты скажешь?
Проклянешь? Обрушишь гром?
Что за чушь. Меня не свяжешь
Ни угрозой, ни добром,
Ни параграфом, ни сноской,
Ни обильем цифр и дат.
Разве только — папироской,
Потому как я солдат.

Мы, солдаты, знаем цену
Жизни, смерти и крови,
Злу, добру, овсу и сену,
Водке, славе и любви.

Боже! То что взято — взято
Без возврата, навсегда.
Для солдата нет проката:
Все исчезнет без следа...

Затянусь господним даром,
Руку господу пожму
И отчалю.
Потому —
Растабарывать задаром
Нам солдатам ни к чему.

1945

* * *

Ищут люди — человеку надо! — хоть одну
привязанность па свете,
И не слишком сильную: картину или кошку,
песню или птицу.
Я не говорю уже о друге — дружба редко
длится полстолетья.
Я не говорю уже о доме, где скиталец
мог бы приютиться.
Только бы найти — и будешь счастлив и
несчастен, честеп и нечестен,
Будешь озабочен и беспечен, будешь зол
и добр, суров и весел
И спокоен, навсегда спокоеп.
Вовсе не боясь, что неизвестен,
Радуясь тому, что одинокий, плотно ты
окно свое завесил:
Наконец-то ты привязан крепко цепью
возле будки, как собака.
Ничего не ищешь. Все на месте. Легче
нервам. Отдыхает зренье...
Лишь тому, что ослеплен звездою,
никакого дела пет до мрака:
Он нашел звезды своей мерцанье,
беспокойно-тихое свеченье.

1945

БЕРЛИНСКИЙ ПОЛК

Баллада-песня

Загремели батареи
Нашего полка —
Через реку, через Шпрее
Хлынули войска.

Наш художник сталинградский
Разукрасил мост:
Вывел буквы яркой краской
В человечий рост.

Три простых солдатских слова:
НА БЕРЛИН ВПЕРЕД!
Машет флагом черноброва —
Дескать, полный ход!

И пошла за ротой рота,
Гвардия побед —
Богатырская порода,
Тверже в мире нет.

Через мост катились пушки,
Вез патроны «ЗИС»,
Провода мотал с катушки
На бегу связист.

Бронебойщики тащили
Длинные стволы —
Взять Берлин они решили
И возьмут, орлы!

И, шатая переправу,
Танки шли волной,
И ударил бой кровавый,
Злой, последний бой.

Как пошел народ на приступ,
Как сомкнул кольцо,
Как взглянули мы фашисту
В мертвое лицо.

Не заглушишь, не потушишь
Нашего огня —
Как дадут-дадут «катюши» —
Аж не видно дня!

Из подвалов, подворотен
Выстрелы трещат,—
Мы орудье поворотим,
Мы пошлем снаряд.

С нашей теткой самоходкой
Лучше не шути:
Бьет в упор прямой наводкой —
Все летит с пути...

Мы героя хоронили,
Сами шли вперед,
И с его святой могилы
Бил наш пулемет.

И катились дальше пушки,
Вез патроны «ЗИС»,
И разматывал с катушки
Провода связист.

Размотает, в трубку дует
И кричит сквозь гром:
— Как дела? — Народ воюет!
— Как Берлин? — Берем!

Воевали мы достойно,
Выполнили долг,
А потом пошел спокойно
Наш Берлинский полк.

Шли повзводно, мерным шагом,
И горел вдали
Флаг победы над рейхстагом —
Стяг родной земли.

1945

ИЗ РОБЕРТА КЕНТА

Когда благодаря судьбе
Я глуп и молод был,
Бывало, самому себе,
Упрямец, говорил:

«Испробуй все, что в жизни есть
Хорошего, дурного.
В любую шкуру надо лезть.
Не выйдет — пробуй снова...»

Прошел я сотни медных труб,
Глотнул воды, огня.
И вот — не молод и не глуп —
Взгляните на меня.

Кто мне завидует, не верь,
Не все благополучно:
От частой смены шкур теперь
В своей мне очень скучно.

И пусть она других новей,
Да устарел фасон:
Когда вхожу к друзьям в своей,
Все говорят: «Не он!»

И я на них
Во все очки
Взгляну: «Не те, ей-богу».
Скажу: — Простите, старички,—
И поверну к порогу.

И, сдуру выругав судьбу,
Любезную ко мне.
Ищу я новую трубу
И вновь горю в огне.

1946

КАК БЫТЬ

Один рукоплесканий ради,
Другой по трезвости ума,
А третьего к его тетради
Толкнут любовь
Или тюрьма,
Четвертый, одержимый зудом
Иль недержанием томим,
Карает рифму самосудом,—
А мне как быть с собой самим?
Не славы я ищу, не блага.
Любовь? Я от любви немой.
Тюрьма? Страшней тюрьмы бумага —
Старинный бледный недруг мой.
Я знаю — оба мы упрямы,
Но от нее мне не уйти:
Она мне роет волчьи ямы,
Капканы ставит на пути.
Боюсь ее: над ней толпится
Опасных духов смутный рой,
Морозная метель клубится
Молекулярной пеленой.
В туманной мгле чуть брезжит веха —
Мое перо.
«На помощь, друг!..»
И рифмы дремлющее эхо
Раскатывается вокруг.

1946

РАЗГОВОР

Пора признать, что все прошло,
Умчалось, промелькнуло —
Слегка любовью обожгло,
Бедой чуть-чуть пригнуло,
И отдавало и брало,
Темнило и светило,
На лбу морщины провело,
Виски посеребрило.

Пора признать. Но разум груб:
Он ничему не верит,

Глядит на свет, берет на зуб,
Своим аршином мерит.
А сердце во сто раз глупей:
Ни в чем не признается,
Пристало к жизни, как репей,
И не в свои дела, ей-ей,
Упрямое суется...

Так наш приятель, человек,
Поживший и степенный,
Тебя ругаючи, изрек
В беседе откровенной.
Еще корил за болтовню,
Судил за непочтенье.
С чего не знаю, а храню
Я к старику влеченье.
В одной орбите мы течем:
Я — так, ты — сяк, он — строже.
Но стоит встать к плечу плечом —
И мы, как братья, схожи.

И вот — стоим перед лицом
Грядущих испытаний,
Как будто бы перед концом
Сражений и скитаний...

1946

ПОДНЯТЬ ПЕХОТУ!

Приказано: — Поднять пехоту! —
Поднять кого-то...
Я — пехота.
Приказано подняться мне...
Солдат лежит на самом дне,
Над ним клокочут волны боя,
И что-то, очень голубое,
Как будто плачет в вышине.
Он ненавидит плоть свою —
Да, тяжело ему в бою.
Но, видя смерть, он станет плавить
Боязнь боязнью, стыд стыдом,
И тело на ноги поставит,

И в бой войдет, как входят в дом.
Прикажет векам — распахнуться,
Перед собой глядеть глазам,
Рукам — согнуться,
                    разогнуться,
Губам — спокойно усмехнуться.
«Что будет дальше, знаю сам!..»

1946

МОНОЛОГ

Дуй, ветер!.. Дуй, пока не лопнут щеки,
Вы, хляби вод, стремитесь ураганом,
Залейте башни, флюгера на башнях...

Шекспир. *Король Лир*

У меня в руках походный атлас —
Старенький блокнот корреспондента.
Он служил мне правдой и неправдой.
То, чего в нем не было, поэту
Приходилось наскоро придумать.
Иногда одно с другим я путал,
Третье сочинял, ища развязку,
Хоть сюжет нуждался в продолженье.
Скромные куплеты — и не больше —
То, что прозвучит с моих подмостков,
Если, разумеется, оркестру
Предоставим главную работу.
Что ж, начнем.
                    Визжите, пули флейт!
Войте, эскадрильи контрабасов!
Рвитесь, бомбы барабанов и литавр!
Вниз от оркестрового налета
Падает, как листья, позолота.
Дирижер, испуганный пальбой,
Обе руки поднял над собой —
Сдался, что ли?
                    Нет, заныл гобой:
Отстрелялись.
                    Кончено.
                              Отбой!..

Слушайте, покуда звон в ушах,
Песни о товарищах-друзьях:
О седом сержанте Кузьмиче
С бронебойкой на больном плече,
О танкистах, гибнущих в броне,
Или о донецкой шахтерне...
Я стою у рампы. Свой блокнот
Прижимаю к сердцу вместо нот.
Слушайте, партер и бельэтаж,—
Голос мой рассчитан на блиндаж.

1946

СОЛДАТ МЕЧТАЛ

Тепла выпрашивала кровь,—
Солдат мечтал о кружке чая:
Все позабыл, о ней мечтая,
Куда там первая любовь!
«За лошадь,— вспомнил он,— однажды
Полцарства царь сулил в бою.
Я — царь природы и от жажды
За чай все царство отдаю,
Все, сколько есть его:
с дождями,
С травой, увядшей и сырой,
С пристреленными лошадями,
С глубокой грязной колеей...»

Деревню взяли. Перестрелка
Все глуше. Самовар поет.
Чай на столе.
Свершилась сделка:
Солдат — не царь. Зато он пьет!
А месяц, тучи растолкав,
Сквозь мокрый тополь в окна глянет.
И вдруг — задумчив и лукав —
Лучом солдата за рукав
Берет и тянет,
тянет,
тянет...

1946

БУДТО БЫ...

Как солдат
Во сне
Женщину обнял,
Будто вспомнил о жене,
О жене
Вспомнил.
Будто вспомнил,
И она
Будто бы
Рада:
Надо думать —
Жена.
Думать
Надо...

А лицо не рассмотрел,
С кем обнимался:
Начинался обстрел,
Обстрел
Начинался.
Сон
Без конца.

Жена
Без лица.
Не плакала —
Стало быть,
Рада.

В это время
Пушка
Ударила.
Ах,
Окаянная!

И была в головах
Деревянная
Подушка
Приклада.

А конца
Не досмотрел.
Досада...

1946

* * *

Стоят два сонных эшелона.
Опять тетрадь передо мной.
Во мраке неодушевленном
Живем лишь я да часовой.
И спящих и не спящих разом
Объемлет неба вышина,
И влажным и влюбленным глазом
Обводит здешняя луна.
Ей видно с неба все на свете,
Она немыслимо щедра,—
И в грязном маленьком Сигете
Льет серебро как из ведра.
И холодеет сердце снова,
Глотнув, как воду, лунный свет.
И мне
        среди пути земного
Нигде, нигде покоя нет.

1946

* * *

С музой бессовестно я поступаю —
Сам изменяю,
Другим уступаю,
Жить без нее
Почему-то
Могу,
Не вспоминая
На каждом шагу.

Месяц пройдет,
И другой,
И полгода.
Вспомню о музе моей
Мимоходом:
«Где она?»
Глядь, а она за плечом.
Видно, измены мои нипочем.

1946

* * *

Не хочу в другого превратиться —
В благозвучном прозвище укрыться.
Что же делать? Суеверен я.
Не хочу быть сломленным судьбою
И решил остаться сам собою,
Пусть плоха фамилия моя.
Каюсь: я ношу в кармане грошик,
Мучаюсь, встречая черных кошек,
И, в какой бы ни был стороне,—
«Бухдерлидер» гейневский при мне.
На смех современникам поэтам
Верую поверьям и приметам
Искренне и с самых юных лет,
Но зато при всякой неудаче
Знаю: все могло бы быть иначе,
Грешен я, а суеверье нет...
Спору нет — бывает, я трезвею:
Размышляю над судьбой своею.
Но от просветления сего
Все на свете вижу в черном свете
И опять под крылышко примете,
Вздрогнув, прячусь. Только и всего...

1946

* * *

Коль хочешь стать бесстрашнее,
Чем был ты весь свой век,
Зачеркивай вчерашнее,
Ты — вольный человек.

Терять тебе, брат, нечего:
Тебе идти легко,—
До сердца человечьего
Совсем недалеко.

Не мешкай, друг, на выходе —
Туда или сюда.
Не помышляй о выгоде —
Застрянешь навсегда.

Твоя судьба — не в прибыли.
Заботу прочь! Вперед!
Не то, брат, в три погибели
Вчерашнее согнет:

Навалит всякой всячины
В мешок походный твой,—
Тогда прощай, захваченный
Заботой-суетой...

1946

ЭПИЛОГ

Вот закончу эту книгу
И стихам кладу предел,—
Обольстительному игу
Предпочту иной удел.

Да и то сказать, пожалуй,
Баловаться ни к чему
С музой, ветреной и шалой,
Ветерану-ворчуну,

Чтоб меня не засмеяли
В нашей гвардии седой.
Да и музе нужен я ли —
Старый, стреляный, дурной?

Ей такого надо, чтобы
Обезуметь, умирать
От тоски, ревнивой злобы,
От боязни потерять.

Было время — было дело,
И любовь была... Ну что ж:
Раньше поле золотело,
А потом пошло под нож.

И полным-полны амбары
Спелым семенем-зерном.
И хоть я один, без пары —
Пусть быстрей летают чары
С поздравительным вином.

Славный пир в моей усадьбе.
Не беда и то, что, сив,
Я сижу, как дед на свадьбе,
Честной старостью красив.

Спрашиваю: «Муза, где ты? —
Сердцем чувствуя, что здесь.—
Все ли наши песни спеты?
Вся ли ты и я ли весь?!»

И щеки моей коснется
Лед и жар твоей щеки,
И в крови моей проснется
Юношеский звон тоски.

Но, ничем себя не выдав,
Подымусь я и спою,
Как гусар Денис Давыдов,
Песню старую свою,

А потом хрусталь заветный
Запрокину к небесам —
Хмель польется искрометный
По моим седым усам.

1946

СИНИЙ ОГОНЕК

Несчастлив я... Расспрашивать нет нужды:
Кто б захотел — и тот бы не помог.
Несчастлив я,— мне все восторги чужды:
Горит под сердцем синий огонек.
Горит и жжет свою живую клетку.
Горит и требует — еще подкинь в меня!
Сухого нет,— кидай сырую ветку:
Огнем живешь, погибнешь без огня...

Несчастлив я, несчастлив! Мне обидно,
Что мой огонь ничем не утолить,
И что не все хранят его, как видно,
А если — есть, к чему его таить?

Тот малый огонек на ратных нивах
Пылал костром. Недаром столько зим
Я был счастливейшим из несчастливых
И всех друзей согрел теплом своим.

Что ж делать, если нет в груди веселья?
На празднике, а слез не удержу:
Бегут из глаз — не вижу новоселья
И радости ни в чем не нахожу.
Пусть выльются. Их мало у солдата.
Они стекают с тех сырых ветвей,
Что были брошены в костер когда-то.
Уйдут и разгорится он светлей.
Те, кто без совести, пускай меня бранят,
А я, порою поздней или ранней,
Я моему огню подбросить буду рад
Еще сырого дерева утрат,
Еще сухой травы воспоминаний!..

1946

НА ПОПУТНОЙ МАШИНЕ

Водитель поплотней уселся.
Визжит коробка передач.
Кардан взревел и завертелся,
И грузовик понесся вскачь.
Здесь ветер мягче, солнце жгучей,
Здесь птица радостней поет
И люди говорят певучей,
Здесь начинался мой поход.
Здесь все дороги фронтовые,
И разве дело только в том,
Что тут я еду не впервые?
Гляди: со взорванным мостом
Соседствуют простые доски —
Мост в ширину одной повозки.
Он под машиной грузовой
Кряхтит и ходит, как живой,
Касаясь глади голубой.
Привет, дружище фронтовой.

1946

ИЗ КУБАНСКОГО ДНЕВНИКА

Вот тут, в староказачьей мирной хате,
На ум приходят давние бои,
И фотографии на стенах кстати
Напоминают образы мои.

Зарубцевались их сквозные раны,
Смягчился вдвое командирский бас.
Теперь у них совсем иные планы,
Хоть прежний пыл их вовсе не погас.

Теперь солдат не ходит в плащ-палатке,
Но даже в длиннополом пиджаке
Не изменил он фронтовой повадке
И остается краток в языке.

Люблю его невоинское платье
Без орденов, колодок и погон.
Не расточая зря рукопожатья,
Ладонь к виску прикладывает он.

В делах не суетлив, а скупо точен.
Уйдет в себя — ничем не отвлечешь:
Он по-иному стал сосредоточен,
Остер и тверд, как закаленный нож.

И следу нет зазнайства и бахвальства,
И петушиного задора тоже нет.
Явился юмор вместо зубоскальства —
Дурного свойства довоенных лет.

Не думайте, что он отвык от шуток,
Остыл к веселью, разлюбил друзей.
Кто более, чем он, умен и чуток?
Кто держится достойней и трезвей?

И даже там, где родился и вырос —
В отеческом приветливом дому,—
С его приходом что-то появилось
Не ясное доселе никому.

Мне по душе небыстрая походка,
Подтянутый и ловкий поворот,
И волевая твердость подбородка,
Серьезный взгляд, и молчаливый рот.

Таков он — не загадка и не тайна —
Советский современный гражданин:
Таких встречал я в шахте, у комбайна,
И за рулями грузовых машин.

И на степном гиганте самоходе,
И в штреке ленинградского метро,
На стройке, на уборке, на охоте,
На многих заседаньях партбюро...

1946

ПАМЯТЬ

Борису Горбатову

Возле самой Южной Фащевки, в донбасской стороне,
Повстречал я человека — и не родственника мне,—
Знал его совсем недолго: постояли, разошлись.
Почему же судьбы наши навсегда переплелись?
Оттого ли, что кукушка куковала за леском,
Как положено, призывным, заунывным голоском,
Куковала, колдовала и предсказывала нам
Долголетье? Оттого ли, что вокруг по временам
Чем-то свежим обдавало — ветерок не ветерок,—
Словно с памяти сдувало пыль несчитанных дорог?
Это в мае здесь бывает, в этой самой стороне,—
Будто кто напоминает: «Брось! Не думай о войне».
А война меж тем жужжала в беспредельной синеве,
Серым крестиком бежала по встревоженной траве.
И ее копье стучало в лучезарный синий щит:
Дескать, это, мол, начало, скоро все здесь затрещит!
Бьет копьем тупоконечным. Ближе, громче. И тогда
Захотел я с первым встречным подружиться навсегда.

Мы сошлись возле акации, нестриженной, лесной:
Их там видимо-невидимо, у Фащевки, весной.
Так же мысль его летела в довоенные края,
Так же слышать не хотела — и слыхала! — звон копья.
Оборвали по сережке: он в карман и я в карман.
Постояли на дорожке. И кукушка пела нам.
Долголетье посулила, без числа — путей-дорог.
И еще там что-то было: ветерок не ветерок,—
Это часто там бывает, в той донбасской стороне,—
Будто кто напоминает: «Брось! Не думай о войне».

Я и знал его чуточек, только «здравствуй» да «прощай».
А теперь скажу: — Цветочек! Ну-ка, время возвращай.—
И раздастся заунывный голосок из-за леска,
И копье в далеком небе простучит, что смерть близка,
И повеет чем-то свежим, будто кто прошепчет вдруг:
— Брось! Не думай... Или ладно, коли хочешь, думай,
друг.

1946

ТРОЙКА

Памяти Павла Шубина

Злее пьяных зелий песенное слово.
Налетит, подхватит тройкой удалой,
И пойдет в раскате топота хмельного
Плакать и смеяться сердце под дугой.

Одубел в тяжелой, как чугун, шинели.
Кровь сжигает жилы — сущий кипяток.
От сплошных бессонниц веки почернели.
Дрожь землетрясений в позвонках, как ток.

Ох, по кромке смерти прошумели гривы.
Ох, задели бездну ноги трех коней!
Замахнулись звезды, словно сабли кривы,
Над веселой буйной головой твоей.

Палуба трехтонки пляшет под тобою.
Конную забаву не забыть нигде.
В душном изверженье танкового боя
Вся душа изныла по шальной езде.

Прыгает, кренится палуба трехтонки.
Треплет ветер тучу, будто коноплю.
Припевают пули тонко, как девчонки,—
До озноба звонко: «Дьявол, застрелю!»

Рычагом сцепленья лязгнет вдохновенье,
К скорости прибавит молодость твою —
Или сновиденье мчится в наступленье
С визгом, воплем, гиком: «Расступись, убью!»

Наяву дорога. И во сне — дорога.
Словно бы и сам ты, стоя как стрелец,
Правишь лучезарной колесницей бога —
Грозный, полумертвый, фронтовой певец.

1946—1956

МОЙ МИР

Э. Казакевичу

Мой мир не блещет ярким светом —
Ни зеркалами, ни паркетом,—
Тут негде ноги протянуть,
Не то что голову приткнуть.
Он очень-очень неудобный,
Зато он здешний, не загробный,
Зато в нем можно только жить.
Не знаю, с чем его сравнить:
Он неудобен, как природа,
Где снегу отдано полгода,
Отведена ненастью треть.
А солнцу здесь приятней греть,
Чем в пышном южном вертограде
Копить загар на винограде
И, как в малярной мастерской,
Крыть купоросом вал морской.
Мой мир, мой бедный, бесприютный!
Тут ветер не всегда попутный,
Скамеек нет — хоть вечно стой.
Тут если ночь, то мрак густой.
Тут людям, как солдатам, трудно
Спать под обстрелом непробудно,
Хоть именно в солдатском сне
Всего приятнее весне.

И все живые в этом мире,
Простом, как дважды два — четыре.

1947

КАСКА

Хочешь, я расскажу тебе сказку
Про солдатскую ржавую каску?
А лежит она во поле в Польше
Года три или, может быть, больше.
С неба дождь выпадает на каску —
Он смывает защитную краску.
Снега мало в том крае бывает:
Если выпадет — ветер сдувает;
Что останется — сразу растает.
Только пыли в том крае хватает:
От Перемышля до Ченстохова
Вся земля в накидке пуховой.
Не видать под пылью железа —
Ни пробоины, ни пореза.
Тут, пролетом, ворона садится
Вспоминать о трофейной пище.
Замечает пробоину птица,
Запускает в дыру носище.
Не припомнилась ли вороне
Ее собственная работа
На немецкой на обороне
После нашего артналета?
Тут животное тыловое
Завело гнездо полевое,
Нанесло в даровые хоромы
Сколько надо ему соломы.
Видно, комната хороша та —
Не нарадуются мышата:
Их броня бережет от напасти —
От вороньего клюва и пасти,
От кошачьего когтя и бивня,
От июльского грома и ливня;
И еще бережет их каска
От тяжелой ноги подпаска;
Уж на что копыто коровье,
А скользнет по мышиной кровле,
Напугает все поголовье
И... пройдет себе на здоровье!

Так лежит она в поле чистом,
В спешке брошенная фашистом.
Никому ее в мире не надо —

Равнодушно проходит стадо,
И вожак, рогатый, лобастый,
Не кивнет на ходу: мол, здравствуй;
Не заметит ее и подпасок —
Слишком много валяется касок.
Только заспанный поросенок
Набежит на нее спросонок,
Ткнется рылом, подкинет задом,
Хрюкнет раз и трусцой — за стадом.

1947

СОЛДАТСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Не в усыпальницах фамильных,
Не в мрачных склепах родовых —
Лежат тела друзей моих,
Начальников и рядовых,
В объятиях простых и сильных
Полей привольных и обильных.

В тот день шел дождь из темных туч,
Склоненных, как штандарты чести,
Над мавзолеем курских круч,
На боевом знакомом месте,
На старой огневой меже,
На знаменитом рубеже.
Еще высоты, как на карте,
Свои хранили номера;
Еще шоссе неслось в азарте
Совсем такое, как вчера;
Еще кой-где чернело поле
Окопной щелью, поневоле
Солдатскую тревожа грудь,
Стук сердца участив до боли,
Заставив голову пригнуть.
Но я, как в пору боевую,
Все выше голову держу
И через сетку дождевую
Все узнаю, все нахожу.
Не заградительный чугун
Здесь поднял копья черных струн,—
Тут их командный пункт посмертный.

Легка березовая жердь —
Они лежат в ограде светлой,
Оружьем отогнавши смерть;
Они, как прежде, начеку —
Кто целясь стереотрубою,
Кто к пулеметному щитку
Прижал небритую щеку,
Кто бронебойную пищаль
Принес в бессмертие с собою.
И очи строгие стратегов
Устремлены с надеждой вдаль...
Что ищут в зелени побегов?
Следы привалов и ночлегов
Своей дивизии родной?
Следы друзей,— кто жив остался,
Кто победил, пришел домой,
За плуг рукой солдатской взялся?..

1947

* * *

На Белгород от Обояни
Бежит столбами телеграф,
А рядом с ним на поле брани
Гуляет колос, смерть поправ...
Здесь грохотом неукротимым
Метался по просторам бой —
Все обдавал огнем и дымом,
Развеял пепел за собой.
Потом все смолкло.
Бой ушел
Под Харьков.
И ему вдогонку
Шли самоходки через Псел,
Торцовый наст дробя в щебенку.
Здесь, мимо бомбовых воронок,
По свежим танковым следам,
Шарахаясь от пятитонок,
Трусил колхозный жеребенок
За тихим возом.
А вон там,

На самом краешке кювета,
Как долгожданная примета,
Бойцам улыбкою светя,
Кормила женщина дитя...

1947

СОЛОМИЯ

В синем небе шумят тополя.
Снизу стадо идет не пыля.
Солнце выше,
                    короче тень —
Разгорается жаркий день.
Соломия!
Соломия!
Разгорается жаркий день.

Ходят в поле десять подруг —
Двадцать сильных мелькает рук,
В этом месте зелень пышней.
В этом месте песня слышней.
Соломия!
Соломия!
В этом месте песня слышней.

Ты в труде мужчине равна,
Соломия Никифоровна.
Урожай стоит, как стена,
На пути твоего звена.
Соломия!
Соломия!
Соломия Никифоровна!

Почему ты во всем права?
И откуда берешь слова?
Что ни слово — зовет вперед.
Что ни слово — сердце поет.
Соломия!
Соломия!
Что ни слово — сердце поет.

Сентябрь 1947 г.

СТРОИТЕЛЬ

За три километра, издалека,
Видите стены белей молока?
И черепичный
Кирпичный
Загар?
Огнеупорный
Просторный
Амбар.
Ну, чем не дворец на зеленой траве
Построил колхозный строитель
Комар?!
Хай живе Комар!
Хай живе!
Полюбуйтесь стеной
Во сто метров длиной —
Здоровенной,
Толстенной,
Как вал крепостной!
А конюшня! А кузня! А новый сельмаг!
А хотя бы и печи во многих домах!
Нету в Садках такого двора,
Чтоб его не коснулась рука Комара.
А у него их, товарищи, две!
Хай живе Комар!
Хай живе!
Хай живе Комар долгий век —
Оправдал себя человек!
Есть и сын у него и внук —
Есть кому да чтоб в руки из рук.
Может быть, лет на двести вперед!
Может быть, никогда не умрет
Вдохновенный тот жар,
Драгоценный тот дар...

Вот идет он с известкой на рукаве,
Старая кепка на голове,
Седенький, худенький...
Хай живе
Наш колхозный строитель
Владимир Комар!

Сентябрь — октябрь 1947 г.

МОЙ РАЙОН

Наша жизнь, товарищи, быстра:
Два шага пройдешь — секунды нет,
Завтра превратится во вчера,
День ко дню составят тридцать лет.
Тридцать!
Удивительная вещь!
Где мой друг матрос Афонька Лещ?
Где все наше дружное бюро?
Золотоволосый агитпроп
Золото ль сменил на серебро?
Выше ль стал его высокий лоб?
Настя, наш товарищ боевой,
Изменила ли характер свой,
Над которым безуспешно встарь
Бился терпеливый секретарь?..

Мы зайдем на фабрику «Заря»,
Чтобы навестить секретаря.
Очень может быть, что на «Заре»
И не знают о секретаре,—
Все равно, товарищи, не грех
Заглянуть в инструментальный цех.
— Здравствуйте,— сказать,— рабочий
класс!
Мы,— сказать,— пришли не в первый раз.
Мы сюда ходили вчетвером
В двадцать первом и двадцать втором...
Сколько,— спросим мы,— в районе школ?
— Кто вы? — спросят нас.
— Мы комсомол! —
Рявкнет Лещ матросским голоском,
На ветру простуженным баском.—
И не стоит ставить нам в вину
Лысины, очки и седину.
Это наш район, товарищ зав.
Агитпроп наш тоже был кудряв,
На тебя немного походил:
Дни и ночи здесь он проводил...

Молча мы по улице идем.
Молча смотрим на знакомый дом.

Вспоминаем Настю. Как вчера —
В старенькой кожанке, хоть мороз
Худенькие плечи жжет до слез,
В красненькой косынке в дождь и снег
Ты несешься, милый человек.
Ты была защитником ребят,
Заводских солидных слесарят,
Голосистых швейниц-учениц.
Настенька! Ты в памяти моей —
Главное из действующих лиц.
Знать не знала запертых дверей
И приемов с десяти до двух,—
Всюду проникала, словно дух,
Комсомольский дух, защитник прав.
И склонялся непреклонный зав:
— Миленькая, только не кричи.
Молодежь — твоя. Бери. Учи.
Просишь книги? Ладно, получи.
Вот характер — просто сладу нет...—
И глядели ласково ей вслед.

...Я очнулся.
Вижу — я один.
Чувствую — столкнулся грудью в грудь
С кем-то.
— Замечтались, гражданин?
А еще в очках! Не сшибли чуть...

Улица шумела — вся в огнях,
В шорохе колесном и в гудках.
Город подступал со всех сторон.
Говорил со мною мой район —
Влево, вправо удесятерен,
Ввысь и в ширину разросся он;
Говорил со всей моей страной,
Шел со мною,
и вокруг меня
Голоса друзей сливались в хор;
Шел со мной
и вел меня в простор
Ленинского,
завтрашнего дня.

1948

ХУДОЖНИКУ

Как расскажу обычными словами
О красоте души?
Герой — вполоборота перед нами.
Художник! Очини карандаши.
Тебе не надо подбирать сравненья,—
Набросок (свой набросок) вспомяни:
...Колонны Смольного в часы сраженья.
...Горят красногвардейские огни.
...Балтийские пикетчики в бушлатах.
...Штыки, подсумки, ленты вперекрест.
И сотни лиц, безусых и усатых,
Под бескозырками еще без красных звезд...
Рисуй припев «Интернационала»,
Кружащийся на серых срезах дул,
И кислородный ливень зоны шквала,
Струящийся по бронзе лбов и скул.
Добейся всемогущества графита —
Влюбляйся в линию и цвет его скупой.
О тех, чья грудь, как жизнь, штормам открыта,
Немым штрихом рассказывай и пой:

«Дом с колоннами старинный.
С красной надписью доска,
А у входа два матроса
Проверяют пропуска.
А у входа два матроса...»

Придется зренье надорвать вниманьем —
Взгляни на одного из этих двух:
Навеки слит с величественным зданьем
Его прямой неукротимый дух.
Как перед праздником лицо побрито,
И «Непреклонный», имя корабля,
На черной ленте золотом набито...
Он рядом с Лениным на вахте у руля.
Его ладонь ласкает ствол винтовки,
И не пройти, не обмануть контроль
Ни в старой замусоленной спецовке,
Рабочую разыгрывая роль,
Ни изменивши голос... А тем паче,
Заклятый враг, попробуй покажись...
Лишь тот, кто чист,— лица и рук не пряча,
Войдет в коммунистическую жизнь.

1949

* * *

Уж кузница зорю колхозу
Отстукала в два молотка.
Баском катерка-грузовоза
Туман разгоняет река.
Вот мельница хрипло и тонко
Свистит, подымая село,
А вон на шоссе пятитонка —
Блестит ветровое стекло.

Ворота начнут отворяться,
Цепями колодцы звенеть,
Колеса каруц завертятся,
В песке увязая на треть.

Я тут воевал в сорок первом.
Вот здесь, где фасоль и укроп,
Я вырыл надежный и верный,
Как мне показалось, окоп.
Над ним бесновались моторы,
Чугун разлетался, визжа,
Воздушной волной помидоры
Снесло с моего рубежа.

И вдруг, совершенно как в сказке,
Зарос огородной ботвой
Мой бывший рубеж огневой,
И стой и ходи без опаски,
Поскольку не воют фугаски
Над мирной твоей головой.
На улицы эти кривые
Слетает акации цвет.
И я выхожу не впервые
Встречать дубоссарский рассвет.

1950

КАПИТАН ДИГУСАР

Пашня резко встряхивает бричку.
Руки жжет крутой июльский жар.
Объезжает вверенное поле
Капитан запаса Дигусар.

Чисто выбрит, туго подпоясан,
А фуражка так накренена,
Как носила гвардия на фронте,—
Видно, знал порядок старина.

Он устал. Глаза его сомкнулись,
И во сне дрожит под артогнем,
Дыбом становясь и разверзаясь,
Пахнущий тротилом чернозем.

...Едет бричка. А райкомский «газик»,
Пыльный, серый, набежал в упор.
— Спит, чертяка,— говорит соседу,
Узнавая встречного, шофер.

Вожжи бросив на колени, сладко
Дремлет предколхоза Дигусар.
Кажется ему: горят колосья
И в полнеба ширится пожар.

Огнестрельный и косоприцельный
С флангов приступает суховей...
— Э-ге-ге, товарищ председатель!
Что ж ты спишь в колясочке своей?..

— Кто сказал? — И снова все в порядке:
Медленные веки поднялись,
Властная рука пошевелилась
И коня перевела на рысь.

И опять потряхивает бричку
Пыльная, каленая земля,
Поворачиваются по кругу
Бывшие военные поля.

Бричка поравнялась с кукурузой,
Чуть заметно двинулась рука,
Серые глазищи Дигусара
Строго смотрят из-под козырька.

Конь пошел спокойным, ровным шагом,
Стебли будто замерли в строю
И, вперед подавшись, провожают
Пыльную за бричкою струю.

1950

МАТРОССКАЯ ПОЧТА

Совсем не потому, что воин славный —
Медаль за Кенигсберг,—
Наш Костя в Дубоссарах главный
Во вторник и в четверг.

Тут, на базаре, есть кому и чем гордиться:
У Мариоры брынза лучше всех,
У Ляны куры и другая птица,
И помидоры Любы хаять грех.

А кто не продает — не покупает —
Явился показать наряд:
Смотри, как важно Евдокия выступает —
На новой кофте вышивки горят.

А как форсят колхозные шоферы,
Сбавляя газ и тормозя!
Причиной этому не брынза Мариоры,
Не Ляниных гусей напыщенные взоры
И не Докицины на кофточке узоры,—
А что — сказать с определенностью нельзя...

Но вот распродаются помидоры,
Все реже стукаются гири о весы,
Уж в третий рейс уехали шоферы,—
Приходят Костины часы.

Величественный, бритый, в новой паре,
Наш почтальон идет между возов.
Спешит к нему народ со всех концов —
Мы получаем почту на базаре.
Смолкает гомон купли и продажи,
Гусиный гогот, поросячий хрюк.
И гужевые экипажи
Прервали характерный скрип и стук.
И все глядит
На сумку с почтой, Костин рот
И пару ловких рук.
И вдруг...

Словно выстрелила сумка всею тяжестью своей —
Стаей белых, серых, синих и зеленых голубей.

Треугольники, и ромбы, и квадраты были там —
Что за формы придаются человеческим мечтам,
Благодарностям, надеждам, обещаньям и признаньям,
И намекам, и упрекам, и простым напоминаньям.

Вкривь и вкось чернеют строчки адресов.
Нарисованы цветочки после слов.
И откуда эта стая?
Погляди на штемпеля:
Эта стая
Не простая —
Это дышит даль морская
В дубоссарские поля.
Это даль морская дышит,
Эти строчки парень пишет
С боевого корабля.
Это он цветок рисует
И в конце письма целует
Тату, маму, и сестрицу,
И соседскую Марицу.
А потом письмо, как птицу,
Выпускает на простор —
На зыбучий, на соленый,
Где, куда ни глянь, вода.
И летит письмо туда,
Где кончается всхолмленный,
Белой пеной окаймленный,
Шевелящийся узор;
Где начнется мир зеленый,
Твердый берег отдаленный,
Где гряда пологих гор
И дорога, где шофер
В городок пылит районный,
Где ты не был с давних пор —
Как уехал на линкор;
Где широкий школьный двор,
Класс, где ты, вконец смущенный,
Позабыл (позор! позор!)
Знаменитый «Дуб зеленый»,
Где трещал тобой зажженный
Пионерский наш костер...

Отсюда, из-под кровель черепичных,
Из-за извилистых плетней,

От кисло-сладких ягод шелковичных,
От материнской печки (помнишь, мэй?),
От свежести предутренней рыбалки,
От трели флуера, от дорогих друзей,
От ночной прогулки, от отцовской палки,
От девичьего поцелуя, мэй,—
На попутной,— с бочками,— пятитонке,
На почтовой каруце, а то и пешком
По песку, по тропинке, по шоссейной щебенке,
Вдвоем с закадычным дружком
Остановиться на полчасика
В ближнем колхозном погребке —
Разузнать, как силос, как плотина, как пасека.
А потом без отдыха, налегке —
В Кишинев, к подъезду военкомата,
Где чуть не с рассвета толпится народ:
В атласных сорочках лихие ребята,
В рубашках различных фасонов и мод —
От цвета салата до цвета граната,—
И всем охота
попасть во флот!..
И помчались дубоссарцы в дальних скорых поездах,
Всем, кого они встречали разве только на вокзале,
С кем разъедутся, наверно, да и встретятся едва ли,
Всем они порассказали о своих родных местах.
Доставали-разливали дубоссарское вино.
Им соседи подпевали, будто знали их давно.
Целовали, называли их по-дружески на «ты»
И ответы обещали, слово честное давали —
Им писать на все флоты...

Полдень ближе.
Солнце выше.
Ртуть взлетела от нуля —
29, 30...
Пышет
Раскаленная земля —
Это даль морская дышит
В дубоссарские поля.

Смотрит девушка на почту,
Затуманились глаза —
По чернильному цветочку
Расплывается слеза.

Костя, Костя
Письмоносец!
Ты отправь мою мечту
В дальний край, на броненосец,
Где мой милый
На борту...

1950

ДЕД ВАСИЛЕ

Дед Василий — мош Василе —
Был когда-то в полной силе.
Скажем, села в грязь каруца,
Нагруженная пшеницей.
Мужики давай браниться,
Бить скотину, суетиться.
А высокий, смуглолицый
Им покажет, как берутся
За ободья и за спицы:
Не успеешь оглянуться —
И поехала каруца!
Где, бывало, подерутся —
Посылали за Василе:
Он придет, большой, красивый —
Лишь бы только попросили,—
Или всех отлупит, или
Забияки разбегутся...
А теперь погнулись плечи,
Грудь запала, гаснут очи.
Не слезал бы старый с печи,
Да влезать-то он не хочет.

Закатил старик историю —
Постирал себе рубаху,
Нацепил кресты-егории,
В руки взял свою папаху,
До конторы дотащился,
Поднял на ноги правленье,
К предколхоза обратился:

— Разберите заявленье.
Есть такие молдаване —
Слишком много в них гордыни!

Я желаю на баштане
Караулить ночью дыни.
Что касается воришек,—
Не охотник я до ловли.
Этих дынь у нас излишек,—
Пусть воруют на здоровье.

До ста лет Василе дожил —
Тут в колхозе нас не много.
Слабый, скажете.
Положим,
Это верно.
Ну, а все же,—
Людям чем-нибудь поможем...
Да скажите — правда ль это,
Что на будущее лето
К нам по проводу пригонят
Через речку много света?
Так сказал мне кум Ионе,—
Он ведь сторож сельсовета...
Так уж вы сейчас возьмите
И меня на карандашик:
Между делом осветите
На баштане мой шалашик.

1950

СТОЛЯР КЕТРУШКА

Пришел Ион просить Кетрушку:
— Степане, сделай мне кадушку...—
Кетрушка мочит, сушит, гнет,
С него сбегает пятый пот,
И «гата» говорит Кетрушка —
Уже готово, коль не врет.

Кетрушка тем и отличался
От всех колхозных столяров,
Что за любое дело брался,
Не торговался, не считался,
А приступал без лишних слов.
Что ни закажут, молвит: — Ладно,—
Пилу под мышку, гвозди в рот,
Терзает дерево нещадно —
И «гата», если не соврет.

Где щебень бьют, забор городят,
Комбайн заводят, мину рвут,
Жгут черепицу, мост наводят —
Столяр Кетрушка тут как тут.
Зудят большие эти руки,
В свободный час томясь от скуки.

Он и столяр и плотник,
По всем статьям работник.
А уж сговорчив! А уж прост!
На все глядит ревниво:

На магистрали строить мост
Людей потребовал район,—
Уж как обрадовался он,
Когда сказали: «Живо!»
Переходил я этот мост,
Построен мост на диво.
Все говорят, что мост «фрумос»,
По-здешнему — «красиво».
А выставочный павильон —
Не домик, а игрушка!
Я обошел со всех сторон
И понял: это строил он,
Из Дубоссар Кетрушка!

Ничто противиться не может
Его стремительным рукам.
Его талант людей тревожит:
Он все желает сделать сам!
Теперь Степан за все берется:
Паять, лудить, варить и брить,
Водить машины, рыть колодцы,
На всех языках говорить.
Кто хочет — платит, кто не платит
Краснодеревцу за труды,
Нальют вина — не скажет: «Хватит!» —
Кетрушка в рот не брал воды...
В селе никто его занятья
Не посчитал за баловство,
Хоть все хозяйки без изъятья
Корили всячески его
За патефон, за коромысло,
За дымоход, за самовар,

Но брань на вороту не висла,
И «гата» говорил столяр.

Кетрушка вздумал изобресть
Один прибор, какой невесть:
Решил во что бы то ни стало,
Боясь от техники отстать,
Рояль,
ни много и ни мало,
Своей конструкции создать.
Он взял одну, другую доску,
Полкилограмма вбил гвоздей,
Потом полировал до лоску,—
Ну, словом, все как у людей.
Работал как часы, и что же?
Не то на дверь оно похоже —
На черта ж ножки по углам?
Ни стол, ни стул, ни шкаф, ни ложе,
А что — столяр не понял сам.
Еще попробовал,
построже,
А получается все то же.
Схватил топор и уничтожил.
Вот до чего Кетрушка дожил!..
Мы все жалели столяра.

А нынче по селу не слышно
Ни молотка, ни топора:
Кетрушке назначенье вышло,
И вот еще с позавчера
Гуляют наши мастера.

Район Кетрушке дал путевку
Учиться в самый Кишинев.

На всю колхозную столовку
Трех патефонов слышен рев.
А сам герой надел обновку
И, взяв гармонь наизготовку,
Обходит с кружкой кумовьев.
Высокий, черный и поджарый,
Целует всех, со всеми пьет.
Сказал бы он: «Гуляй, народ!
И — до свиданья, Дубоссары!
Придет Кетрушка через год...»

Сказал бы речь, да занят рот.
Сыграл бы, да мешает кружка,
И «гата» говорит Кетрушка —
Готово, значит, коль не врет!..

1950

СТОРОЖА

Между яблонь ходят сторожа,
Испугали сонного ежа:
Он трясется, фыркает смешно.
И, хотя в саду совсем темно,
Светятся, как призраки, из мглы
Чисто побеленные стволы,
И, как будто вовсе не дыша,
Спит собака возле шалаша.

Ходят сторожа-фронтовики,
Бывшие танкисты, моряки.
В ватниках, в армейских сапогах,
Ходят на простреленных ногах.

Другу инвалиду инвалид,
Зажигая спичку, говорит:
— Спрашиваю, парень: чем не рай?
А ведь был и тут передний край.
Голову приткнешь под абрикос,
Думаешь: «И черт тебя принес».

А сегодня тишь... Блестит вода...
И товарищ отвечает: — Да-а...

1950

ТАЕЖНЫЙ РОМАНС

Мне котлованы и бензоколонки
Дороже, чем столичный ваш уют.
Когда поют сибирские девчонки,
Они, конечно, лучше всех поют.

Мне хорошо, когда в палатке дует,—
С военных лет люблю я сквозняки.
Вокруг тайга воркует и колдует
И ходят с топорами земляки.

Мне по душе поземки и зазимки
И храп геолога соседа моего.
Люблю смотреть в газете фотоснимки —
Они чудесны все до одного!

Люблю я запах областных гостиниц,
Коль ветер странствий вдруг в окно пахнет,
Он шепчет: «Встань, поэт и пехотинец!
Хватай командировку и блокнот».

И вновь рокочут в окнах километры,
Мелькают краны, мельтешат дымы...
Любимая! Ты ждешь меня, наверно,
Но и в разлуке нераздельны мы...

1950

СОЛДАТЫ И ШЕДЕВРЫ

На Эльбе, в замке трех курфюстов,—
За гулким залом гулкий зал,—
Стоят гвардейцы часовые:
Солдатский церемониал.

Вы и сейчас передо мною
При автоматах, в орденах,—
За каждой вашею спиною
Висят картины на стенах.

О, сколько лиц псковских, рязанских!
Я восторгаюсь, видя их
В соседстве гениев фламандских,
И итальянских, и иных.

Вон тот, широкоскулый, медный,
В пилотке набекрень, сержант,
За чьей спиной пирует бледный
С печальной Саскией Рембрандт.

А тот, совсем от пыли серый,
Лихой разведчик-старшина,—
За ним Джорджонева Венера
Лежит, покойна и нежна.

Что ни воитель, то носитель
Безмерной доблести мужской,—
И сам не знает, что спаситель
И будущих картин герой...

1950

МАРШ ЧЕРНОМОРА

Иван Зубенко не забыл
Разгульной юности биндюжной:
Зубенко пел и говорил
Всю жизнь в смешной манере южной;
Он даже в местности окружной
Чудаковатым малым слыл.
Что толку в старости наружной?
Что значит семь десятков лет?
Зато гипертонии нет
И не тошнит на мертвой зыби;
Подумаешь — беззуб и сед,
Зато он раскусил секрет
И человеческий и рыбий...
Одесщина! Какая власть
В ее руках над человеком,
И ей возможно ль не подпасть,
Будь русским, украинцем, греком,
Будь тем, что есть,— не в этом суть:
Рентген волшебный, винный, хлебный
Незримо проникает в грудь,
И словно приговор судебный,—
Судьбы, конечно, не суда,—
Как властный зов, как долг служебный,
Магнитом будет влечь сюда
И отовсюду и всегда!

1950

БЕЗГОЛОСЫЙ

Не кто иной — я спел бы вам,
Но это невозможно:
Мой звонкий голос
Где-то там,
В теплушке промороженной.
За тридевять,
За сорок лет,
Откуда даже эха нет
Монархии низложенной.
И только хриплый голос мой,
Перебиваемый пальбой
И ею же — само собой —
На миллион помноженный,
Кричит:
«Да здравствует! Долой!»
Не кто, а я иду Москвой,
Притихшей и встревоженной.
При мне винтовка «витерли»
Калибра несусветного.
А я иду.
И все так шли —
Шагали наши патрули
До часу предрассветного.
А снег Москву одолевал —
Глухой, слепой, безмолвный,
Он глох, он слеп, он колдовал —
Всесильный и безвольный,
А мы входили на вокзал,
Мы строились повзводно.
Товарный поезд подползал —
Так было нам угодно.
Грузились мы.
Шипел свисток.
Нас дергало, качало...
И приставал сосед:
— Браток,
Запел бы для начала...

Двадцатый год.
Двадцатый год.
И голый лед.
И белый сброд.

Осьмушка хлеба — весь паек.
Патрон пяток.
И все, браток.

Но я все песни начинал —
Ведь я был запевала...
Прокочевал, проночевал,
Пропел я звонкий голос мой:
Его как не бывало.
Он там — в снегу, во тьме, в огне,
В теплушке промороженной.
Он и сейчас поет во мне,
Высокий
И восторженный.

1950

АВИАСТРАДА

Пролегла моя авиастра́да
В Лисичанск из Ворошиловграда.

Никаких там рельс, ни колеи,
Ни столбов, ни за кормой струи, —

Только небо, красное с востока
За восемь часов до солнцепека,

Свежие ночные небеса
И на целлулоиде роса...

Тарахтит мой старый «кукурузник» —
Незабвенный фронтовой союзник.

Летчика спокойная спина
Говорит, что это не война.

Вы меня, товарищи, поймете,
Даже если не были в полете:

Над моим Донбассом в ранний час
Я лечу и думаю о вас.

Вижу дым — внизу дымят мартены.
Здравствуйте, герои третьей смены!

Над моим Донбассом в ранний час
Я лечу и думаю о вас.

Розовое зеркальце ставочка.
Серый терриконик, словно кочка.

Мы проходим в пять часов утра
Прямо над колесами копра.

Шахта уголь на-гора качает.
Шахта пятилетний план кончает.

Там, врезаясь фарами во мрак,
Мчится вдоль по штреку порожняк.

Там диспетчер, надрывая глотку,
Составляет утреннюю сводку...

Люди! Над Донбассом в этот час
Я лечу и думаю о вас.

1950

ДОНЕЦКАЯ БЫЛИНА

Кадиевка, Ирмино, Алмазная.
Черная грязюка непролазная,
Мрачные шанхаи, собачевки —
Страшные пещеры для ночевки,
Щели для еды и для любви:
Выкопал, зарылся и живи.

Огорченья званые и жданные.
Развлеченья каторжные, пьяные,
С песнями про старый терриконик,
С хриплыми рыданьями гармоник,
С непременной дракой ножевой,
Где убийца сам едва живой...

Пробужденья горькие, похмельные,
Смерти и рождения бесцельные:
Родился и вырос как попало,
Будто без конца и без начала.
Смерть — не дальше взмаха обушка:
Оступился — и прощай башка...

Кадиевка, Ирмино, Алмазная.
День за днем нужда однообразная.
Раны и тяжелое увечье
Выносило тело человечье.
Падал в шахту с ветерком шахтер,
Лампу в зубы и на брюхе пер.

Не лицо имел он — личность хмурую,
Окрестил недаром кожу шкурою,
Глаз — бельмом, а разговор —
брехнею,
Сам себя — как рыбу — шахтернею,
Руку — лапой, голову — башкой,
Собственную душеньку — кишкой...

А ведь как любил друзей-товарищей
По труду, по жизни, рано старящей!
А ведь как мечтал о светлой доле,
Тосковал и пел о вольной воле
После смены, лежа у ставка
Или пробиваясь вдоль ходка.

Или дома, в ожиданье ужина,
Вдруг проснется, соловьем разбуженный,
Спросит: — Мама, чи пора до маю? —
Скажет: — Дай рубаху, погуляю...—
И уйдет, не ужинав. И мать
До рассвета сына будет ждать...

Ах ты, ночка теплая, весенняя!
Светит месяц — просто нет спасения.
Мать не спит, огня не зажигает.
С легким скрипом маятник шагает:
Мерный стук и бесконечный путь.
Успевай лишь гирю подтянуть.

Мысль бежит перед минутной стрелкою.
Сиротливый стол стоит с тарелкою.
Никогда так не было тревожно:
«Значит, вырос. Значит, все возможно.
Ну а что же?» И не знает мать.
Остается ждать. И вспоминать.

Сравнивать со старшим — тот понятнее.
А у этого свое, не братнее.
Старший в батьку: крикнет, глядя на ночь.
В точности как Савва Севостьяныч:
— Так что, мать, у кабака ищи,
Подбирай и на себе тащи...

За неделю в шахте нарубается,
Угольного штыбу наглотается,
И запьет дитя в конце недели:
Так, мол, повелось в подземном деле.
И шабаш — окончен разговор...
Ну а младший вроде не шахтер...

За порогом ночь темно-зеленая.
Тут его постель незастеленная.
. . . .
А часы стучат как будто в грудь —
Мерный свет и бесконечный путь.

А луна над собачевкой катится.
Справа небо вдруг огнем охватится.
То черней, чем прежде, станет вроде —
Может, шлак спустили на заводе.
И опять шахтерские, свои
Щелкают в посадке соловьи...

Спят дворцы с французами, с бельгийцами,
С мистерами Юзами — убийцами.
На дверях затворы, в окнах шторы,
А вокруг чугунные заборы.
Спят они. А клети до утра
Им качают уголь на-гора.

Под копрами и под терриконами
Мчатся вагонетки с коногонами.
Там незрячий конь скребет копытом,
Там ползет запальщик с динамитом.
Где-то в штреке стойка затрещит
Да, как дятел, обушок стучит.

Ах ты, ночь рабочая, донецкая!
Ах ты, сила-удаль молодецкая!

Черная, как чудище из сказки,
Тянешь ты пудовые салазки,
Бьет тебя порода, травит газ —
Но живет, живет рабочий класс!

1950

ШАХТЕРСКИЙ ОРКЕСТР

По два, по три, по четыре
На собранье люди шли,
Поднимали к свету лица
В черной угольной пыли.
Будто вышли из атаки:
Крепко дрался батальон —
Дрожь в руках,
помяты каски,
Каждый боем опален.
И приветствовал героев
Троекратный гул сирен:

Он летел от шахты к шахте,
Словно марш рабочих смен.
А с подмостков, где скрестились
Два неструганых древка,
О заслуженной победе
Рассказал парторг ЦК.

И, шурша брезентом куртки,
Старый строгий дирижер
На своих ладонях черных
Поднял к небу медный хор.
Долго ждавшему кларнету
Сделал знак.
И за трубой
Из Макеевки нагрянул
Гул проката, как прибой,
А за ним — литавры кузниц,
А потом в земной коре
Струи воздуха запели,
Как в органе,
«до» и «ре»!

И, моргнув кудлатой бровью,
Дирижер без лишних слов
Ввел в оркестр клавиатуру
Врубмашин и молотков...

Уж давно прошло собранье.
Музыканты дома спят.
Только, видимо, с трибуны
Микрофон еще не снят.
И сквозь уголь микрофона
Весь Донбасс гремит в эфир,
Всех людей земного шара
Подымая в бой за мир.

1950—1955

КУЗНЕЦЫ

Не особо разговорчивый
В нашей кузнице народ:
Утром только поздоровается —
Плюнет в руки и кует.
Кузнецы с молотобойцами
Молча варят, молча гнут,
Выпрямляют и оттягивают
И опять в огонь суют.
Намахавшись за день молотом,
Молча выйдут мастера
Освежиться звездным золотом
В черном зеркале Днестра.
Догола кузнец разденется
И стоит на ветерке:
«Никуда река не денется,
Не уйти от нас реке».
С первым взмахом закачаются
Дубоссарские сады.
Сонный бакенщик подумает,
Будто прибыло воды.
Только плеск пойдет, да фырканье,
Да журчанье у плеча,—
До Карпатских гор без отдыха
Отмахают сгоряча.

Там покурят и воротятся
Снова к кузнице своей.
«Мы бы там подольше побыли,
Только жалко трудодней».

1951

ЕЩЕ ВИНО В БОЧОНКЕ ЕСТЬ...

Еще вино в бочонке есть,
Хорошее вино,
Да нет охоты пить и есть,
И в погребе темно.

Остряк — районный агроном —
Как будто бы иссяк.
Да вряд ли нужен за столом
Присяжный весельчак.

И без острот смеется всласть
Шофер из эмтээс.
У всех проснулась к пенью страсть,—
Кто по дрова, кто в лес!

Зампредколхоза Барбурас
Как вобла безголос,
И он хрипит: — Имею бас
Один на весь колхоз!

Рыбак Мунтяну Ермолай —
Чудесный паренек,
А запоет — хоть выгоняй
Беднягу за порог.

И Василица-инвалид
Уже навеселе.
— Я в запевалах,— говорит,—
Ходил на корабле.

Я сам когда-то пел в хору,
Я тоже не стерпел:
Как сломанная ель в бору
На свежем мартовском ветру,
С натугой заскрипел...

А там, в потемках, чуть видна,
Забившись в уголок,
Сидела женщина одна —
Едва белел платок.
Она взяла стакан вина
И отпила глоток.
Откуда ни возьмись — луна
Взглянула в погребок.
И в этой лунной, голубой
Дрожащей полосе
Раздался голос, да такой,
Что замолчали все.
Она поет: «Мульц ан, мульц ан» [1].
И вновь: «Мульц ан, мульц ан»,—
В честь нас, солдат и партизан,
И здесь сидящих молдаван,
И в честь немолдаван.
Она поет, и все встают
И, в руку взяв стакан,
Не замечают, что не пьют,
Что вместе с ней давно поют:
«Мульц ан, мульц ан, мульц ан!..»

1951

ЖАРА

Страдный час. Бригады в поле.
Словно вымерло село.
Зной такой, что флаг на школе
За день выцвел набело.

Дремлют свиньи в холодочке,
На цепи собаки спят,
Растопырив крылья, квочки
Сели прямо на цыплят.

Председатели колхозов
Проглядели все глаза:
«Небо — словно бирюза.
Всюду ливни, всюду грозы,—
Хоть бы к нам одна гроза!..»

---

[1] Многая лета *(молд.)*.

В помещенье сельсовета
Сторож видит третий сон:
Без ответа, без привета
Надорвался телефон.

Босоногий, краснокожий
Человек забрел в сельмаг.
Это был поэт прохожий,
Удивительный чудак.

Кто ж еще в такую пору
Хочет с кем-то говорить?
Кто колхозному шоферу
Предлагает закурить?

В солидоле и в автоле
Протянулася рука.
— Лезь в машину! Едем в поле —
Всех найдешь наверняка!..

1951

* * *

О, как нужен был дождь! Обложной!
Проливной!
Затяжной,— чтобы лил до утра...
Наконец-таки тучи сплошной пеленой
Затянули долину Днестра.
Наконец-таки пыль поднялась над селом,
И шуметь перестала листва,
И гроза провела по дворам помелом,
Говоря громовые слова...

Мы сидели с тобой у окна без огня
Перед черной струящейся мглой,
И летела вода на тебя, на меня,
И гроза говорила с землей,
Целовала, хмельная, сама от себя,
Первый встречный в саду абрикос,
Все на свете забыв,
Только землю любя
До последнего вздоха,
До слез.

1951

БУНА САРА[1]

За стадом пыль. Песчинки пляшут в розовом сиянии.
Стоят сады по-за Днестром в вечернем одеянии.
Несут волы свое ярмо устало и торжественно.
Ряды шелковиц шелестят таинственно и женственно.
Мелькают красные платки и юбки между сливами.
Старухи вербы у воды становятся счастливыми.
И все, что может танцевать, сюда приходит парами.
Веселый хмель, молдавский хмель владеет
Дубоссарами.

Вот ездовой на водопой протопал виноградником.
Запел. И конь его заржал, вполне довольный всадником.

Заржал. И уши навострил. И впрямь: на голос
милого
Откликнулась вся конница колхоза Ворошилова.
Бредут черешни вкривь и вкось, как пьяные приятели...
В конторах свет: дают наряд назавтра
председатели,
И держит сводку человек — стоит с лицом
нахмуренным:
«Неужто завтра «Новый свет» обгонит нас
с «Мичуриным»?..»

1951

ГАФИЙКА

У Гафийки полон рот забот:
На рассвете муж уходит в поле,
Старший сын проснется, заорет —
Мужику пошел четвертый год,—
Тоже требует в картошку соли.
Младшему, Володе, только два:
У него большая голова
И уж очень тоненькие ножки —
Может, от несоленной картошки?

Не успели проводить отца,
Заревела в катухе овца,

---

[1] Буна сара — добрый вечер *(молд.)*.

Затопталась утка возле юбки —
Запросила кукурузной крупки.
Сколько надо натаскать воды,
Нарубить валежника для грубки!
От зари до полночи — труды...

Рядом ходит жирная свекровь,
И полгода нет, как овдовела,
А до внуков, хоть родная кровь,
Толстой бабе будто нет и дела:
Пусть Гафийка жилы надорвет —
Бабка только перекрестит рот...
И терпи. А зла не обнаружь.
И вези, когда взялась за гуж.
Но часы несутся и несутся —
Там внутри колесики толкутся.
День темнеет, и скрипит каруца:
Наконец-то воротился муж.
А Гафийке сразу стало легче,
Потянуло выбежать навстречу,
Ткнуться в грудь заплаканным лицом,
Да сдержалась, вышла молодцом...

1951

* * *

Сколько же невзгод перенесло
Старое молдавское село?
Сколько зла оно перевидало?
От кого ему не попадало?
Мучили, с господ пример беря,
Старосты, жандармы, писаря.
В Бухаресте даже вышла книга,
Что народ не может жить без ига,
Что полезней масла мамалыга
И что розга лучше букваря.
Здесь, в краю привольном, черноземном,
В этом винограднике огромном,
Молдаванин с голоду топтал
И, ходя по золоту, нищал.
Негде было подкормить коровку
В этих луговинах заливных...

В те поры Агафьину свекровку
Подцепил зажиточный жених.
Грамотей, делец,— в стогу соломы
Он сумел бы отыскать иглу.
К тридцати годам возвел хоромы,
Песенник первейший по селу,
Главный кум на каждой куматрии,
Мастер по-румынски танцевать:
Все Иляны, Любы и Марии
Зарились на кумову кровать.
С шишками, с колесиками, пышно
Пучилась перинами она,
И за три версты бывало слышно
Пенье граммофона из окна.
Может, из-за этого к Володе
Молодежь бывало так и прет.
И сейчас тут патефоны в моде —
Слишком любит музыку народ...

1951

* * *

Я достоверно знаю сам:
Один лишь малый уголочек
Задет полетом этих строчек —
Одно село средь многих прочих
Открылось вдруг моим глазам.
И то не вдруг. За книгой годы
Военных бурь и мирных дел.
Я это пиршество природы
Из щели танка рассмотрел
И по приказу помкомвзвода
Взял на прицел и под обстрел.
И то не я. Мой друг в пилотке
С табачной желтизной в усах
И копотью на подбородке.
Я посвящаю эти строки
Тебе, товарищ Дигусар.
Не откажись принять их в дар,
Герой советских Дубоссар,
Передовик колхозной стройки.
Не забывай, что мы с тобой

Сдружились в первый год военный,
Сдружились дружбой откровенной,
Несокрушимой, неизменной,—
Солдатской дружбой фронтовой.
Тогда, товарищ незабвенный,
В морозный лунный час ночной
Нас подружил припев простой,
Спросонок выдуманный мной:
«Давай закурим по одной!»
Ты эту песенку мою,
Возможно, повторял в бою.

И ты прошел огонь и воду,
И в медных трубах не застрял.
Солдат всегда служил народу —
Народ солдату доверял
Свое добро, свою свободу.
И ты доверье оправдал.
Тогда взрывал, теперь построил,
Чего не знал — теперь освоил.
Послала партия в село —
И тут у воина пошло:
Ты строишь клуб, пруды копаешь,
Сажаешь лес, проводишь свет
И побеждаешь, наступаешь —
Твоим победам счету нет!

1951

КАРУЦА

Ионелик столько вытерпел, покуда
Тата с мамой вышли за порог.
Он забрался в шкафчик, где посуда,
И стащил заветный коробок.
Раза два встряхнул: шумит коробка!
Спрятал в кепку, за отсутствием штанов,
Дверь закрыл, как мышка,— робко-робко,
Шмыг во двор, прыжок — и был таков!

Ну, конечно, все матросы были в сборе —
Молодцы, орлы, как на подбор,
И совсем готов был выйти в море
На песке начертанный линкор.

Эх, корабль! С трубой и с настоящей топкой,
Дым повалит, лишь концы отдашь...
Капитан тряхнул своей коробкой,
И застыл в восторге экипаж...

Среди бела дня, средь воскресенья,
Взмыло пламя выше тополей.
Сушь стояла, просто нет спасенья!
Вспыхнет — не потушишь, лей не лей.
Хорошо еще — народ не в поле,
И колодец в сорока шагах,
Да колхозный строй; не оттого ли
Все село, как по тревоге, на ногах?!
Надо знать характер дубоссарский:
Как за что возьмутся — пыль столбом,
И горел-то не дворец боярский,
А соседский, свой, крестьянский дом.
Коли так — давайте делать дело:
Каждый вон из хаты — как ядро!
Словно по конвейеру, летело
Вниз и вверх по срубу за ведром ведро.

Муфтеуцы, Коды и Кетрушки
С топорами бросились в огонь.
Мчались рысью босоногие старушки,
На бегу плюя в шершавую ладонь.
Бондари, забыв свои бочонки,
Опрометью кинулись в колхоз.
И скакали через борт трехтонки,
Где плескались бочки и стоял насос.

А сарай горел, чадя, как факел,
И стреляя искрами вокруг,
И хозяин молча, горько плакал,
Будто резал самый едкий лук.
Это был мужик, видавший виды,
Позже всех вступивший в наш колхоз.
Он умел скрывать свои обиды,
Но не скрыл... каруцу без колес!

И вот эта чертова каруца
Вылезла, как шило из мешка,
Чтоб ее увидел Мафтеуца,
Самая ехидная башка

Изо всех рожденных в Дубоссарах
Голодранцев-босяков:
Им что на базарах, то и на пожарах —
Был бы только повод для обидных слов.

Так и вышло. Подрубив с размаху
И залив дымящийся плетень,
Мафтеуца застегнул рубаху
И топор засунул за ремень.
Сплюнул, поискал в толпе глазами
И пошел к хозяину, шельмец.

Ближе, ближе... Погорелец замер:
«Ну, теперь, пожалуй, что, конец!..»
Ласково почмокал Мафтеуца
И сказал соседу: — Ай-я-яй!
Жаль каруцы. Славная каруца.
Как хотите, а каруца — не сарай!
Что ж молчишь? Давай хоть папироску.
Иль не видишь, как с меня течет?
Мистер Трумэн на твою повозку,
Видимо, имел большой расчет?..

Мы б, сказать по чести, не старались,
Кабы не соседние дома:
Только лишь за них, сосед, боялись,
А не из-за вашего дерьма.

1951

* * *

Наш дубоссарский подсолнух —
С повозочное колесо!
А кукурузные зерна!
А молодое винцо!

У дубоссарца в касе —
Радио, патефон.
В нашей колхозной кассе,
Шутка сказать,— миллион!

В нашем родильном доме
Чуть ли не каждый час
На свет являются двое,
А то и по трое враз!

Не просят ни соску, ни сказку,
Давай им кружку вина,
Играй им молдавеняску —
Танцуют с зари до темна!

Пройдет неделя-другая —
Дитя с меня высотой:
Глядишь, она звеньевая,
А он, глядишь, ездовой!

Какие у нас амбары!
А винный завод какой!
Приедете в Дубоссары —
Не захотите домой!

1951

ДУБОССАРСКИЙ ВИННЫЙ ЗАВОД

Не пригубил я и стакана,
А земля пошатнулась, ушла из-под ног...
Когда, испугав одного барана
И трех петухов, разгребавших песок,
По-настоящему, без обмана,
Задребезжал сигнальный звонок,
В маленьком шарике стеклянном
Накалился и засиял волосок,
И, в довершенье всего, из крана
Розовопенный хлынул поток!

И пошло. И пошло. Винных дел мастера
Опрокидывают корзины
В ненасытные бункера.
И в поту загорелые спины,
И в поту загорелые лица,
И в поту запыхавшиеся шатуны,
А струя сверхъестественной толщины
Не устает бесконечно литься.

А колхозники часами глядят
На лампочки винного завода:
— Видите, мэй, как они горят!
Слышите, мэй, вам говорят:
Это наш урожай, это наш виноград
Пятьдесят первого года!

И кажется всем, что это Днестру
Стало тесно в извилистом русле
И он пробил земную кору
Своим теченьем дерзновенным,
Рыча и бунтуя, весь в жару,
Став хмельным и розовопенным.
— Видите, мэй, как он кипит!
Ишь забродил — дошел до точки!
И хорошо, что кран открыт,
И хорошо, что без проволочки
Шлет Кишинев транспорт и бочки,
А то бы нам не дожить до ночки —
Все зальет разъяренный гибрид.
Слышите, мэй, как он бурлит!

1951

ЛИСТ ЗЕЛЕНЫЙ ВИНОГРАДА

Ты упал на мой рукав,
Видно, с целью маскировки
И не вздрогнул, услыхав
Первый гром моей винтовки.
Довелось глотнуть огня —
Вместе кровью обливались,
Расставались и встречались
И в конце концов дождались —
Я тебя, а ты меня.
Вот опять ты гроздья ягод
Прикрываешь в дождь и зной —
Пусть висят передо мной,
А потом в корзины лягут.
Дубоссарский виноград
Сложат в длинные каруцы
Ездовые всех бригад —
Ляху, Скиду, Мафтеуцы.

А потом поить быков
Поведут у винзавода,
Депутат товарищ Кода
Подбодрит весовщиков.
В телогрейке теплой, ватной
Василица-инвалид
К прессу провод подключит,
И по шлангам забурлит
Сок лиловый виноградный,
Дубоссарский наш гибрид.
Ну, теперь подкатим бочки,
Чтоб село не затопить:
Как Днестро, вино клокочет —
Целый месяц будет бить,
В бункерах рычать и злиться,
В горле крана ворковать,
Виноделам брызгать в лица,—
Это ж надо понимать!

Пусть вино простится с нами,
Пусть везет его садами
Средь молдавских низких гор
Двухсоттысячник шофер.
Пусть везет в Тирасполь-город
В кладовую на учет,
Комсомолка Мариора
Пусть в бутылки разольет,
Пусть закупорит, уложит
Между стружек,
и гибрид
За Поляный круг, быть может,
В самолете полетит.

1951

ЗДРАВСТВУЙ, ПОЛЕ ЗНАМЕНИТОЕ!

Здравствуй, здравствуй, знаменитое,
С четырех сторон открытое,
Поле, битое и рытое, —
Друга старого встречай!
Я пришел к тебе с обновкою —
Не с гранатой, не с винтовкою,
Принимай да привечай!

Под железными машинами
Ты стонало и тряслось,
Под снарядами, под минами
Тяжело тебе пришлось.
Даром, что ли, полоненное,
Сорняками истощенное,
Дожидалось ты меня?
Даром, что ли, протаранено,
Артиллерией изранено,
Ты спасало молдаванина,
Укрывало от огня?

Я пришел к тебе с бригадами,
Да с комбайнами-громадами,
Да с зелеными оградами,
Чтоб не жгли тебя ветра.
Улыбнись, мое любимое!
Покорись, мое родимое!
Расступись, необозримое,
Вплоть до синего Днестра!

1951

КОЛЯ-УЧАСТКОВЫЙ

Грудь вперед, плечистый, коренастый,
Чуть раскосый, резкие черты,
И, пожалуй, нечем больше хвастать —
Никакой особой красоты.
Все же людям нравится недаром
Представитель власти молодой —
И когда идет по Дубоссарам
В кителе, при сумке полевой,
И когда в район летит на бричке,
И когда купается в Днестре,
И когда, по воинской привычке,
Курит не в дому, а на дворе...

Славно слышать смех его здоровый,
Видеть блеск веселых, добрых глаз.
Даже забулдыга Барбура́с
В погребке колхозном как-то раз
Говорил: — Вот это участковый!
Лучше не придумаешь для нас.

Мы народ не мелочной, не гордый,
А как выпьем — сразу кверху нос.
Тут-то нам и нужен парень твердый,
Чтобы мы не подвели колхоз...

Коля прибыл к нам перед уборкой.
В сельсовете переночевал,
Сторожа попотчевал махоркой
И его любовь завоевал.
На рассвете он уж ехал в поле.
Отобрав у ездового кнут,
Спрашивал: — А как тебя зовут?
Сколько лет? Пошто не в комсомоле?..—
Словом, быстро победил и тут.

Сторож подыскал ему хозяйку
И помог перенести багаж.
Сняв мундир и надевая майку,
Коля попросил: — Детей покажь! —
Лично осмотрел босую стайку,
А потом задал морскую драйку,
Потому — у грязи долгий стаж...
Подвинтил, как говорится, гайку,
И с тех пор он здесь — «сыночек наш»!..

Было жарко. Сыпались жердели.
Вновь цвела акация. Мелели
Перекаты сонного Днестра.
В этот год медпункты еле-еле
Двум больным хинин всучить сумели:
Хоть и малярийная пора —
Днем с огнем не сыщешь комара.
Словом, небывалая жара.
Этот ужас длился две недели
(Две грозы грозились — пролетели),
Уж ворчать собаки не хотели,
А не то чтоб настоящий лай...
Именно тогда в серьезном деле
Снова отличился Николай.

Случилось то, чего нельзя —
Я не могу!
                    Доверить прозе:
Не уступлю!
                    Так вот, друзья,

Есть жеребец у нас в колхозе.
Хорош, горяч,
Орел, силач —
Ну, просто танк четвероногий.
А не подступишь, хоть ты плачь,—
Убьет в конюшне, на пороге.
Уж кто из наших не мечтал
Не то что сесть — схватить за холку!
Как поглядят — сгорел запал,
И пропадает конь без толку.
А Николай сказал лишь только:
— Попробую спытать судьбу.—
И сам себе: «Смелее, Колька!
Хватай лошадку за губу!»

Денис, Денис! Поэт гусарский!
Воскрес бы ты в тот самый миг,
Когда, под общий шум и крик,
Песок взметнулся дубоссарский.

Когда, крутясь веретеном
У самой морды лошадиной,
Как на торпеду, сел верхом
Наш Николай непобедимый!

Торпеда вниз, торпеда вверх
И на дыбы встает,
А те, что брали Кенигсберг,
Кричат: — Браток! Вперед!..

Вместе с пеной вышел дух бунтарский,
И бедняга, из последних сил,
Наш песок, сыпучий, дубоссарский,
Четырьмя копытами месил...

Ну, а наш товарищ участковый
По уставу соскочил с коня,
Свежий, как огурчик, и здоровый,
Попросил у конюха огня,
С наслажденьем закурил «Ракету»
И своей походкой строевой
Зашагал спокойно к сельсовету,
Будто он и вовсе не герой.

Сторож, в прошлом человек военный,
А теперь седой, кривоколенный,
Скажем прямо, был ужасно рад:
— Вот оно, каков наш брат солдат! —
Коля же отвел смущенный взгляд
И сказал: — Конек обыкновенный.
Для советской власти, друг почтенный,
Нету и не может быть преград...

1951

* * *

Из маленькой комнатки с глиняным полом,
Которая служит обычно колхозу амбаром,
С окошком во двор, где быков запрягают
в каруцу,—
Отсюда не только видна приднестровская пойма,
Где жаба звенит,
Где горлинка глухо воркует,
Где сад уж не сад, а подобье фруктового леса,
Где взорванный дот зарастает ореховой чащей,—
Отсюда я слышу порой канонаду корейского фронта,
И вспышки разрывов я вижу, которые многим
Ошибочно кажутся светом грозы отдаленной...

Поют петухи.
И вторые.
И третьи.
Встают Дубоссары.
Колхоз вкруг меня устремляется к свету дневному
Кузнечным набатом, трещоткой мотора, гудком
пятитонки
И тоненьким плачем рожденного нынешней ночью
В колхозном роддоме еще одного дубоссарца.

Ах, если бы в музыке жизни найти промежуток,
Чтоб вставить свое — я не знаю что — слово, рисунок,
Быть может, команду...

1951

БАЗАРНЫЙ ДЕНЬ

Хоть буря, хоть землетрясенье,—
Всегда в четверг и воскресенье
У нас в селе базарный день
Для трех окрестных деревень.
Базарный день. Таких базаров
По всей Молдавии не счесть.
Посередине Дубоссаров
Площадка есть, колодец есть.

...Перескочив через мешок,
Я очутился на базаре,
Когда какой-то старичок,
Тревожась о своем товаре,—
Горшок, который сам обжег,—
Собаке пискнул:
— Еш афаре! —
Что по-молдавски значит: «Вон!»
За свой товар боялся он.
Один петух запел в корзине,
Поскольку пенью вышел срок,
Другой немедленно помог,
Но срезался на половине:
Его пунцовый гребешок
Давно уж стал почти что синим
По той единственной причине,
Что сам певец дышать не мог
Между хозяйских сжатый ног.
Круглился, как ядро, творог,
И красные, как светофоры,
Горели долго помидоры,
Пока зеленый огурец
Не прибыл с поля наконец...

Не только купля и продажа
Сюда манят честной народ.
Вот, например, возьмем меня же —
Какой я здесь ищу доход?
Шумит базар.
И у забора
В цветистом девичьем кругу

Нашел я своего селькора,
Перед которым я в долгу,
И вот уж четверть века скоро,
Как расплатиться не могу.
Мой друг сидит в кружке девичьем
И выкликает имена:
— Татьяна Лунгу! —
И по-птичьи:
— Я тут! — откликнулась она.
— Опять письмо тебе из флота...—
И ей конверт передают.
Вскрывает.

В нем, конечно, фото.
И я взглянул: открытый взор
Напоминает мне кого-то.
Да это он же!
Мой селькор!

Вот «ЗИС» подъехал пятитонный
И стал. Горячий. Запыленный.
В окошко выглянул шофер.
Да это он же!
Мой селькор!

А вон Кетрушка, друг мой личный,
В своей фуражке пограничной.
При нем рубанок и топор.
Он, как всегда, руками машет,
Идет вприпрыжку, будто пляшет.
Да это он же!
Мой селькор!

Вон Барбурас, зампредколхоза.
Жует травинку. Хмурит бровь.
Как мне знакома эта поза!
Ведь это — первая любовь,
Ведь это стих мой самый ранний,
Рожденный в тесноте собраний,
Ведь это он же!
Мой селькор!..

1951

СВАТОВСТВО

Бьется горькая Катинка
На помещичьей земле —
Нету доли
Горше вдовьей,
Нет бедней семьи в селе.

Ляна, Люба, Параскица,
Да Гафийка, да Марица —
Мал-мала, как говорится;
Мамалыги, то и знай,
Только дай да подавай!

Это ж надо — пять девчонок
У Катинки, у вдовы.
Хоть одну господь прибрал бы —
Нет, растут быстрей травы.

И добро бы хоть рожала
Мужиков, а не девчат,
Длинноногих, да костлявых,
Да чернявых, как галчат.

Хорошо хоть работящи —
Прибирать, варить, стирать.
Слова нет, что помогают,
Да куда их, целых пять!

Между тем подходит время —
Роковой девичий срок:
У соседей дочки в лентах,
Их зовут на каждый жок.

И все чаще плачет мама
Втихомолку по ночам,
Чуть прислушается только
К тихим девичьим речам.

Самой старшей, Иленуце,
Через год шестнадцать лет;
Не успела оглянуться —
От парней отбоя нет.

Вот красотки так красотки!
В поясах они тонки,
Как соломинки, легки.
Неужели с мамалыги
Здоровы, как мужики?

Жаром веет от румянца,
От бровей, от черных кос.
И куда девалось детство —
Ноги в цыпках, мокрый нос?
Заневестилась Иляна,
Появляются сваты.

Поглядели — и сдурели
От девичьей красоты.
И сказали Иленуце:
— Будь супругой богачу.—
А дурная молдаванка
Отказала: — Не хочу.

Закричали на Илянку:
— Ставим пиво на меду! —
А девчонка отвечает:
— Не пойду да не пойду!

Дом сулят под черепицей,
Деревянный пол и сад,
А бесстыдница как взвизгнет:
— Отворачивай назад!

Тут жених разбушевался:
— Не брыкайся! Запрягу! —
А она ему на это:
— Из оглобель убегу...

Сваты плюнули с досады,
Дверью хлопнули и прочь:
Так пускай же вековухой
Помирает, сучья дочь...

Год прошел, и к Мариоре
Подкатил девичий срок —
Снова шапки-бессарабки
Подмели в избе порог.

И сказали Мариоре:
— Дай согласье богачу.—
А смутьянка молдаванка
Ни в какую: — Не хочу!

Сваты звякнули деньгою.
— Купим шубу,— говорят.
Огрызается чертовка:
— А на кой, простите, ляд? —
Да еще углем на печке
Написала: « Не люблю».
Женишку аж глотку сперло.
— Все гнездо,— хрипит,— спалю!..

Сваты в сени друг за дружкой
И со злости дверью хвать:
Мол, пускай и эта дура
Остается вековать...

Как взбесились богатеи —
Сопляки и старики —
Загоняли бедных сватов,
Просят сердца и руки.

Что за черт! Кому откажут,
Тот не спит, не пьет, не ест,
Будто нету в Дубоссарах
Никаких других невест.

А Катинкины девчата
Отошьют любого свата,
Уважаемых людей,
Дубоссарских богачей,—
Засмеют и опозорят,
А потом за дверь спроворят.

Грянул год сороковой,
Для боярства роковой:
В наших Старых
Дубоссарах
Наступил советский строй.

Будто солнцем озарило
Катеринин бедный двор —
Богачей уже не видно
У ворот пяти сестер.

А красавицы сестрицы —
Ляна, Люба и Марица,
Да Гафийка с Параскицей —
Еще краше расцвели.
Молодежь вокруг толпится —
Есть кому на них жениться.

. . . .

Вдруг фашист сломал границу,
И враги в село вошли.

И пошло совсем другое
В Дубоссарах сватовство:
Кто попался к полицаям —
Только видели того.
Не смычки поют на свадьбах —
Лихо свищут шомпола,
Бьют чечетку автоматы
С четырех концов села.

Не заметила Гафийка,
Как дошло и до нее:
Налетело на невесту
«Сватовье», как воронье.

Все в мундирах полицейских,
При погонах золотых.
На смутьянку молдаванку
Пистолет навел «жених».
— Ну, сдавайся, партизанка!
Я барон фон Бибинберг.
На дворе стоят два танка.
Стой! Ни с места! Руки вверх!

А пока «жених» ярится,
Разоряется пока,
Ткнулись в берег дубоссарский
Два рыбачьих челнока...
«Сваты» роются в кладовке,

«Сватам» хочется поесть.
— А подайте-ка, хозяйки,
Млеко, яйки,
Все, что есть...

Вдруг откуда-ниоткуда
Из окошка автомат.
«Сваты» — в сени, а оттуда —
С красной звездочкой солдат!

И пошел на этой почве
Откровенный разговор:
Как по-русски говорится —
Все на свете и топор...

Дым развеялся. Не видно,
Где «сваты» и где «жених»,
А по стенкам, на гвоздочках,
Пять пилоток фронтовых,

Да шинели по уставу,
Да винтовки по углам.
Гармонист стучит в окошко:
— Я хочу на свадьбу к вам!

1951—1952

ДУБОССАРЫ

Дубоссары, Дубоссары,
По-молдавски — Дубэсарь:
Виноградники повсюду,
Где дубы шумели встарь.

Ф р у н з е в е р д е, а по-русски
Л и с т з е л е н ы й говорят.
Фрунзе верде в две ладони
Не прикроет виноград!

В Дубоссарах летом жарко,
А зато когда дожди —
Всюду грязь, а в Дубоссарах
В белых туфельках иди.

Все молдавские шоферы
Уважают наш песок:
Хочешь, едешь по дороге,
Хочешь, дуй наискосок!

А сады-то! Что ни ветка,
То — шестнадцать килограмм.
Даже палок на подпорки
Не хватает сторожам.

Что там светит надо мною
Светлячками сквозь листву?
Чуть заденешь головою —
Градом падает в траву.

Красота! — сказать по-русски,
А по-здешнему — фрумос!
Желто-розовый, душистый
Дубоссарский абрикос.

Не жалеет шелковица
Черной ягоды своей:
Щеки, руки, даже ноги
Как в чернилах у детей.

И природа и погода
В Дубоссарах хороши,—
И народ гостеприимный —
Угощает от души.

1952

* * *

Из объятых пламенем хлебов
С криком вылетали перепелки,
И впивались в мякоть кавунов
Минные горячие осколки.

«Юнкерсы» на бреющем лету
Дымным громом землю обдавали,
Рослые подсолнухи в цвету
Молча, как солдаты, умирали...
. . . .

И вздохнул баян в тени садов,
Запевает скрипка о походах,
И видавший виды рыболов
Снова сеть раскинул в синих водах.

Погляди — свинарка боровку
Пойло льет в заржавленную каску,
Дед Ион подходит к погребку,
Не боясь нарваться на фугаску.

Дети смотрят вслед грузовику,
Что везет артистов на собранье.
Вот скользят неслышно по песку
Девушки на раннее свиданье.

Вот садится за изгиб Днестра
Розовое мирное светило,
И солдату в сумерках двора
Все знакомо, дорого и мило.

1954

ЯКОВ ОХАБКА

Из фронтового цикла

Яков Соломонович Охабка,
Вышедший на пенсию кузнец.
Тридцать лет трубил в кузнечном цехе.
Тридцать лет! И вот оно — конец...
Тридцать лет, где каждый день слагался
Из одних и тех же величин.
Все менялось — техника, начальство,—
Призывали на войну мужчин.
И тогда трубили в цехе бабы
Яков Соломонычу в укор.
Впрочем, те же ватники и брюки,
Совершенно тот же коленкор.
Тот же мат и те же четвертинки,
Те же четвертинки, тот же мат...
Он писал в райком, в военкомат.
Он просил, настаивал. Напрасно.
Без него страна вела войну.
Яков Соломонович неясно
Чувствовал какую-то вину.
В том ли был повинен, что под Шполой
Вырезано пол его родни?
В том ли, что спокойный и веселый
На виду у всех в такие дни?..

1954

ЛЕС И МОРЕ

Больше всего я море люблю —
Изумрудное, синее, разное,
Трудное, буйное, во хмелю,
У берега серое, грязное,
Безобразное, алмазное.
А больше всего я море люблю
Не гладкое и не праздное.

И лес я люблю, высокий лес —
Стволистый, дуплистый, ветвистый,
Полный чудес от земли до небес,
Игольчатый, зеленолистый,
Извилистый и прямой, как отвес,
Вместе — прозрачный и мглистый.
А больше всего люблю я лес
Частый, густой и чистый.

1955

СЫН

Старой матери
Не спится,—
Пишет мать
Письмо в столицу:

«Позабыл меня,
Сыночек,
Оторвался,
Как листочек.

Оторвался,
Как листочек,
Навестить
И то не хочет.

Курс окончил
Там, в Москве-то,
С этих пор
И слуху нету...»

Пишет мама.
Плачет мама.
Керосину
В лампе мало.

Скоро в доме
Посветлеет,
Мать возьмет письмо,
Заклеит,

Отнесет
Письмо на почту,
И пойдет
Письмо к сыночку...

Ждут его напрасно
Дома,
Ждут в колхозе
Агронома...

Ты не гни,
Мамаша, спину.
Не пиши
Такому сыну.

Не пиши
Такому сыну.
Не трать в лампе
Керосину.

1955

ИЗ ЮНОШЕСКОГО ДНЕВНИКА

Не верится, а жизнь моя уходит,
А чувства юности уже не те, не те,
А будущее глаз с меня не сводит,
А я все ближе к серой пустоте,
Что ж, если мне дано сильней, чем многим,
Гореть от жаркой искры бытия

И не дано быть мудрым, твердым, строгим,
То, может, в этом неповинен я.
Всех тех, кто видит зло в моей печали,
Тех, кто меня же ею попрекнет,—
Благодарю за то, что выручали,
Что грозных мыслей облегчали гнет.

1955

ИЮЛЬ В ГОРАХ НАСТАЛ

Июль в горах настал. Сначала,
За каплей капля, падала вода,
На камень с камня, падая, стекала,
Во впадинках стояла, как слюда.
Ночной мороз белил ее, сжимая,
И останавливал до полдня, и тогда
Опять атака солнца лобовая
Одолевала неподвижность льда.
И снежный холод становился влагой,
А капли — нитями, а нити — бахромой,
Потом все путалось и, вдруг безмерной тягой
Выравниваясь, мчалось по прямой,
Проваливалось в трещины, шипело,
С налету раздвоившись о скалу,
И вновь ручья извилистое тело
Летело вниз, в клокочущую мглу.
Сюда сползались облаков кочевья
И, зарядясь от каменных громад,
Ветвистых молний рослые деревья
На перевал высаживали в ряд;
Был весь их век во вспышке той мгновенной,—
Следы ожогов ливень замывал,
Чтоб самому рекою бурнопенной
Реветь и продираться между скал
И, выискав кратчайший путь к подножью,
Достигнуть черной алчущей земли
По бездорожью, правдой или ложью,—
А там, внизу, и грозы отошли...

1955—1965

СОЛДАТСКАЯ ДУША

Какая душа у солдата?
Известно, какая она.
Положено — штука на брата,
И всем без примерки дана.

А та, что как раз приходилась —
Домашняя, в доску своя,
Для службы никак не годилась,
Стремилась в родные края,

Сжималась от визга фугаски,
Мутилась от кружки вина
И, видя беду без прикраски,
Скрипела при слове «война».

Давали на роту штук по сто.
Не каждому впору была:
Тому велика, не по росту,
Тому оказалась мала.

Солдат на ходу под обстрелом
Кой-как приспособил ее:
Авось, мол, потом, между делом
Наладим хозяйство свое.

И вот обносились шинели
И в норму пилотки пришли,
А душу пригнать не успели,
Но души и так приросли.

1956

БРОНЯ

В мозгу клубится гарь веков,
Тысячелетий дым,
Когда винты штурмовиков
Вовсю ревут над ним.
Летят. Усталость, боль и злость
Оставили меня:
Ведь эта каска, эта кость —
Какая там броня!

Как страшно неподвижным телом
Навсегда застыть...
Тут лишь бы делом, только делом,
Делом надо жить.
Упрись плечом в машинный борт,
Сквозь зубы дождь браня.
Ярись, как черт, у конских морд,—
И вот она, броня!

Потом пусть слезы у тебя
Бегут с небритых щек...
Тебе, завидуя, любя,
Простит их новичок.
Да ведь и он поймет, побыв,
Как ты, среди огня:
— За дело, черт возьми, коль жив,—
И только в том броня!

1956

ТОСТ

Одному известному ученому,
которого я никогда не видел,—
по случаю его долголетия

Являясь профаном по части науки,
Боюсь напороть невозможную чушь,
А вот издавать гармоничные звуки —
Мой тягостный жребий: его я не чужд.
Сегодня опять предоставился случай,—
Ученого мужа поздравить спешу
За то, что ученый, вдобавок — живучий.
Что делать поэту? Сажусь и пишу.
Мне нравится — сидя (не лежа, не стоя)
Подыскивать слово: нашел и — в строку.
Хочу подбодрить и утешить героя,
А вдруг да полюбится стих старику.
Нальют мне в серебряный рог цинандали,
И мудрый механик, грузинский Ньютон,
Дрожащей рукой поправляя медали,
Со всеми, как принято, в лад, в унисон,

Гортанно затянет картвельскую сагу.
А я, не терзаясь незнанием нот,
По слуху начну заносить на бумагу,
Как только луна над застольем взойдет...

1956

НЕОБЪЯСНИМОЕ

О дожде мечтали мы знойными ночами,—
Звали всеми порами тела и души:
Ждали горожане, жаждали сельчане,—
Не идет! Хоть кол на голове теши.

Если б только мог я! Был бы я шаманом,
Я бы дождик выкамлал бубном и обманом,
С диким воем корчился по асфальту пыльному,
Дабы снизошел он к жалкому, бессильному...

Где уж мне? Не поп я, не колдун, не знахарь,
Не метеоролог, даже и не пахарь.
Ладно. Делать нечего. Сочиню стихи я.
Сел к столу. Без мысли и без веры в чудо.
Вывел строчку. Вялую. И подумал: «Худо...»
Зачеркнул... И вдруг как сорвалась стихия!
Как с небес посыпались капли. Вот такие!

1956

РАССТОЯНИЕ

Вглядимся в нашу юность, удивляясь:
Где страсти, где томленье той поры?
И сразу — невдомек, что, удаляясь,
Мы видим только силуэт горы.
Обрывы, повороты — их не видно.
А крутизна тропинок — где она?
А лес, где мы блуждали? А ущелье,
Где клокотало бешеное зелье?
Все спряталось — громаде стыдно,
Как будто вся обнажена...
. . . .
Ты слишком близко подошла ко мне.

1956

ЮНОСТЬ

Когда мне было двадцать с лишком,
Служил я в грозненском полку
И все завидовал усишкам
Своих дружков по котелку.
Отдавши дань сапожной чистке,
Фуражку сдвинув набекрень,
По увольнительной записке
Я уходил в воскресный день.
Свирепым зноем обожженный,
Точь-в-точь кавказец записной,
Я чувствовал себя пижоном.
Я наслаждался новизной:
Тень тополя — не тень чинары,
Трамвайный звон — не рев осла.
Я шел, где шел творец Тамары,
Где пахнут нефтью промысла.
Вот только местные казачки
С презреньем отвергали нас:
Под взором сумрачной гордячки
Робел безусый ловелас.
Но страсть моя воображала
Мюридов мстительный набег:
Спасал красотку от кинжала
Очкастый смуглый человек...
Однако близок час урочный,—
Воскресный отдых мал, увы.
Я завершу его в молочной
Куском подсолнечной халвы.
Вокруг друзья-однополчане:
Кто кофе пьет, кто молоко.
Пора и в полк. Идем в молчанье.
Идти, увы, не далеко.

Глядим тоскливо на казачек,
И каждый алчен, как мюрид...
Но это ничего не значит,
А просто юность в нас горит.

1956

ДУШЕСПАСИТЕЛЬНЫЕ МЫСЛИ

Что мне делать? Я не верю в бога.
Вера бы меня занять могла,
Так сказать, на склоне, у порога,
Суетные бросил бы дела.

Но тогда в каком ином оплоте
Я обрел бы отдых для души?
Вряд ли это умерщвленье плоти,—
Вопиет она: «Дурак, спеши!

Сам ты закалял меня, конечно,
Но теперь попробуй одолей,
Да запомни: время быстротечно,
Если опоздаешь — не жалей...»

Вопиет. А коль такое дело,
Я ж тебя — верней, себя — дойму.
Будь что будет, а заставлю тело
Подчиниться духу моему!

И давай мы с ним гонять по свету.
Дух сдает, а тело — черта с два:
Чуть не трижды обогнул планету —
Плоть жива, а дух — едва-едва.

Что за чушь! В моем здоровом теле
Должен обитать могучий дух.
Что ж он, мой-то? Дышит еле-еле.
Значит, плоть старается за двух.

Я здоров! Ушам доступны звуки,
Не упустят ничего глаза.
Ноги в норме, двигаются руки,
Все на месте — ход и тормоза.

Только с тем, что мир наш необъятен,
Не хочу смириться, и нельзя:
Много ль расцветил я белых пятен,
Над землей по-птичьему скользя?

Кто сказал, что должен быть солиден
Убеленный сединой поэт?
Сей портрет обиден и постыден,
И с оригиналом сходства нет.

Пусть во мне маститости не ищут:
Нет ее на старый медный грош.
Я такой, как тысяча на тыщу,
Хоть и на поэта не похож.

Специально ждать меня не надо:
Ведь слова, придуманные мной,
К вам дойдут и без доставки на дом,—
В поговорке, в песне фронтовой.

Пели их в колхозе за Тоболом.
Пели на Оби буровики,
Пели пионеры с комсомолом,
Сверстники Лазо — большевики...

Я еще пройду, еще поезжу,
Я еще незримо пролечу
По всему Приморью и Прибрежью,—
Я еще могу, еще хочу!

1956

НА ФЕСТИВАЛЬНОМ ШЕСТВИИ

Вдруг в переплетенье флагов, ветра, танца
Нам блеснул неповторимый свет:
Мы, советские, в ладонях иностранца,
В глянцевых ладонях африканца
Увидали ленинский портрет.

Он не знал по-нашему ни слова,
Этот парень,—
ровно ничего.
Он молчал — и ничего другого,
Улыбался —
только и всего...

Я пять раз видал живого Ильича,
А боюсь рассказывать об этом —
Вот стою я,
улыбаясь и шепча,—
Вроде африканца
с ленинским портретом.

1958

3 ЯНВАРЯ 1959 ГОДА

Стыл в тумане уголок планеты,
Мутной мглой застлало небосвод.
Вовсе неприглядные приметы,—
Что они сулят на этот год?

Ты дала ожить своей обиде:
Прошлогодняя моя вина
Выросла, подобно пирамиде,
Поднялась откуда-то со дна.

Все это: обида, и досада,
И туман, и серый скользкий лед —
Предрекло тебе, моя отрада,
Несчастливый, смутный новый год.

Ты чуть-чуть поплакала, позлилась
И уснула, несмотря на злость...
А наутро вдруг — скажи на милость! —
Из тумана солнце поднялось.

И легко, легко на сердце было,
Солнечно, светло, как никогда.
Этой ночью в небо восходила
Нами сотворенная звезда.

1959

* * *

Ты слышишь? Вот стучит капель.
То с крыши в лед стучит капель.
Водою сточной
В лед капель

Наводкой точной
Бьет, как в цель.
Апрель идет.
Идет апрель.
Повсюду светится весна —
Она ясна, чуть-чуть грустна.

Весенний почерк
Детски крив:
Еще без почек
Ветки лип.
Еще мороз
Царит в тени.
Пальто, не бойся,
Расстегни,
Взгляни на голубя —
И тот
Босой по лужицам идет.
Уходит март.
Идет апрель.
Звенит капель.
Поет капель.

1959

ЧЕРВОНЫЙ КУТОК

В воскресенье — веселье в червоном кутке.
Только вечер настанет, начнется кино.
Приоделась, умылась, с деньгами в руке
Вышла из дому дочь рыбака Арфано.
Только вышла, навстречу ей пыльный норд-ост,
Белый штапель бесстыдно задрал в темноте.
Не беда! Кто увидит тебя, кроме звезд?
А ведь звездам не стать привыкать к наготе.

Чертов ветер, бродяга одесских степей,
Как его ни закуй — он сорвется с цепей,
Он течет, как поток, сквозь червоный куток,
Там пригубив веселья здоровый глоток.
До чего же крепка и в кости широка
Эта смуглая девушка, дочь рыбака!
Вот идет, а норд-оста крутая река
Обдает ее музыкой издалека.

А в червоном кутке, а в червоном кутке
Все гремит, все кипит, как вода в котелке,
И опасно трещат половицы кутка
Под ногой моряка, под ногой рыбака.

Нежный вальс превращало в сплошную грозу
Звуковой установкой на полном газу.
Нежный вальс, ерихонской пропетый трубой,
Раскаленные лбы омывал, как прибой.

А потом на экране был киножурнал:
Экскаватор огромную гору жевал,
Узкоглазый казах покорял целину,
Межпланетный снаряд улетал на Луну.

Стрекотал аппарат, оживлял полотно,
Было жарко в червоном кутке и темно,
И сержант-пограничник кому-то шептал,
Что он сам из Рязани, что любит давно.
Он на фильме одиннадцать раз побывал,
Не взглянув на экран, объясненья давал,
Слишком шумно дышал и соседям мешал.
— Отчепитесь,— шептала ему Арфано.

В черном бархате ночь над червоным кутком.
Ветра нет. Пахнет степь молодым полынком.
Дышит море невидимой дальней водой.
Так и будут молчать до зари золотой...
Выключается ток. Смолк червоный куток.
Скоро-скоро огнем разгорится восток,
И не станет ночных неразгаданных тайн,
По колено в пшенице проснется комбайн,
И наладит шаланду рыбак Арфано.
Спит червоный куток. Спи, червоный куток,
Вейся, рваный и белый от солнца флажок.

1959

СВЕРСТНИКУ

Привычка говорить красно и нараспев
Подчас еще тебя сбивает с толку,
Но, в благозвучии довольно преуспев,
Не чувствуешь ли сам к себе невольный гнев:

«Зачем я, старый гусь, играю перепелку?..»
Где молодость твоя, упругое перо?
Тускнеет лоск, редеет оперенье.
Последний перелет и вспомнить тяжело:
От каравана ветром отнесло,
И зимовать пришлось на севере...
Смиренье
В замену мужественной дерзости рывка —
Отныне твой удел, опасностей лишенный.
Прости, лазурь морей! Пусть здешняя река
Тебе позволит дотянуть до островка,
Где сад нахохлился, унылый, желтый, сонный.
Вот твой сегодня юг — укромный уголок
Без ветра, столь воспетого когда-то.
Плыви. Пучок осенней травки недалек...
Так кажется костром ничтожный уголек
Издалека бредущему солдату.
Дружище! Желчный стих отвергнешь, не поняв?
Тем хуже для тебя. Да, я хотел обидеть:
Разжечь и растравить и воскресить твой нрав.
Но лучше убеди меня, что я не прав:
Что хочется тебе любить и ненавидеть.
Что снова по плечу походный сундучок,
Что в силах поддержать ты боевую марку.
Обрадуйся, старик, жестокому подарку
И мой упрек прими, как дружеский толчок,
Как полноградусную фронтовую чарку.

1959

ХАМОВНИКИ

Что вспоминать о грязных бородинских
перекрестках?
Зачем нам знать о пыльном Усачевском пустыре?
О разных мальчиках и девочках-подростках?
Ты спой нам о Великом Октябре:
О коммунарах, беззаветно-храбрых,
С разнокалиберным оружием в руках,
Об этой гвардии депо, заводов, фабрик
На баррикадах,
на грузовиках!..

Я ваш певец. Хамовники родные,
Район ткачей, резинщиков и швей.
Девичье поле! Это здесь впервые
Я тополь посадил рукой своей.
Вы, стре́лки,
                    стре́лки Брянского вокзала,
Давали путь теплушкам на фронты.
И сколько эшелонов увязало
В густом снегу, среди ревущей темноты!
И сколько рук, озябших, полудетских,
Тогда впивалось в дерево лопат...
Хамовники тех первых дней советских!
Я ваш певец и рядовой солдат.

Ты, вечный гул ночной тревоги ратной,
Ремень винтовки, впившейся в плечо,
Ржаной сухарь и кипяток бесплатный,
Когда и на морозе горячо.
И вы, неровно крашенные флаги
Без маковок и золотых кистей,
И ты, предел мечты тогдашнего стиляги,—
Кожанка рваная, не гревшая костей...

Краснеют трубы печки раскаленной,
Кропит смола паркет особняков,
И мы поем:
                    «Кипит наш разум возмущенный
И в смертный бой вести готов...»
И снова стрелки!
                         Стрелки Брянского вокзала,
И «Как родная меня мать провожала...»:
В теплушки грузится, стуча штыками, взвод.
Приказ — голов не вешать, а смотреть вперед!
Вы, песни, песни в комсомольских клубах!
Вы, споры, споры при багровых трубах!
И вес подсумка на голодном животе,
Патрульный марш по лужам в темноте,
И обыски в квартирах Сивцев-Вражка,
И первый наш трофей — бинокль и шашка...

И вы, субботники по заготовке корма
Для отощавших, падающих кляч,
И госпиталь, где запах йодоформа,
И роль в спектакле:
                              «...трепещи, палач!..»

И голод, и бессонница, как норма,
И ты всегда на высоте задач...

Я ваш певец, Хамовники родные:
Я ваш певец и рядовой солдат.
Дела текущие,
дела очередные,—
Как вас вместить в итоговый доклад?

Пусть пламя,
пламя вырвется над кромкой
Обыкновенных и не новых слов,—
Я только напою мотив негромкий,
Который тоже, может быть, не нов.

1959

ГОРОД В СТЕПИ

Год миновал. Годовщина.
Кажется, будто вчера
Здесь расстилалась равнина
И — ни кола ни двора.

Только высокое небо,
Только под небом земля —
Или седая от снега,
Или в пуху ковыля.

Год миновал. Годовщина.
Год, а как будто бы пять.
Мальчики стали мужчинами,
Девочек трудно узнать.

Вспомните все по порядку,
Сидя под крышей в тепле:
Холод, костер и палатку,
Сон на промерзшей земле.

Весело топятся печи.
Новая скатерть бела.
Выпьем без тоста, без речи,
Молча — за наши дела.

1959

АНЖЕЙКА

Всезнающие одесситы,
Что далеко не лыком шиты,
И те становятся в тупик,
А после не жалеют пик
В нелепом, но горячем споре:
— Мы знаем сушу, знаем море,
И Старый Свет и Новый Свет —
Ни тут, ни там Анжейки нет!..

Но я с упрямством Галилея
Опровергаю эту весть
И, самой жизни не жалея,
Всем докажу: Анжейка есть!
Анжейка есть! На том стою я,
За правду-истину воюя,
И сам готов в огонь полезть,
Сквозь дым крича: — Анжейка есть!..

Анжейка с маяком, с причалом,
Анжейка с морем и землей
И с неизученным началом
Своей истории простой.
Ты у меня сухой дорогой
Пройдешь в Анжейку наших дней
При солнце, при луне двурогой —
Чтоб поудобней, чтоб видней.
И пусть не «Волгу», не «Победу»,—
Я обеспечу грузовик.
Быть может, сам с тобой поеду,
Как бескорыстный проводник.

Летя стрелою по шоссейке,
Ищи глазами винзавод:
Тут перекресток, тут к Анжейке
Не прозевать бы поворот.
Потом держись лесопосадки,
Да бойся встречных тягачей,
Да не газуй во все лопатки —
Мол, знайте, хлопцы, москвичей!
Ты на машине, ты не в танке —
Езжай степенно, дорогой.

И вдруг ветряк артезианки
Завертится перед тобой.

Тому назад четыре года
Я ехал мимо винзавода.
Поспели дыня и арбуз,
И Саша, добрый мой водитель,
Тогда одетый в старый китель,
Возил в Одессу сладкий груз.
Красу колхозного баштана,—
Он брал их с полевого стана
Еще в пыли, еще в росе.
И вновь мы мчимся по шоссе.
Мы оба в штатском, не в военном.
Мой друг, как прежде, за рулем,
И в разговоре откровенном
Мы вам ни слова не соврем.
Хотите, молча вам покажем
Артезианку и маяк;
Дурные оползни над пляжем;
Сорвите сросшийся с пейзажем
Анжейский придорожный мак,
Погладьте стебелек мохнатый,
Подуйте в чашечку цветка...
А видите над крайней хатой
Флажок червоного кутка?
Вот это новость! Клуб рыбачий.
Афиша — танцы и кино.
Двугривенный за вход. Иначе,
Не заходя, гляди в окно...

Но тут, подняв завесу пыли,
Нас обогнал мотоциклист —
Еще деталь колхозной были
И знак, что мы не заврались
И что Анжейка есть и будет.

Но вот и берег. Саша, стой!
Пусть смотрит, слушает и судит
Наш пассажир о нас с тобой.

1959

ТЕЛЕЦЕНТР

Однооконная хатенка,
Последок ветхого сельца,—
Уж ей недолго ждать конца
От дерзновенного потомка.
Он выгнал тигров из тайги,
Тайгу руками вырвал с корнем.
Зуденье гнуса, визг пурги
Еще не раз мы в песнях вспомним.

Угрюмо смотрит за Амур
Подслеповатое окошко —
На сопки в клочьях снежных шкур,
На ледовитую окрошку.
Все медленней плывет шуга,
Дымят поземкой берега —
Идет работа ледостава.
К тебе пришла иная слава,
Глухая, дикая тайга.

Лишь Комсомольский телецентр,
Никем покуда не воспетый,
О днях таежных даст концерт
В пятиэтажные проспекты.

1959

* * *

Когда из уст других мои слова слетают,
Одушевленные восторгом не моим,
Они значение иное обретают
И вновь живут значением двойным.

Слова идут от одного к другому
В пыли дорог, цветов, в загаре и в дыму,
Со всеми говорят. И с каждым по-иному,
Меж тем назначенные только одному...

1959

САПЕРЫ

Я в гражданском. Я в запасе,
Я стою за прочный мир.
Не зазнался, не заспался:
Хватит дела. Много мин.
Есть ловушки-одиночки,
Старомодные, как бочки.
Есть поля и погреба,
Никому не ведомы,—
Корешки свои трава
Вьет между торпедами.
А недельки две назад
Я напал на целый склад:
Пересыпанный песком,
Он обложен глинами.
Кто в машине, кто пешком
Землю мнет над минами.
Ходит поверху народ —
Женщины, мужчины.
Мина спит.
А вдруг взорвет
От пустой причины!
В неизвестном месте спит
В скверике меж липками,—
Май над миной шелестит
Листиками липкими.

На второй, на мировой
Виды мы видали.
Мир от язвы моровой
Отстояли головой,
Грудью отстояли.

И с саперами дружил,
Много песен им сложил.
А они за это,
Полагая, что пойму,
Обучили кой-чему
Своего поэта.
Честь по чести, в маскхалатах,
Как положено в солдатах,
Применялись к местности
И работали, ей-ей,

Не заботясь о своей
Славе да известности.
Мне везло и не везло,
Я узнал добро и зло,
Белое и черное:
Непростое ремесло,
Ремесло саперное.
И опасностей полно,
И к тому же нервное,
Да оно не мудрено,
Войско инженерное:
Загради да наведи,
Заряди да разряди,
Да как следует гляди
Впереди и позади.
Правда, выдала страна
Технику саперам:
Ищешь мину — вот она!
Поймана прибором.

Я узнал их. Я привык
Жить со смертью рядом.
Я их чую, как грибник,—
Нюхом, ухом, взглядом.
Знаю их: коварство их.
Скрытность их змеиную,
Заводной характер их
Под невинной миною.

На войне бывал я глуп
И зевал, когда б не щуп
Да миноискатель.
Ну, а что поможет мне
Вот сейчас, не на войне?
Я — простой писатель.
И приборов-то нема,
Кроме сердца да ума,—
Вроде бы не густо.

Все оружие мое —
Не ружье и не копье,
Только лишь искусство.
Оснащали — ты смекни —
Встарь поэтов лирою,—

Авторучкой в наши дни
Как я разминирую?
Без кирзовых голенищ
Сунься за обочину.
Без приборов, гол и нищ,
Скажем по-рабочему.
А тяну ведь. А иду!
А держусь. Выдерживаю.
За рога беру беду:
Грудью падаю. Не жду —
Мину обезвреживаю.

Сам иду. Других веду.
Ничего. Выдюживаю.
Перед всеми на виду
Мину обнаруживаю.

Как такое — безоружный?
Это только вид наружный,
А за мной цепочкой дружной
Молодцы один в один:
Тоже числятся в запасе,
Каждый — скромный гражданин.
Коля, Петя или Вася.
Мы идем. И ни один
Не зазнался, не заспался:
Хватит дела.
Много мин.

1959—1960

СПАЯН КРОВЬЮ

Что творится!
Все двоится!
Ночью снится Приднестровье.
Я, жилец Москвы-столицы,
С Кишиневом спаян
Кровью.
Не с того ли так дурманит,
В даль холмистую маня,—
Не с того ль магнитом
тянет,

Голос флуера меня?..
Ох и манит!
Ох и тянет!
Сквозь туннели, тучи,
степи,
Лист зеленый — не бумаги —
Все равно как долг присяги,
Или это просто память.
И несешься на прицепе
У своей солдатской тяги?

Асы Гитлера бомбили
Переправы на Днестре,—
В грузовом автомобиле
Ехал я. О той поре
Не забуду,
Помнить буду
Ночи зарев и громов!
Почему я верил в чудо
И остался жив-здоров?

На краю могилы братской
Клялся клятвою солдатской:
Мол, еще сюда вернусь,
В рай зеленый,
В край молдавский,—
Двух кровей во мне избыток,
Словно двух металлов слиток:
И Молдавия,
И Русь!

1960

УКРАИНСКАЯ БАЛЛАДА

Спят садочки, холмы и равнины,
Блещет месяц речною волной.
И бежит по степям Украины
Мрак ночной, словно конь вороной.

Лишь не спят корпуса заводские
Да в войсках часовые не спят.
Затихает красавец наш Киев,
Лишь бульвары листвой шелестят.

То не ветер гуляет днепровский,
Не волны черноморской прибой —
Вышел снова
Григорий Петровский
На простор Украины родной.

По старинной рабочей привычке
Он внимательно смотрит вокруг
На бегущие в ночь электрички,
На большие дела наших рук.

Пьют росу беспредельные нивы,
Дышат свежестью ночи сады,
И прохожий вдыхает счастливо
Милый запах днепровской воды,

На востоке заря рассветает,
Убегает полночная тень,
И туман над полянами тает —
Просыпается радостный день:

В городах гомонят перекрестки,
Запевает моторами труд,
И сливается с жизнью Петровский —
Не исчез он, а с нами, а тут...

1960

НА ПРОСПЕКТЕ МИРА

А. Токомбаеву

Во Фрунзе на проспекте Мира,
В виду гигантских тополей,
Еще безлистых, не тенистых,
Но гордых высотой своей,
Люблю я слушать смех детей.
Вдоль тополевой колоннады
То там, то здесь взлетает мяч,
И два раскосых черных глаза
За тем мячом несутся вскачь,
И ноги бегают, и руки
Там что-то чертят на земле...

Гляжу — и лучше разбираюсь
В апрельском ветре и тепле:
Тепло идет от смуглых личик,
А вешний ветер — оттого,
Что нет у них дурных привычек
И нет дурного ничего.
Они, как завтрашняя новость,
Лишь тем велики, что малы.
Что стоит взрослая суровость
И то, что мы добры и злы
И тем гордимся иль стыдимся
И жаждем звона похвалы?
Иль осуждения боимся?

А может, мы им пригодимся,
Мой друг и сверстник, Аалы?

1960

ВЫСОТА

Я жил у скотоводов
На маленьком джяйлоо,
К ним в это время года
Попасть не тяжело.

Пусть солнце жарит пылко,
Пусть жалят овода —
Спокойная кобылка
Возносит вас сюда.

Здесь так свежо соседство
Большого ледника.
Здесь вместе с вами в детство
Впадает ключ-река.

Я в юрте лег. А сверху
В лазурный круг-тюндюк
Взглянул пролетом беркут:
«Салам алейкум, друг!»

Я пил кумыс снотворный
Из желтой пиалы,
И дверь была отворена
В бездонность синей мглы,

Где, презирая скалы,
Владычествовал ТУ,
А снизу аксакалы
Взирали в высоту,

Туда, где грохотало
Ракетное жерло...
Мне жаль, что жил так мало
На маленьком джяйлоо;

Что пробыл в темной юрте
Не дольше, чем живу
В заоблачной каюте
Ракеты наяву;

Что мир трехмерный вольный
Недолго видел я
В проем косоугольный
Киргизского жилья,

С чуть слышным конским ржаньем,
С журчаньем родника,
С мерцаньем и дрожаньем
Большого ледника.

1960

ПРАВИЛЬНЫЙ ПУТЬ

Однажды смерть за мной придет —
Нагнется над страдальцем.
А может, издали проткнет
Своим чугунным пальцем.
Я не взмолюсь, не возропщу —
Ведь это не поможет,—
Я просто
Смерти возмещу
За каждый день, что прожит.

Я уплачу за все, что взял
(А взял я очень много!),
За все пусть взыщет строго.
Во-первых, за мои стихи —
Там смерти доставалось.
Была там пропасть чепухи,
Но и веселья малость.
И, во-вторых, за все пути,
Исхоженные мною:
Когда б не смерть,
Я мог нести
И тяжесть за спиною.
И нес. И если тот мешок
Не так давил на плечи,
И грудь не резал ремешок,
И шел я многих легче,—
То это значит: смерть моя
Ко мне благоволила,
Иначе б втрое на меня
Старуха навалила...
Пошел я правильным путем
И о расплате помнил,
И смерть мою
Мужским чутьем,
Как женщину, я понял.

1960

ПОЛЬЗА И КРАСОТА

Пусть спорит глупость: что полезнее —
Прямая польза
Или красота.
Мол, ежели б ковал, пахал, лечил болезни я,
Была бы жизнь моя почтенна и свята.

Программа партии выносит на орбиту
Всю Пользу польз,
Всю Красоту красот.
Поэзия,
Ты выиграешь битву
За новый мир
Без рабства и господ!

1960

КОМСОМОЛЬСКАЯ БАЛЛАДА

Весна... Так что ж? Не в ней вопрос,
А в том, что мы еще раз юны.
Товарищ Цуриков, матрос,
Перебирает струны...

Неправда — он не умирал
Ни от какой чахотки.
Такой, как есть,— не адмирал,
А просто рулевой с подлодки.

Воспоминания плывут,
Летят по Кудринской-Садовой.
Конечно, мы встречались тут
С той самой — как ее? — бедовой.

Который год обоих нас
Она водила за нос.
Мы падали в глазах у масс,
А может, это нам казалось?

Взяла, остриглась нам назло,—
Девическая шалость.
Но это бы куда ни шло:
Любовь отнюдь не уменьшалась.

Гитару Цуриков достал,
Писать стихи я начал тайно,
Рифмуя «зал» и «пьедестал».
Любили оба. Чрезвычайно...

Бренчал «Цыганочку» мой друг,
Учась по цифровой системе.
О, мелкобуржуазный дух!
А главное — в какое время!

Тогда мутил село кулак
С обрезом под полою,
Покуда занят был моряк
Своей системой цифровою.

А что скажу я о себе?
Мне вовсе нету оправданья:
Забыл о классовой борьбе,
Стихи писал и ждал свиданья...

Но принял взносы казначей
С влюбленного матроса:
Он брошен был на басмачей.
Гудок. И понеслись колеса.

И замер, прежде чем гудок,
Неоцененный звон гитары...
Я шел с вокзала одинок.
Брели в обнимку пары.

— Целуйтесь! — мрачно я шептал,
Как сирота, плетясь с вокзала,
И рифма к слову «пьедестал»
Меня совсем не волновала...

1960

СОН

Мне снился танк. Он весь дымился,
Он, как безумный, в бой ломился,
Летел в моем свирепом сне
По белоснежной целине.
Он нестерпимо раскалился:
Во сне я знал, что он озлился.
И что-то повелело мне,
Чтоб я в него переселился.
Была команда. В тот же миг
Я словно дух сквозь сталь проник.
Убит стрелок. Убит водитель.
А танк живой, и я в нем житель.
Стучит в броню шальная дрель —
Все ближе, ближе, ближе цель.
Я вижу в смотровую щель —
Все ближе, ближе, ближе цель...

Нет сил смотреть такие сны
Пятнадцать лет после войны.

1960

ПЕНСИОНЕРЫ

Лбы изрыты морщинами,
Брови стали лохматыми...
Были с детства мужчинами
И остались ребятами.

Ненавистны им начисто
Хвастовство и стяжательство,
Снисходительность барская
И угодливость рабская.

Не зовите, пожалуйста,
Их по имени-отчеству:
Старики обижаются —
Им не этого хочется.

Не каприз, не чудачества,
Не трюкачества ячества,
Не дурачества старчества.
Коль в котлах революции
Хорошенько поваришься —
Ты ТОВАРИЩ!
Товарищи —
Это самое лучшее.

1961

СНАРЯДЫ НАУКИ

Еще отдельные старушки
Очередной справляют пост,
Толкутся у церковной кружки —
Вопрос религии не прост.

Не поборол земную косность
Хвастливый темный святогор,
А бабкин внук штурмует космос,
Таранит мировой простор.

Что суеверье, предрассудки?
Воистину он выше их.
Ему тесны земные сутки,
Он жажду истины постиг.

Он телескопы, словно пушки,
Наводит на мишени звезд.
И пусть отдельные старушки
Очередной справляют пост,

Но их отчаянные внуки
Презрели рай, презрели ад:
Они снарядами науки
Врата небесные бомбят.

Откройся ж, мировая сфера.
Откинь покров! Мани! Зови!
Мерцай, красавица Венера,
Встречай наш Герб, звезда зари!

12 февраля 1961 г.

* * *

Когда-то в блеске штыкового лезвия,
В чудовищном толчке взрывной волны
Солдату, мне, мерещилась Поэзия,
Но это был чугунный хмель войны.

Судьба раба, дурная праздность барина,
Церковный пафос хищника — дельца —
Оторвались навеки от Гагарина,
Как суета сует от мудреца.

С ним вместе прикоснулся к черной бездне я,
Следил невозмутимый блеск светил.
И радостный толчок взрывной Поэзии
В своем смущенном сердце ощутил.

1961

СТАРАЯ БАЛКА

Сухая анжейская балка —
По склонам бурьян да полынь.
Два слова сказать о ней жалко,
Пожалуй, одно лишь: аминь.
Когда-то была она руслом,
Журчала прозрачной водой,

А нынче на дне заскорузлом
Трава да бессмертник сухой.

Сухая, заглохшая, бывшая,
Лишь лоциям нужная щель,
За длительный век свой намывшая
Под берегом желтую мель.
Тут есть родничок с непригодным
Для местного люда питьем
И выстлан откос огородным
Тугим кабаковым листом.
Тут бродят заблудшие утки,
Дичает кошачий приплод
И, дрянью напичкав желудки,
Болеет и бесится скот.

Но стоит анжейскому лету
Прорваться дождем проливным,
Ударить восточному ветру
Порывом морским иль степным,—
И пыльная щель оживает —
Клокочет, бурлит и гремит,
Полынный покров разрывает,
И лаву по руслу стремит,
И в море потоком относит
Насиженный мусор села...

Не прав, кто аминь произносит
И приговор балке выносит:
Ведь балка живет как жила.

1961

БЕСЕДА С ГЕРОЕМ

Собеседник мой, друг и судья,
Незнакомец или незнакомка,
Современник ты мой, ибо я
Не уверен во вкусах потомка.
Льстиво кашлянув, очень негромко,—
Цель моя не прогнать, но завлечь,—
Я молю тебя кротко и робко:
«Не спугни мою тихую речь.
Не петух я: в навозную кучу

Что мне лезть за жемчужным зерном?
Наглой рифмой тебе не наскучу —
Посидим-ка спокойно вдвоем.
А желаешь, пройдемся под ручку —
Знаю тут я местечко одно.
За свою не волнуйся получку:
Всё за мной — и кино и вино.
От гостей утаил я настойку.
Сам готовил — домашний секрет!
Не побрезгуй, постольку поскольку
Ты товарищ на вкус и на цвет.
Ну, так первую стопку за встречу.
Оглядись, каково я живу.
Может, будут вопросы — отвечу.
Хочешь сам говорить — не прерву.
Видишь — стол. Вот бумага, чернила —
Все, что надо в хозяйстве моем.
Авторучка — она прокормила
Много лет меня честным трудом,
Хоть вагон чепухи сочинила:
Ту корзину — гляди, под столом —
Сколько раз набивал я битком.
Подсчитать бы, да сбивчив я в числах,
Сколько верст пробежало перо?
Сколько слов не своих и не чистых
Я порой принимал за добро.
Все случалось: не видел я злого
И мешал дурака с мудрецом,
С горем смех, а начало с концом,
Золотое, прекрасное слово
Заменял розоватым словцом.
Вот так сеятель! Вот так искусство!
Ты молчишь, а в глазах-то укор —
Знать, я сеял где густо, где пусто,
Ты ж прощал мне огрехи и сор,
Грустно глядя, как я озорую.
Значит, веришь в меня до сих пор?
Надо выпить за это вторую.
А теперь говори — твой черед,
Сей в меня: мой черед быть землею,
И клянусь — весь посев твой взойдет,
Вдохновленный тобою и мною».

1962

КИСТЕНЕВКА

Визгнул тормоз. Остановка.
— Что там?—
Кажется, разъезд.
В расписанье: Кистеневка.
В общем — место среди мест...

Впрочем — нет. Из Кистеневки
Кто-то что-то мне писал.
Был и снимок (две головки),
И похоже,— в гости звал...
Кистеневка. Думай, мысли,
Почеши в башке седой.
Вспомнил! Встретились на Висле —
Не разлить друзей водой.
Разлило.
Лицо не вспомнишь,
Как отшибло кистенем.
Промежуток не заполнишь
Год за годом, день за днем...

Два ларька, одна столовка.
В палисаднике сирень.
Кистеневка, Кистеневка.
Корень имени «кистень».
За окном бегут цистерны.
Пробежали. Степь гола.
Мерно вздрагивают стены.
Кистеневка уплыла.
Меж границей и границей
Запорошенный куток.
Меж страницей и страницей
Позаброшенный листок.

1962

* * *

К середине двадцатого века
Бог отстал от меня, Человека.

Наши помыслы необычайны —
Мы вторгаемся в тайные тайны.

Без скафандра в задворках вселенной
Черт отстал со своею геенной.

Что нам стоит со скоростью света
Просвистать до Новейшего Света?

Слушай всякий, имеющий уши!
Зрячий! Зорко гляди, не мигай!

Ты, кто бьет вдохновенно баклуши,—
Прочь баклуши и нам помогай!

Хочешь к нам? Мы разведчики века —
Мы возьмем и тебя, имярека.

Пусть немолод ты. Пусть неуклюж,
Но зачем обрекать Человека
На битье бесполезных баклуш?

Ты предвестник великих открытий.
Ты герой и виновник событий.

1962

* * *

Что, муза, не даешь покоя?
Уж я, на пенсию уйдя,
Простился мысленно с тобою.
Не гул ли летнего дождя,
Или прострел между лопаток,
Иль просто времени достаток,—
Что занесло тебя ко мне?

Взялась откуда-то извне.
Стоишь, посматриваешь кротко.
Твой малярийный жар угас.
Морщинки — вижу — возле глаз,
Морщины ниже подбородка.
Старушечья, увы, походка:
Ты не впорхнула — приплелась.
Остепенилась сумасбродка...

Южанки отцветают рано,
И что в крови играло пряно,
Засахарилось, отбродив.
Но, будучи иного пола,
Пусть я не юн и не красив,
Упрямо не сдаюсь в архив,
И на скрижали комсомола
Навечно занесен в актив,
А ты хоть и стара, но — миф,
С почтеннейшей Ягою схожий.
Откуда ты, мамаша, все же?!

Май 1962 г.

ГОРЕЛКИ

Был я рассеянным и длинноногим
Мечтателем двенадцати лет...
Теперь-то знаю, что, подобно многим,
Бросался я на звук и на цвет.
О реках знал — глубоки или мелки,
О сверстниках — сильны иль нет.
Очень любил играть в горелки —
Игры Ромео и Джульетт:
Гори, гори ясно,
Чтобы не погасло.
Глянь на небо...
Птички летят,
Колокольчики звенят...

Два года прошло,
И моя Россия
Закипела, как в кратере лава,—
Поднялась и провозгласила
Свое мировое право.
И я, сосунок, за отцом повторяя
Дерзкое требование большевика,
Навсегда захотел земного рая,
Еще и не зная,
Что жизнь коротка:
Гори, гори ясно,
Чтобы не погасло.
Глянь на небо...

Я бросил книги. Стрелял. И — в меня.
А с кадетами, эсерами и меньшевиками
Не в теории — на практике я —
Не цитатами — дрался кулаками.
Стихи и танцы (клянусь торжественно)
Считал предательством, слабостью
И то, что в женщине женственно,—
Приторной сладостью:
Птички летят,
Колокольчики звенят...

Надо было бандиту
Промазать по мне из обреза.
Четыре года я слышал грохот,
Пропитанный копотью броневого железа.
Был контужен
Итальянской фугаской
И чертей обнаружил
В жизни — не в сказке:
Какой-то подлец наводил пистолет
Прямо в голову, в сердце, в партийный билет,—
Надо было!
...Надтреснутым шепотом,
Оглушенный танковым топотом,
Повторяю неотступно,
Надсадно,
Страстно:
Гори, гори ясно,
Чтобы не погасло.

1963

МЕНЯ С УЧЕТА СНЯЛ ВОЕНКОМАТ

Меня с учета снял военкомат,
Поскольку старику зашло за шестьдесят.
А он обижен, явно несогласен:
Кто покушается на жизнь мою,
Разумно числит старика в строю, —
Служивый для него по-прежнему опасен,
Его строка настильна и точна:
Вглядитесь в руку,— не дрожит она...
Военкомат ошибся, вывод ясен.

1963

ОРГАН

Когда войне шел некий год,
Мой слух померк от канонад,
И почернел небесный свод,
На фронт низвергнув водопад.
Ветвился магниевый лес
В тяжелых хлябях. Долгий гром
Прильнул к земле, как влажный пресс,
Но кислородом, но добром
Дышала высшая из месс...

Солдаты глохли в блиндажах,
И не ко всем вернулся слух.
Грохочет и вздыхает Бах.
Распахивает почву плуг.
Струят органные стволы
То гром, то еле слышный вздох,
Чтоб я от глухоты и мглы
Очнуться и воскреснуть мог.

1963

* * *

Ни корану, ни тем более талмуду
Я не поклонялся и не буду,
А звезде Давида, а кресту
Пуговицу явно предпочту:
Невеличка с виду, а попробуй
Совладай без пуговицы с робой.
Молнии, бывает, подведут,—
Так ведь молнии, а не талмуд!

Хлопцы! Я иду своей дорогой,
Незамысловатой, но прямой.
Так держу,—
И за моей кормой
Закипает след, заметьте, мой,
И меня не запугаешь тьмой,—
Церковью, мечетью, синагогой.
Что со мной поделать,— я таков:

Супротивник веры и безверья,
Веток Палестины и штыков...

Извожу чернила, затупляю перья
Ради богохульственных стихов.

1963

РЕШИТЕЛЬНЫЙ

Отец мой в кургузом пальтишке, неловкий,
Шел, всех задевая длиннущей винтовкой.
Сжимая цевье непривычной рукой,
Шагал он в последний решительный бой.
Шел справа трамвайщик, страдавший одышкой,
Старуху берданку держал он под мышкой.
А слева хромал, желтоус от махорки,
Высокий, костистый красильщик с Трехгорки.

Воспеть бы Гомеру столь грозную дату,
Когда броневик грохотал по Арбату,
И где-то — в Серебряном, что ли, бору —
Шестидюймовки включились в игру,
И грянул шрапнелью семнадцатый год
По юнкерам у Никитских ворот.

На Зубовской площади рыли окопы,
И сыпались стекла из окон Европы.

1963

* * *

Продрогнув на ночном морозе,
Кричат спросонья воронята:
Один устроился в березе,
Забыл, что виден, вероятно.
Другой вписался черной кляксой
В телеантенну, точно в крест,
И адресует хриплый крик свой
Всем воронятам здешних мест.
Расплывчатое солнце виснет
Над шифером и вохрой крыш.

И лишь нарочно тормоз визгнет,
Чтобы опять вернулась тишь.
Я тоже что-то понимаю
В делах и замыслах весны —
Ее пути от марта к маю
Исповедимы и ясны.
И вот стою с большой лопатой
По грудь в окопе снеговом,
Простоволосый, конопатый,
И утираюсь рукавом.

1963

ПИСЬМО НА ЗАСТАВУ

Чекисту
Автандилу Сихарулидзе

Облака слились в завесу,
С юга дождь пришел к Москве.
Он туманит стекла окон,
Барабанит по листве,
То припустит ямбом, ямбом,
То меняет на хорей,
И столичный житель злится:
«Хоть бы кончилось скорей...»

Как в аквариум, ныряет
Пограничник в мокрый лес.
Влажно все — табак и спички.
Словно разом все затычки
Кто-то вынул из небес.
Вижу я тебя, дружище,
Сквозь туманное окно:
Как в аджарских джунглях рыщешь,
Где и днем порой темно;
Как твой Урс опасность ищет,
По-собачьи дождь кляня,—
Пусть вы оба за две тыщи
Километров от меня...

Дождь и дождь. Туман сереет.
А не все, мой друг, сыреет:
Что-то нас с тобою греет,—

У обоих порох сух,
У обоих чуток слух,
Различаем каждый шорох,
Шум дождя, ворчливый Чорох,
Тренье тучи об утес,
И как рядом дышит пес,
И — прислушайся получше —
Сверху, чуть ли не со звезд,
Песня...
Да! Засек волну я.
Так и есть, с «Востока-шесть».
О тебе,
в твою, брат, честь:
«Пусть он землю бережет родную...»

И вокруг земного шара
Мчится, сказочно быстра,
Словно искра,
искра жара,
Искра нашего костра.
В мировом пространстве мчится,
Говорит с «Востоком-пять»,
А внизу — в дождях — столица,
А внизу — в горах — граница,
Где твоя земная пядь.

1963

СТУДЕНТЫ

Наверно, все застыло бы на шарике земном,
Когда бы не чудило бы студенчество на нем.
А ну, переверните-ка вы каждый континент,
И чудака найдите-ка чуднее, чем студент.

Студент студента повстречал и рядом с ним пошел:
Никто из них не замечал, что дружбу изобрел.
А ну, переверните-ка вы каждый континент,
И друга отыщите-ка вернее, чем студент.

Сошлись философы на том, что мы — творцы идей,
Как Ломоносов и Ньютон, Эйнштейн и Фарадей.
А ну, переверните-ка вы каждый континент,
И мудреца найдите-ка хитрее, чем студент.

И вот мы пляшем и поем, танцуем и поем
И в одиночку, и вдвоем, втроем и вчетвером,
А впятером — тем более, а лучше вшестером.
И пыль столбом, и стук и гром в пространстве мировом.

Конечно, все застыло бы на шарике земном,
Когда бы не чудило бы студенчество на нем.

1964

* * *

Нет, какой же я великий?
Не пирожник, не сапожник.
Я — отступник всех религий,
Нераскаянный безбожник.
А вернее, доктор-кожник,
Избавляющий от зуда
Мир сегодняшний и здешний,—
Мир отсюда и досюда.
Я не верю в ад кромешный,
Как не верю в рай безгрешный.
То, что верующим чудо,—
Для меня раек потешный.

Вера в бога несуразна:
Каетесь и молитесь,
Вам дается безотказно,—
Дверь — открыта — ломитесь.
А вокруг одни соблазны,—
Никуда не скроетесь!

Никакой я не великий.
В чем мое отличие?
Я не тихий и не дикий,—
Нет во мне величия.
Почему же я великий?
Враг поста монашьего.
Мне дороже всех реликвий
Знак доверья вашего.

1964

ЧЕЛОВЕК В ЛЕСУ

Шел, поскрипывая снегом,
Человек, подобный мне:
Он, как я, долгонько не был
С тишиной наедине.

Дунул ветер. Снова дунул.
Он вовсю задул. И вот
Человек, как я, подумал:
«Реактивный самолет...»

Застучал, зачем-то влезший
На сосну, телеграфист.
Точно поезд, старый леший
Испустил истошный свист.

И носы кикимор местных
Наблюдая сквозь очки,
Путник думал: «Интересно!
Очень милые сучки».

Все, что слышал, все, что видел,—
Дятел пишет на коре;
Поглядел и сразу выбил
Строчку точек и тире.

Лично сам я долго не был
С тишиной наедине:
Я стучал бы рядом с небом
По высокой той сосне,
А внизу скрипел бы снегом
Человек, подобный мне.

1964

* * *

Ненарочно в зеркало взгляну.
Тяжко, словно кто меня обидел:
Желтое лицо и седину
Лучше бы не видел!

Йли вовсе нет иных зеркал?
Дайте мне волшебное, такое,
Чтобы взор по-прежнему сверкал,
Не молил: «Оставь меня в покое...»

Чтоб не леденела белизна
Немотой высокогорной,
Чтоб играла красная весна
С чернотою непокорной,

Не желтела б острая скула,
Чтобы все смуглело и круглилось...
Уберите к черту зеркала,—
Окажите милость.

1964

* * *

Стояла стужа. Нынче дует,
Еще и как! Сдурел Стрибог:
Его трезубец иль скребок
Рябит пруды, людей мордует,
А солнце, ядерный клубок,
То в почках лиственниц колдует,
То сунет луч скворцу в чертог
И птичьим горлом забунтует,
То в нашем градуснике ртуть
Успеет кверху протолкнуть.

А я, стеною и стеклом
От непогоды огражденный,
Простудою заторможенный,
В шестое чувство погруженный,
Изнеможенный, вновь рожденный,
Гляжу, вконец обвороженный,
На мир, обрамленный окном.
Гляжу и вижу: в мире том
Как холод борется с теплом
И отступает, пораженный,
Устало продолжая дуть,
Соображая: «В чем же суть?»

1965

НОВАЯ ТРАВА

Из земли,— хоть в стужу, да наружу,—
Так и лезет новая трава.
Вот и я молчание нарушу:
Может быть, не вымерзнут слова.

Слово за слово, посеешь строчку,
И не как-нибудь, не вкривь, не вкось,—
Радуешься первому росточку,
Может, и не вымерзнет. Авось...

Примутся. Потом укоренятся,
Побегут меж ними муравьи,
И разведчицы крылатой нации
Понесут корзиночки свои.

С Танганьики до реки Таруски
Журавли потянут в вышине,
В рифму, по-зулусски иль по-русски,
Иль еще как,— подкурлыкнут мне.

1967

* * *

Кто проснулся раньше,—
Утро или ты?
Все впадинки вчерашние
Светом налиты.

Спросонья птица звякнула,—
Слыхать, невелика.
Электричка вякнула
Из тьмы, издалека.

Ручьенок всхлипнул робко,
Слабей, чем всплеск весла,—
Это, выбив пробку,
Полилась весна.

И вот уж солнце дразнит,
Прикрыто пеленой.
Потягаться разве
С медлительной весной?

1967

НА ЧАС ВПЕРЕД

Не требованье долга,
Но твой магнитный ток,
Властительница-Волга,
Меня к тебе привлек.

Раскинулась роскошно
Река моей мечты,—
Возможно ль, невозможно
С тобою быть на «ты»?

Иду я и не верю,
Волнуясь и любя,
Тому, что город-берег
Пустил меня в себя.

Чтоб вместе с Волгоградом
В едином ритме жить,
Конечно, это надо
Делами заслужить.

Пока не нахожу я
Ни слов, ни точных фраз,
Часы перевожу я
Вперед на целый час.

Волгоград, 6.IX. 1967

ПОЧТИ ЭПИТАФИЯ

Участки воздуха времени,
Которым я дышу,
Засекаю стихотворениями,
Которые я пишу.

Фоногеничное и комическое
Останутся ненадолго.
Итоговое количество — увы —
Не покроет долга.
Со свету вашего светлого
Уйду на тот должником.
Может, и скажет: «Нет его»,—
Кто-то из тех, кто знаком.
Может, не скажут и этого.
Что же, спасибо на том.
Местоимение заменяя,
В «него» превратят меня.

Январь 1968 г.

22 ИЮНЯ 1968 ГОДА

(27 ЛЕТ С НАЧАЛА ВОЙНЫ
ПРОТИВ ГИТЛЕРИЗМА)

Выше птичьего полета
Мой шестой этаж,
Виден мне район Болота,—
Дом убийств и краж.

Чуть левее — галерея,
Где сокровищ ряд,
А над ней, кружа и рея,
Голуби парят.

После двух коротких взмахов
Круто вниз скользят...
Мой этаж — курган Малахов,
Смертным боем взят.

Стал я белым обелиском.
Что мне этот свет?
Ни о дальнем, ни о близком
В камне мыслей нет.

Пирамида смотрит немо,—
Тих шестой этаж,
И вверху пустое небо.
Ясно,— высота ж...

1968

* * *

Все, все не так, как у людей,
У сосен, лиственниц и елей,—
Никто из них не лицедей:
Нет Гамлетов и нет Офелий.

Им хорошо стоять и цвесть,
Слегка ветвями помавая,
Все в мире принимать как есть,
Своей красы не сознавая.

Они разумны и добры,
Дружны и неподобострастны,
И не скупятся на дары,
И в том по-разному прекрасны.

1968

НЕУЖЕЛИ НОВЫЙ ПУТЬ?

Я плутал в ночах — не заблудился.
Я встречал зарю — не простудился.

Вроде — уж немало побродяжил.
Множество осилил расстояний.
Долго прожил, ничего не нажил,
Промотал немало состояний.

Любопытно — что все это значит.
Неужели новый путь мной начат?

Март 1968 г. 1 час ночи

ПОЗДРАВЛЕНИЕ

На далеком нашенском Востоке,
Близ Уссури, вдоль ее струи,
Да опустятся, как цапли, эти строки:
«С праздником, товарищи мои!»
Пограничники, портовые рабочие,
И Дальрыбы экипажи моряков,—

Все вы мне родные, а не прочие,
Все вы близко, а не далеко.

Обнимаю весь Алтай, леса тюменские,
Вышки Самотлора в трудовом строю.
Помню ваши руки. Все, мужские, женские,
Детские и взрослые, сжимавшие мою!

Ворошиловградщина, Донеччина,
Нас связали жаркие бои.
Я вам предан неразрывно, бесконечно:
«С праздником, товарищи мои!»

С праздником, Архангельск и Одесса,
Минск и многоверстный Волгоград,
Цех Тольятти, где у кузовного пресса
Я стоял, ошеломленно-рад!

Всех объединяет расстояние —
Моря всенародного ручьи.
Дружба — это наше достояние:
«С праздником, товарищи мои!»

1970

* * *

Сон не шел, и окна не синели:
В темноте не видно ни аза.
Наконец насильно, еле-еле
Я сомкнул усталые глаза.

Я заснул. И вот я снова мальчик.
Я мечтаю вырасти большим,
Понимающим из понимающих
Хитрый нрав таинственных машин.

Я, веленьем сна, конечно, вырос
Именно таким, каким хотел.
Наяву другое получилось:
Вырос я, и на меня свалилось
Слишком много самых срочных дел.

1970

* * *

Весь мир был пасмурен и светел,
Как будто наступил апрель.
Дохнул коварный южный ветер,
И потекла с ветвей капель.
На красноватых прутьях ивы,
Забыв о снежном серебре,
Теплолюбивы и наивны,
Раскрылись почки в декабре.
Самонадеянные дети,
Зачем спешите и куда,—
Минуют оттепели эти,
И возвратятся холода.
Полунагих, без оболочки,
Вас обожжет морозный дух,—
Застынут нежные комочки,
Навек оцепенеют почки,
Роняя мертвый вербный пух...

1970

* * *

Замолк. Молчал. И домолчался:
Всем невтерпеж. Мне невтерпеж.
Рукой махнули домочадцы:
«В нем ни черта не разберешь!..»
Им невдомек, что я лечился
От черной накипи внутри.
Я отболел, отшелушился:
Всех здоровей,— держу пари!
Освободились мышцы тела
От судорог и столбняка,
Душа опять взялась за дело —
За кочергу истопника.

1970

СНЕСЛО

С непонятной тайной грустью
Я ловлю себя на том,
Что снесло теченьем к устью
Мой челнок.
Таким путем
По рецепту Ренуара
И выходят в мастера.
Только я ему не пара,
И теперь не та пора.

А всего-то надо было
Переправиться.
И что ж,
Значит, силы не хватило,
Глазомер не так хорош...

Эк несет! За поворотом
Открывается лиман.
А вдали синеет...
Что там?
Неужели о-ке-ан?

То ли ночью, то ли утром
Подойду к Большой Воде
На суденышке на утлом
И опомнюсь
черт-те где...

1970

* * *

На исходе декабря
Зимний день недолог.
Ребятишки ждут не зря
Новогодних елок.

Пусть в тепле среди людей
Елочка оттает,
Не беда, коли на ней
Свечек не хватает.

От негладкого ствола,
От колючих лапок
Будто елка разлила
Детства милый запах.

1970

МЫСЛИТЕЛЬ

О, разглядывающий
То, что видишь,
Разглядел ли ты
Что-нибудь?
Вышел в люди
И дальше выйдешь,
Чтоб еще и еще
Шагнуть.
Окольцованная орбитами,
Эллиптически
Тьму сверля,
Вместе с Фаустами
И Маргаритами,
Вместе с нами,
Пока не убитыми,
Вкруг себя
Вертится Земля.
Между тем на посту сверхвысоком
Некто, видя наш медленный бег,
Измеряет внимательным оком —
Далеко ли шагнул Человек.

1970

ПО ЕНИСЕЮ

Полночь белая, как полдень,
Светится поверх воды.
Незакатный шарик солнца
С нами катится на Север
Вдоль береговой гряды.
Горы кажутся холмами,
Потому что — далеко.

Тут не просто все большое,
А вели́ко, велико́!

В городской шумихе-давке
Думал я, что одинок,—
Как букашка на булавке,
С места сдвинуться не мог.
Но магнитный зов Сибири
Притянул меня сюда,
Где все выше, глубже, шире —
Небо, время и вода.
Не тоскую, не жалею,—
Я благодарю судьбу:
Вот плыву по Енисею
В Енисейскую губу.
Я плыву по Енисею,
Пробиваюсь сквозь тайгу.
Я живу по Енисею:
Не виляю и не лгу.
Значит, кое-что умею,
Может, что-нибудь смогу.

1971

СНИМОК

Другу,
фронтовому репортеру —
Анатолию Егорову

Как будто дымится громада рейхстага:
Подходит Победы торжественный час,
И в кадре — полотнище нашего стяга.
Фотограф, спасибо: уважил ты нас.

Но снимок другой у меня сохранился,—
Сюжет на любителя, на знатока:
Потрепанный «газик» в кювет завалился.
И два седока. И такая тоска.
И эта война в неприкрашенном виде.
Дорога. Снега. Ни кола ни двора.
И хочешь не хочешь, а надо, а выйди,

А где-то, за кадром, визжат «мессера»...
Кто, третий, снимал их? И кто эти двое?

Откуда куда их несло-занесло?..
Смотрю из сегодня, гляжу на былое,
И так мне легко,
И так тяжело.

1971

ДВАДЦАТЬ ВОСЕМЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Светает раньше. Вечереет позже.
Снег почернел. С крыш капает весна.
Воюет Первый Украинский в Польше:
Теперь на нас работает война.

А местность — в терриконах, как Донбасс,
И города друг в друга переходят.
Все как у нас! И все не как у нас:
Вот воробьи — на наших не походят.

Похмурый Краков с Вавелем-кремлем
И с Ягеллонским университетом
Вокруг меня, а я, не чуждый в нем,
Майорским опоясанный ремнем,
При пистолете, с сумкой и планшетом,
Я, приглашенный в бесстекольный дом,
Сижу между жолнежей. А на сцене
То скрипка, то рояль вздыхают о Шопене,
И краковяк плывет под мутным потолком.

А мы, чтоб лучше слышать, скинули ушанки,
Опьянены мелодией двойной...
Все окна в зале выбиты войной,
И Вислу переходят наши танки.

1971

* * *

Стекло дрожит от мощной переклички:
Горланят, на ночь глядя, электрички.
Все глуше и далече дальний стук.
Я сам — один. Приятней нет разлук.

С какой-то сладостной натугой
Ползет с пера на лист неспешная строфа:
Как будто бы мотив рождается упругий
И не кончается на верхнем фа.

Его опять гудок перебивает
И глохнет, чтоб дорогу уступить,
А то, что боль из сердца убывает,—
Ни за какие деньги не купить.

1971

* * *

А ты сменил бы чарку
На пару лыж,
Чтобы скользнуть по парку,
Уткнуться в тишь.

Вне телефонной трели,
Вне суеты
Ты видишь высшей цели
Штрихи, черты.

Она еще в наброске,
Еще вчерне,
Как ели и березки
В твоем окне.

Все так свежо и плотно —
Что верх, что низ.
Сквозь снежные полотна
Пройди, прорвись.

Да как не стать поэтом,
Когда всю ширь
Оранжевым жилетом
Затмил снегирь?

1972

АЛТАЙСКИЕ ЗЕРНА

Волшебные хлебные зерна Алтая
Я в красном мешочке привез —
Их девушка мне поднесла молодая:
— Пусть гость вспоминает колхоз...

И вот я шнурок развязал осторожно,
И зернышко надкусил,
И то ощутил, что лишь в сказке возможно,—
Избыток живительных сил.

И зренье мое, близорукое сроду,
И слух, притупленный в стенах городских,
Окрепли: и видят и слышат природу,
А сердце читает ее, будто стих,

Где всякое слово светло и красиво
И не позабудется никогда...
За красный мешочек спасибо, спасибо
Вам, люди святого труда!

А зерна волшебной пшеницы Алтая —
Что толку без дела хранить?
Спит в каждом, наверно, строка золотая,—
Суметь бы ее прорастить!

Я красный шнурок развяжу осторожно,
Я зернышко надкушу,
И вдруг невозможное станет возможно:
Я все, что хочу, совершу.

1972

* * *

За окнами серым-серо,
И ночь не коротка.
На притуплённое перо
Не просится строка.

И зло берет, и скучно мне,
А скука клонит в сон.
И вдруг я снова на войне,—
На фронт перенесен.

При мне солдатское добро,—
Мешок и автомат.
Зато остро мое перо,
И я чему-то рад.

Опять не верю, что умру.
Я знаю, что живу,
Что быть рассвету и утру́,
Взаправду, наяву...

Сентябрь 1972 г.

ПОРА ОСЕННЯЯ

1

На дворе пора осенняя —
Вся Москва готовится к зиме.
Без истерики, без потрясения
Вся листва слетается к земле.
Свежее, чуть горькое, чуть грустное
Вольно разливается в груди,—
Детское, простое, безыскусное,
Словно все светлеет впереди
И зовет:
Гляди! Дыши! Иди!

2

С отечеством живу в едином ритме:
Нас разомкнуть — и вовсе нет меня.
Вот льется дождь и внятно говорит мне:
«Иди со мной, ведь я тебе родня.
И ты и я — состав одной природы,—
Ты ею чувствуешь и мыслишь с нею в лад,
Перемогаешь все ее невзгоды.
Она щедра, и, значит, ты богат.
Ступи под мокрый занавес погоды,—
Тебе ковры раскинул листопад».

3

Жаль тех, с кем дождь не говорит,
Кому не светят свечки листопада,
Чей выход в мир ненастьями закрыт,—
Им никого, кроме себя, не надо.
Чью кровь смирил-заговорил застой,
Движенье мысли запер самомненьем.
Как жаль больных: смертелен их покой,
Не нарушаемый смятеньем.
А осень в зиму перейдет —
Снег празднично и смело засверкает.
Мне по душе мороз, сугробы, лед —
Все, что к движению толкает.

Больных мне жаль: их добровольный плен
Живительных не примет перемен...

1974

* * *

За Третьяковской галереей
Сегодня я слыхал скворца —
Он самкам волновал сердца,
Качаясь, как матрос на рее,
На ветке тополя.
                    И мне
Так стало вольно, так беспечно —
Пускай на миг, пусть не навечно,
Поскольку май идет к концу...
Через неделю будет лето.

Поэт всегда поймет поэта —
Я помахал рукой скворцу.

1974

СНЕГ

Снег летает,
Струится поземкой зигзагообразной,
Заметает,
Переметает,

Фиолетовый, розовый, разный,
Полный морозного шороха,
Грозный и грязный от пороха...
Снег военный.
Графленный осколками минными,
Клейменный бурыми и карминными
Лужицами,
Снег, овеянный ужасами.
Снег военный,
Незабвенный,
Кровавый и кровный,
Подмосковный,
Курский и тульский,
Невский и нарвский,
Яркий и тусклый...
Снег витает,
Прядает,
Ниспадает и падает.
Снег глаза мои радует.
Снег за сердце хватает.
Снег спокойно лежит
И, когда надлежит,—
Просто тает.

1974

НА ТРОЙКЕ

За правдолюбом январем
С его морозной прямотой
И лаконичным словарем,
Подкрашенный и завитой,
Подкрадывается февраль,
Известный ловелас и враль.
Придет на двадцать восемь дней —
А в январе тридцать один!—
То он лакей, то господин:
То позовет на лыжах бечь,
А то блины прикажет печь...

Двадцатый век пошел к концу
Машинным маршем робота:
Ракетный взрыв ему к лицу
Без колеса и провода,

Без коренных, без пристяжных,
Без окосевших, без блажных
Бородачей, выдумщиков —
Декоративных ямщиков...

А мне бы мчаться в феврале
На тройке, а не в «шевроле»!

1974

МЕНЯ НЕТ ДОМА

Я не спешу, не тороплюсь —
Я просто еду.
Передвижение мой плюс:
Трублю победу.
Бьет над парадом майских рощ
Литавры грома.
Темнеет день. Да хлынет дождь!
Меня нет дома.
А поезд мчится на восток —
К моей Сибири.
Как пахнул дым, шипел свисток,
Уж мы забыли.
И как восход зарей моргал
Сквозь занавески...
Все ближе мой исток — Курган —
В весеннем блеске.

И дружбе и вражде — прости,
Прощай — соседству.
Меня нет дома — я в пути
Навстречу детству.

1975

НАВСТРЕЧУ ДЕТСТВУ

Возвращение. Обратно,
В мой Курган, я взял билет,—
Ко всему, что так приятно
В странном мире детских лет;
В поле чувств, не погребенных
Трезвым плугом бытия.

Иль к тому, чем жил ребенок,
Равнодушен нынче я?
Неужели я не воин,
А ничтожных нужд пастух?
Как бывало перед боем,
Воспари мой гордый дух!
Выходи из окруженья.
Выходи на вольный свет.
Вдохновенье и движенье —
Только тем и жив поэт.
Достаю двухверстку-карту,—
Что положено, при нас,—
Ворон памяти не каркай.
Отдаю себе приказ:
«Где ползком, где перебежкой,—
Там прилег, а тут и в рост,
Но не медли. Но не мешкай.
Брод ищи, коль взорван мост...»

Из котла потерь и бедствий,
Чистый мыслью и душой,—
Марш вперед,
навстречу детству!
Пусть ты взрослый, пусть большой.

1975

МАЙСКИЙ ЦВЕТ

Черемуха, черемушка — медовая волна.
Уральская сторонушка, родная сторона.

Цветет на улицах ранет, веселый майский
цвет:
Увидеть мой Курган в цвету мечтал я
много лет.

И вот Курган вокруг цветет, я горд, что
в нем рожден.
И, словно благовест, плывет над ним
пчелиный звон...

1975

В НАЧАЛЕ ВЕКА

Мое в природе появленье —
Почти такое, как у всех.
Пишу о том стихотворенье,
Как будто искупаю грех.

В семье отнюдь не генеральской
Я родился-произошел
В Кургане, за грядой уральской,
На берегу реки Тобол.

Как очень многие дитяти,
Я родился совсем некстати:
Отцу и матери моей
Не надо бы иметь детей.

Самодержавный строй России
Загнал в Сибирь отца и мать —
Их, надо думать, не спросили,
Где б им хотелось проживать.

Не страшно, а скорее, странно,
Что помню столь далекий миг.
Знакомый, хоть и первозданный,
Тобольский берег, пыльный вихрь.

Я видел чуть не под ногами
Громадный белый пароход,
Братишку на руках у мамы
И мамин крепко сжатый рот.

И стан ее девичье-тонкий,
И пароходную трубу,
И платья ткань в моей ручонке,
И собственную худобу,
И у трубы у пароходной
Усы и борода отца,
И ветер жаркий, и холодный,
И рядом с папой — без лица,
С большим ружьем солдат безмолвный,
Как будто вовсе неживой,
А все вокруг живет: и волны,
И пыль летит над головой.

Вдруг пар стрельнул, и эхо взвыло
И покатилось по реке,
И я забыл, что дальше было,
Лишь платье мамино застыло
В сиротской худенькой руке...

1975

УЛИЦЫ МОЕЙ СТОЛИЦЫ

Улицы моей столицы,
Я ваш давний пешеход.
Мы глядим друг другу в лица
Далеко не первый год.

Вы как будто удивились:
«Разве это ты, Илья?..»
Изменились, изменились
Изменились вы и я.

Да, само собой, конечно,
Перемены налицо:
Очень скучно — если вечно
Все одно и то ж лицо.

На дощечке на эмали
Имя улицы видно,
А едва ли, а едва ли
Знают люди, чье оно.

Лично мне оно дороже,
Чем кому-либо из вас...
Дождь пошел. Стоит прохожий
И с угла не сводит глаз...

1975

* * *

Сейчас на западе — вчера.
На улицах безлюдно.
Воображения игра,
И к ней привыкнуть трудно.

Москва и вдруг — Владивосток,
И, очевидец дива,
Я вижу парус-лепесток
На синеве залива...

Еще ты спишь. Еще Москва
Пустынна, безмашинна.
Здесь полный полдень — даль морская
Блестит крылами джинна.
Не верю, сам себя щиплю
И слышу крики чаек.
Где б ни был, я тебя люблю
И по тебе скучаю.

1975

* * *

Люблю тебя! Не преграждай мне путь
Колючей проволокой — перелезу.
Штыку и выстрелу моя открыта грудь —
Придется отступить железу.
Я преисполнен силы колдовской.
Я весь под током — нет сильней заряда.
Утрою страсть — не выдержит преграда
Между тобою и моей тоской,
Перед немым тараном взгляда.
Всю кровь, всю жизнь за счастье отдаю,
И пусть мы оба станем горстью праха.
Что может плазменную сбить струю?
Она прожгла границы страха...

1975

СЕРЕНАДА

В ночном мерцанье цвета вишенного
Мне чудится скопленье звезд.
Но что земному до возвышенного?
Я — тут. Я заступил на пост.
В домах спят женщины и дети.
В саду струится лунный дождь.

Приходят мысли о планете,
Когда впервые на рассвете
Пробился самый первый хвощ.
И, словно в первый день творенья,
Стихотворенье-часовой
Хранит от гибели растенья
И заслоняет их собой...

Вкруг часового тьма таинственная,
И люди спят средь темноты,
А рядом дышишь ты, единственная,
И молча тень моя воинственная
Стоит на страже красоты.

1975

* * *

Четыре года как-никак
Война была его соседом:
Они считались в двойниках,
А смерть, как тень, тащилась следом.
Когда ж настал победный день,
В его ушах еще гудело,
В глазах не пропадала тень
И отдохнуть боялось тело.
Но вот — покончили с пальбой —
Остыли пушечные дула,
И не осколок над собой
Он слышит — птица щебетнула.
Он принял это как сигнал,
И, словно луч, из тучи вышел,
И дым войны с земли согнал,
Чтоб каждый видел, каждый слышал.
Так возвратил он миру цвет
И гул разъединил на звуки...

А вы-то знаете ли, внуки,
Что завещал вам щедрый дед?

1975

МИРНЫЙ МИР

Мир войны совсем не прост —
Мир солдат и командиров...
Железнодорожный мост
Был в числе ориентиров.
Но ведь с яблонь цвет летел,
Скипидаром пахли сосны.
Жег июль. Октябрь желтел.
Были зимы. Грели весны.
И отдельные высотки,
И часовня, и погост,
И базар грачиных гнезд
Не укладывались в сводки,
Где природа — лишь деталь
Уточненной обстановки.
Но какая, к черту, даль
Без березки, без коровки?
У природы смысл иной:
Штык штыком, мундир мундиром.
Пусть война: война войной,
Но и мир остался миром.

1975

ТО ПЕРОМ, ТО ОГНЕМ...

Больше белых, чем черных, волос у меня,
Я, пожалуй, с полвека отцом называюсь
И все время тружусь, то и дело сражаюсь:
Мне с избытком хватает воды и огня.
Не поверю, что счастье — родиться в сорочке,
А покой, это — с ложечки кормят тебя.
То пером, то огнем я пишу свои строчки,
Находя и теряя, губя и любя.

1975

* * *

Нам нравятся странные странности:
Весь мир не по-нашему сшит.
Природа в ее первозданности
Без умысла злого страшит.

Пугает своими пространствами,—
Мы скоростью боремся с ней,
А пешие дальние странствия,
По-нашему,— не для людей.
И все, что болотисто-илисто,
Повсюду пора иссушить,
И выпрямить все, что извилисто:
Прямое не так уж страшит;
Лесам с комарами и чарами
Асфальт городов предпочесть,—
Леса отвечают пожарами,
Рычит беспощадная месть.
Наверно, природе не нравится,
Что мы — ее малая часть,
Пытаемся с матерью справиться,
Что спорим за право, за власть.
Дурные! Она ведь заботится
О нас, о слепой детворе:
И морем о берег колотится,
И песней звенит в комаре...

1975

ЖАЖДА СОЛНЦА

Жизнь моя — дорога. Жизнь — моя дорога.
На востоке — Берег Золотого Рога,
Тундра Самотлора с севера нависла,
Запад — это Тисса; чуть правее — Висла.
Юг отгородился крутизной кавказской...
Страны света — каждая со своей окраской.
Со своим набором рек, лесов и тварей,
Со своим началом в глубине времен...
С детства очарованный картой полушарий,
Я пока освоил крохотный район.
Кто же мне в попутчики дал дожди и вьюгу?
Или бог поэзии осудил меня?
Повернул затылком к пламенному югу,
И несусь я к северу, все и всех кляня.
Капли сострадапья нет у злого бога,
Хоть кричу, как маленький: «Я не буду, бог...»
Только вновь на север мчит меня дорога.
А быть может, просто нет других дорог.

И дрожу я синей стрелочкой магнитной,
И всегда на север сносит острие,
И звенит обидой, жалобной молитвой
Жаждой солнца полное желание мое.

1975

СУДАК

Здесь надо вставать на восходе,
А лучше бы за два часа,—
Все влажно в рассветной природе:
Сейчас выпадает роса.
И то, что считалось вчерашним,
Уж завтрашним надо читать,—
Разрушенным стенам и башням
Придется родиться опять.
Сиять белизной штукатурки,
Грозить остриями зубцов,
Как будто бы сызнова турки
Пойдут на заморских купцов...
Но спят генуэзские гости
В песчанике таврской земли —
Давно уж истлевшие кости
В состав этой почвы вошли.
Ползет карагач крючковатый
По плитам турецких могил.
Окутанный тучей, как ватой,
Судак над пучиной застыл...
От бриза жужжит черепица.
Плеснула о камень волна.
Спросонья чирикнула птица,
И снова умолкла она...

1975

ПРИЗНАНИЕ

Я записываю вещи то смешные, то печальные,
Подбираю к строчкам рифмы то глухие,
то кинжальные,
Начинаю строчку слева и веду правей,
правей,—
Очищается от гнева глубина моих кровей.

У меня их — две реки: темная венозная,
Непрозрачная, густая, дьявольски серьезная,
И другая, между прочим, более нормальная,
Ничего особенного — кровь артериальная.
Эти реки состоят из триллиона шариков,
Разноцветных, теплых, ярких маленьких
фонариков.

Я включаю их в игру,
Полную романтики.
Подключаю их к перу,
Открываю крантики.

Лень и робость — тут как тут:
Течь свободно не дадут...

1975

АХ ЕСЛИ Б...

Народ лень матушкой зовет,—
У ней полно детей:
«Лентяй харчи без соли жрет»,
«Лежачего не бей...»

Мне говорят — не первый я,
А лень, мол, древний грех.
Все так. Но ежели Илья
Ленивей прочих всех?

Такого лодыря, как я,
Ленивей в мире нет:
Не заработал ни копья,
А требую обед.

И завтрак утром нам подай,—
Здоровье бережем.
Работать ложкой — не лентяй,
И вилкой. И ножом.

Кто спать ложится, не поев,—
Дурные видит сны.
Насчет еды я сущий лев,—
Спросите у жены.

Увы, работа мне вредна,
Полезен отдых мне.
А жизнь — она у нас одна.
Вот если б было две!

Как я трудился б во второй!
Да нет ее — беда!
И вот зазря пропал герой.
Пропал герой труда...

1975

ЛИКБЕЗ

Сейчас у нас стихи в почете,
Не важно — с рифмой или без.

Стихи читают дяди-тети,
Напоминая мне ликбез:

Ту поразительную пору,
Когда, наперекор судьбе,
В любой подвал, в любую нору
Врывались сразу «А» и «Б».

И деды, шевеля усами,
Букварь читали нараспев
И по линеечкам писали,
Рукою руку подперев.

Тогда учили взрослых дети,
И в этом был великий смысл,
Как математик на рассвете
Открыл бы суть искомых числ...

1975

МЕСТОРОЖДЕНЬЕ

В Алатау, меж другими, есть ущелье...
Суть не в этом — там полно таких теснин,—
И не родниками, не тяньшанской елью
Славится ущелье Чон-Кемин.

Что там, в Чон-Кемине, кроме скал, поросших
Елью? Что еще там, кроме родников?
Множество поэтов, разных и хороших,
Перепроизводят горы чудаков.
Может, это климат стороны киргизской,
Той, что называется вкратце Чон-Кемин,
Не высокогорной и не слишком низкой —
Но на всей планете Чон-Кемин один!

Зависть — это плохо. Зависть — это стыдно.
Я и не завистник, боже упаси.
А месторождений мало, очевидно,—
Просто не хватает на большой Руси.
И певцы кочуют, сущие цыгане,
И одно лишь место признают — Москву,
Даже я, рожденный в городе Кургане,
А в Москве прописан, а в Москве живу...
Может быть, генетики что-нибудь предпримут,
Продираясь в дебрях следствий и причин.
А пока поэты — там, где микроклимат,
Тот, что называется вкратце Чон-Кемин.

1975

ПРИЧАЛ

*

Надо видеть, во-первых, в натуре
Настоящее море. Не то,
Что форсит в нарисованной шкуре,
Сущий франт в заграничном пальто.
Позабудьте цветную открытку,
Где лоснится лазурь сквозь глазурь,
А палит без прицела, навскидку,
Море в небо зенитками бурь.

Вспоминаю, как голый и босый
Уходил по песку за причал,
А рыбачий баркас остроносый
За спиною мотором трещал,
А мартына метровые крылья
Вдруг роняли перо на песок...
Повезло мне: случайно открыл я
Первозданного мира кусок.

Я поладил со здешним народом,
К необычному быту привык,
Полюбился мне странный язык —
Говор, пахнущий рыбой и йодом.
Солнце. Тянет смолой от бортов.
Сами варим уху без хозяек.
Сколько тут же придуманных баек
Я слыхал из обветренных ртов.

А один — тот, что юшку мешал,—
Самый старый рассказчик причала,
Говорил, и ему не мешал
Ни прибой, ни что чайка кричала.
Рыбаки усмехались: «Брехня!
Жить и рыбку ловить интересней».
А старик — не для них, для меня —
Излагал свои саги и песни.
Я же чаечьим длинным пером
Эти вирши записывал в хате.
Чуть пригладил... Но нет, топором
Их не вырубить —
так и читайте...

ЗА ПАРУС

Увы! Он счастия не ищет...

Лермонтов

Ишла шаланда с рыбаками —
Мускатий вел ее вперед.
Имея парус под руками,
Но недостачу из сетями:
Завпроизводством не дает...

Ворчали тихо рулевые:
«Нема обратно обкидных...»
«Колы б мы малы обкидные...»
«Не можно вже без обкидных...»

И вдруг плеснуло слева, справа.
Забеспокоился мартын,
Но Арфано заметил здраво:
«Була б в шаланде тая справа,—
Без обкидных же — сущий блин.
Завпроизводством щучий сын!»

И все взялись ругать ошибку
Руководящего звена,
А той мартын хватае рыбку,
Бо птыцям ндравится вона...

Ишла шаланда с рыбаками —
Мускатий вел ее назад.
Имея парус под руками,
Но недостачу из сетями:
Завпроизводством виноват...

Трепал их шторм девятибалльный,
Кружил туман, кусал комар,
И черный кливер погребальный
Пришлось рубать в один удар.

Утихли ветры низовые.
Играет солнышком прибой:
«Ось колы б дать нам обкидные,—
Улов бы мы имели той...»
От так ворчали рулевые,
Засыпав юшку скумбрией.

А по песках бродили жинки
И скрозь с кошелками в руках,—
Бо есть у всех в хозяйстве свинки,
Все при курях, все при детях...

ЛИРИКА

Оце, дывысь, яка картина:
Мартын летае над волной.
Дывысь, дивчино, на мартына,
Бо я, як вин,— всегда такой.
То перекинусь до причала,
То аж в рыбацкий магазин:
Прийму сто грамм, и все сначала...
Та почему я не мартын?

За що Петром мене прозвалы?
За що не далы два крила?
Я пил бы водку на причале
И пид гармошку тра-ла-ла.

Была б житуха, як малина,—
Фирину клюй, роняй перо...
Так нет! Не быть з мене мартына:
Нема решенья профбюро.

*

Нехай простит мне друг-читатель
Дефекты в смысле падежей,
Поскольку в разговорной речи
Мы говорим еще хужей.

Притом учтя происхожденье,—
Довольно грубая родня,—
То поимейте снисхожденье,
Бо вы культурней за меня.

Чи мабудь критик вы столичный,
Чи мабудь вы литероед,
Живя под знаком препипанья
Из самых юных детских лет.

И областной орган читая
Не реже мабудь через день,
Вы изучили факты жизни,
А я был в этом круглый пень.

ВДОХНОВЕНЬЕ

У периуд мокрой атмосхверы,
Заплывая гразью до ушей,
Не суваешь носу из квартеры,
Бо на двори, бачьте, ще хужей.
И такое маешь вдохновенье
Через той осадок мокроты,
Что, просю звинять за выраженье,—
Исты юшку забуваешь ты.
И обратно тычешь самописку
В полпустой чернильный пузирек,
Та обратно, як галушки в миску,
Насыпаешь добре гарных строк.
А наружный дощик хлеще шибки,
А на двори некультурный граз...
Хорошо б тепер покушать рыбки
Та придумать много разных фраз!

1975

* * *

Итак, я должен раздвоиться
На командира и бойца,—
Так пусть солдат не убоится
Держать присягу до конца.
Ведь он живой, не сочиненный,
Не просто половинка «я»,
Не только рабски подчиненный,—
Но кровь твоя и плоть твоя.

А командир — он умный воин,
Искусный тактик и стратег.
Расчетлив, холоден, спокоен,
Их не было — их стало двое,
Но разве счастье боевое
В количестве и в быстроте?

Найдем решение иное
И отдадим приказ на бой,
И хмелем битвы насладимся,
А победив, соединимся,
Чтоб снова стать одним собой...

1975

* * *

На горизонте — горные отроги,
Небесной тверди гордые пороги:
Как далеко, как близко нам до них.
Дотронуться. Уходят недотроги.
Дойти до них. А нет прямой дороги
К тем рукописям в знаках водяных.
Прочесть бы издали, а мы, увы, не боги.
И, вопреки всему, несут нас ноги
Туда, где мы, подобно дерзким многим,
Застынем вязью на страницах ледяных...

1975

МАСТЕРСТВО

Тигриный храп турбин немилосерден.
Он мнет, он давит. Ясно лишь одно:
Род пешеходов слаб и смертен.
Все онемело, все оглохнет... Но
Без веса, меньше ниточной катушки,
Как одуванчик: дунь и нет пичужки,—
Доподлинно — ни пуха, ни пера.
Но настает волшебная пора —
Идет неравноправная игра,
Где мастерство бросает вызов грому
И ломит эту силу, как солому!

1976

КОЛЫВАНЬ

Сегодняшний мир чудесами не редок...
Жил дедушка, мой незадачливый предок,
Весь век в конуре на господском дворе —
Служил у эмира еще при царе.

Что деду открылось в песках Бухары?
Лишь то, что не скрыто покровом чадры:
Возможно, что видел дворцы и ковры...
Мир прежний и нынешний — антимиры.

А я-то стоял на Змеиной горе,
Поспелиху видел, бывал в Колывани,
Потом воротился в Москву в сентябре,
Когда убедился, что нет глухомани,
Ни баб неуклюжих, ни их мужиков,
Немытых, по грудь бородищей заросших.
Я встретил сегодняшних сибиряков —
Не злых, не чужих, а своих и хороших.

Предгорья Алтая. Про эти края
Грешно говорить проходными словами
В известной газетной манере. А я
По собственной воле бывал в Колывани.
О лектор, чья речь холодна и суха!
О самый дотошный докладчик районный!

О мастер попавшего в точку стиха!
Чем плох вам наш говор, живой, окрыленный?

Он мне понутру. Но от сердца к перу
Так долго, так трудно карабкаться слову,
Что, кажется, груз не по силам беру,
Не лучше ль уйти подобру-поздорову,
И бог с ней, с вершиной. Какой я герой!
Еще и оступишься.
                    Бред.
                              Наважденье.
Так было и там, со Змеиной горой:
Не в этой ли трудности суть восхожденья?

1976

ПАМЯТИ ДРУЗЕЙ

Летчик Хоткин, басмачами сбитый
(Тут же был, конечно, отомщен!),
Возвратись из гроба не забытый
На учет в Хамовнический ЧОН!..

Мы становимся в шеренгу по тревоге,
На грудь четвертого равняемся в строю.
— Шагом марш! — и мы уже в дороге,
— Запевай! — и я уже пою!

Нет, не мертвые в одном строю с живыми:
Мистиком меня не обзывай,
Если есть фамилия, есть имя —
Летчик Хоткин, Коля-Николай.

Все мы рады Коле-Николаю —
Комсомолец Хоткин — наш актив.
Голос мой вернулся. Запеваю.
Коля Хоткин вторит, подхватив.

Стали на привал. Бойцы разулись.
Отдыхаем, выдыхаем пыль...
Верь не верь,— погибшие вернулись!
Все в строю и это правда-быль!

Длится бой, решительный, последний,
Тот падет, другой без вести пропадет,
Видишь, весь он тут: шагает и поет,
Вылитый твой сын двадцатилетний.

Вечно помни тех, кто пал в бою:
Все они бессмертия достойны.
Все они продлили жизнь твою,
Чтоб тебя не поглотили войны.

Кто забыт — весь вышел, следа нет:
Он на дне забвенья, канул в Лету.
Без него сегодня этот свет,
А того, другого, вовсе нету.

Летчик Хоткин, Цуриков — моряк.
Я вас помню дольше, чем полвека:
Все мы в этом, не в других мирах,
Три друг другу близких человека.

1978

АВГУСТ

Ночью холодела, днем земля теплела.
На листке малины бабочка сидела.
Может быть, мечтала. Может быть, спала.
Может быть, обдумывала ихние дела.
Я стоял, как август — светлый, тихий, легкий,
Низкий и высокий, близкий и далекий,
Мудрый и бывалый,— ну, такой как есть,—
Чуточку усталый, от чего невесть
Силы набирался для другого дела...
Я стоял, а бабочка на листке сидела.

1978

НАМ ДАЙ ДОРОГ!

Мы разные: вы любите тропинки,
Пробитые до вас, до ваших ног,
Чтоб знать их наизусть и без запинки,
Запомнить на пятерку, назубок.

Вас дальнозоркостью природа наградила
По мотовству и произволу своему,
Хоть подбирала линзы нерадиво,
А вы гордитесь, неизвестно почему.

Окурочек, конфетная обертка
Вам сообщают внятным языком,
Что шла здесь девочка,— не бабка и не тетка,—
Что шла с отцом, курящим мужиком.
Все эти стежечки и тропки —
Для пешей медленной хотьбы.
Мы, близорукие, не робки.
Мы диких скоростей рабы.

Нам дай дорог, сквозных и дальних
Между лесов, между полей,
Мимо простых, пирамидальных
Или совсем не тополей.

А нет шоссе — пусти в тайгу
На стомедвежьей тяге танка,
И я когда-нибудь солгу,
Что видел радугу-дугу:
На енисейском берегу
Кривая орденская планка.

Я и не то сказать могу...

1978

* * *

Эми

Резким мартовским полднем измучен,
По ветвистым теням на снегу,
Тихим внутренним звоном озвучен,
В долгий век свой, как лыжник, бегу.

Будто лыжник, скольжу я по датам,
И не верится,
и ни к чему:
Разве был я солдатом? Куда там!
Впрочем, может, и был. Не пойму.

Миновал середину, начало
Мглистой длинной дороги своей.
Что-то вроде любви облучало
Холоднее бенгальских огней.

Вот спасибо, что рыжий бельчонок
Пересек роковую лыжню,—
Я очнулся с похмелья, спросонок.
Возвратился к тебе и ко дню.

Ты — мой март и теней колыханье
На горячем от солнца снегу.
Ты — мой бег и второе дыханье,
Без тебя ничего не смогу!

Март, Переделкино, 1979 г.

НА НОВОСЕЛЬЕ

Вике — четыре!
Вике — четыре!
Праздник, товарищи,
В нашей квартире.

Пронеслось — не скажу сколько лет —
Коммуналка почти что забыта
И корыта тогдашнего быта,
И Шмелев, наш зловещий сосед.
Из тогдашних гостей многих нет
(Их простых небогатых подарков).
Но запомнился праздничный свет
Четырех именинных огарков...
Годы шли. Прибавлялось свечей:
День рожденья всегда отмечался.
Детский голос звенел, как ручей.
Пышный бант, как цветок, колыхался.

Вика, новое платье надень.
Стань весной в торжестве и расцвете.
Прочь из памяти черную тень
И давай веселиться, как дети.

14 мая 1980 г.

ЕСЛИ Б ТОЛЬКО...

> Реют снасти корабельные
> над продмагом номер шесть,
> где конфеты карамельные
> и другие сласти есть...

Башни многометровые
Чудотворного зодчества,
Великанши суровые
В ризах ртутного утра.
Пусть морозная пудра
Холодит их высочества,
Молодит их величества.

Дань отдайте достоинству!
Что их стройному воинству
До людского владычества?
Вижу — вот они высятся
Над игрушечной мелочью,
Мельтешеньем, бессмыслицей,
Бледной чушью и немочью.

Перед вами стою я
Муравьем-муравей.
Повелите — спою я
Что-нибудь поповей.
Повелите — пойду я
Хоть левей, хоть правей,
Помаленьку колдуя
Над тетрадкой своей.

Королевны, царевны
Самых вольных кровей.
Не глядите так гневно
Из-под хвойных бровей!
Если б только прижился
В вашем мире лесном,
Я б совсем раздружился
Со своим ремеслом!..

1980

* * *

Э. Я.

Любовь и долга давний груз
Дают толчок поэме:
Я перегрузок не боюсь
И над Олимпом поднимусь.
Не надо мне подсказки муз —
Найду слова для Эми.

Тебя активней солнца нет —
Сплошное излученье.
Не только жар, не только свет,
Не иссякает сколько лет
Любовное мученье!

Благословенный мой недуг,
Святое раздраженье!
Благословляю я, мой друг,
День твоего рожденья!

Мою испепеляешь лень
Одним протуберанцем.
А где ж спасительная тень?
Я покрываюсь глянцем.

Уж я блещу! Гоню я тьму!
Твоим же отраженьем,
И дню рожденья твоему
Обязан я рожденьем!

1980

Я ПОТЕРЯЛ ОРИЕНТИР

Я потерял ориентир,
А сколько пережил. И что же?
Все спуталось — Война и Мир,
Как близнецы, друг с другом схожи.
Такой же лес и небо то же.

На мой больной солдатский слух,
Что ни услышу — звуки те же.
Возможно,— чаще или реже,
Не важно — медленно иль вдруг...
Ох, эта чертова привычка —
Гадай: они иль не они?..
Что это? С Нары электричка
Или бездушный стук брони?
Нет, не они... Дурное лихо,
Обманный морок. Наг и сир
Осенний лес. Туман и тихо.
Сколь переменчив вечный мир!
Перескакнет дорожку белка,
Как много лет тому назад.
И равномерно делит стрелка
Часов туманный циферблат.

18 октября 1980 г.

ЦВЕТНОЙ СОН

А. М. Р-чу

Я видел сон и помню, что — цветной.
Как будто бы в разведке мы с тобой.

В гражданском платье были мы тогда,
А у меня усы и борода,

Но ты — вполне сегодняшний, а я
Уж не Илюша, но и не Илья.

Идут во сне безусый и усач
В чужой стране Удач и Неудач.

Идут в разведку и не — в первый раз:
«Кровь из носу, а выполнить приказ...»

И все, что происходит,— суждено.
И ничего иного не дано.

1981

НЕ ПРОЗЕВАТЬ БЫ СВОЙ ЧЕРЕД

Стоит туман и не дает
Пробиться лету. Ветер дует.
Зима воротится вот-вот,
И вдруг — ку-ку: не в свой черед
Дурной кукушкой даль тоскует.

И вдруг в безветрии лесном
Трещит двух дятлов перепалка
И фиолетовым глазком
Мигает робкая фиалка.
О, запоздалая весна!
Неужто обещанье лживо?
Природа? Только не она:

Мы временны, а в ней все живо.
Чему судьба расти — растет
И бережет себя до цвета,
А вслед за тем настанет лето —
Неотвратимое придет!
Где жизни цвет — то расцветает.
В чем жизни нет — умрет, завянет.
Глядишь, и лето не обманет,
И, вот вам крест, что гром не грянет.
Не прозевать бы свой черед!

Переделкино, 1981 г.

* * *

Другу П. Сажину

Я рад, что ты упрямо споришь
С прибоем беспощадных лет,
Такой, как был — братишка, кореш,—
И на тебя управы нет!

Просолен вдоску ты штормами:
Ни червоточинки нигде,
Пускай накатится цунами,—
Ты устоишь в любой беде.

Живи и здравствуй! С бурей бейся
И оставайся на плаву,
Бранись по-флотски, плачь, но смейся:
Будь жив. И я с тобой живу.

И я и ты — одной системы,
Что Сажины, что Френкеля,
Как два стиха одной поэмы,
Где рядом море и земля!..

Переделкино, 30 мая 1981 г.

ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ ИЮНЯ

Ю. Ю.

Ох, эта дата, эта дата!
О, эти месяц и число!
С них начинался путь солдата
И фронтовое ремесло.
Тогда я был на перевале:
Полжизни меркло за спиной.
Мы отцвели, отпировали,
Блеснули первой сединой.
А вы явились на арену,
Как на большую перемену,
Оставив школу за собой —
И вас и нас ждал долгий бой.
Едва ли все в то утро встали
С постели жизни тыловой.
Кого-то бомбы разорвали,
И нет их. Поросли травой.
А мы попали к ним на смену,
Как на большую перемену,
Родных оставив за войной
И милый день рожденья свой...

Короче, дорогой мой Юрий:
Нас крепко трепануло бурей.

И что нам жалкие циклоны,
Прошедшим ад во время оно!

Что будущее нам предложит,
Никто предположить не может.
Давайте ж стуком мирных чаш
Отметим день рожденья ваш!

Переделкино, 22 июня 1981 г.

ПРОМЕЖУТОК

Словно омут, застыл промежуток
Между осенью и зимой.
Я грущу. Мне теперь не до шуток,
Не шутите и вы надо мной!
В перелет подадутся вороны.
Белка впрок заготовит грибы.
Догорят в Переделкине клены,
Заржавеют дубы.
Бабье лето, как старая дева,
Не стыдится подмазанных щек.
Самозваная королева,—
Отдается за пятачок.

4.X. 81

THE SONNET

Бомбежка сонного меня настигла —
Швырнула через борт грузовика...
Не раз с тех пор врачи втыкали иглы
В контуженые тощие бока.

А в сущности, за что война мне мстила,
Когтила, будто ястреб, голубка?
С досады, что живого упустила,
Потом подстерегла, как языка...

И вот в капкане держит и пытает.
А я молчу. Покуда сил хватает.
Кровавым клином в душу входит кол...

Не выдержал палач: — Довольно! Хватит! —
Магнитофон задаром пленку тратит.
Напрасно ждет признанья протокол.

Октябрь 1981 г.

ДЕТЯМ

ПОЛЬКА МЫШЕК

Ровно в полночь вышло дело:
Что-то вдруг зашелестело,
Кто-то пискнул тонко-тонко
Возле шкафа там, в углу —
Два проказника мышонка
Показались на полу,
Посмотрели — нет ли кошки?
Оказалось,— кошки нет,
И малюсенькие ножки
Смело вышли на паркет.
Восемь лапок заскакали,
Замелькали два хвоста.
Мышки польку танцевали:
«Тра-та-та!
Тра-та-та!»

* * *

Дорогая Вика!
На себя посмотри-ка:
Такая
Большая!
Выросли ножки,
Выросли ручки.
Бабушке меньше
Заботы о внучке.
Бабушке Вика
Теперь помогает —
Жарит оладушки,

Книжки читает.
И мама довольна:
Выросла дочка,
Дочке сегодня
Четыре годочка,
Целых четыре!
Целых четыре!
Праздник, товарищи,
В нашей квартире.
Двери шире!
Гости, входите.
На взрослую Вику,
Гости, глядите.
Есть у вас дети?
С собой приведите.
Пусть будут у всех веселые лица,
Давайте петь, танцевать, веселиться!

ПЯТЬ ЛЕТ

Распевают громко птички:
Пять лет Вичке!
Пять лет Вичке!
Траля-ля!
Траля-ля!
Колоситесь, поля.
Завивайся, виноград,
Для здоровья всех ребят.
Наливайся, вишня, соком
На стволе своем высоком.
Раздувайтесь все арбузы,
Как зеленые шары.
Выше, стебли кукурузы!
Не пугайтесь ни жары,
Ни жуков, ни мошкары —
Мы их всех победим!
Мы их всех поедим!
Траля-ля!
Траля-ля!
Зеленей, вся земля!
Веселись, белый свет!
Нашей Вике пять лет.

ПРОГУЛКА

Это было в переулке.
Дети были на прогулке.
С неба сыпал белый снег,
Раздавался лай и смех.
Лает жалобно барбос —
Бедный пес.
Глупый пес.
Отморозил видно нос,
Очень сильный был мороз.

А у девочки Маринки
Насчитали три снежинки:
Их на шапке было две,
А одна на рукаве.
Просят все Мариночку:
— Подари снежиночку.
А Мариночка в ответ:
— Вы в уме или нет?
Снег мне очень нужен —
Буду делать ужин.
Сахарком подслащу,
Всех знакомых угощу...

Снег идет!
Снег идет!
А под снегом
Лед! Лед!

КИЦА МЫЦА

Мя̀у, мяу, Кица Мыца.
Не хочу с тобой водиться:
Ты плохая кошка —
Лазаешь в окошко,
Ешь без спросу что попало,
Молочко, сметану, сало.

Как не стыдно, Кица Мыца!
Этак делать не годится.
Будь хорошей кошкой,

Кушай понемножку:
Десять грамм картошки,
Молочка две ложки,
Плитку шоколада,—
Вот и все что надо,
Если будет мало,
Скажешь: мяу-мяу.

КУКУРЕКУ

Ходит Эми Ко-ко-ко,
Подымает лапку.
Слышно очень далеко
Эми-красношапку.

Черный шелковый мундир,
Пышный хвост и шпоры.
Сразу видно — командир:
— Ко-ко-кончить споры!

Замирает птичий двор
По команде СМИРНО,
И куриный глупый спор
Разрешился мирно.

А куриный генерал,
Выгнув шею, заорал
Слово петухово:
Понеслось КУКУРЕКУ
Через сад, через реку,
Вплоть до Кишинева.

ПРО ОВЦУ ВЕРОЧКУ

Не видал таких овечек,
И увидел наконец:
Вся из черненьких колечек,
И умна, как человечек —
Не встречал таких овец!

Глазки желтые с кружочком,
Ножки, ушки, хвост крючочком,
Говорить БЕ-БЕ умеет,
Быстро хвостиком трясет,
На глазах у всех толстеет,
Потому что то и дело
Из бутылочки сосет.

ПРО ЩЕНКА

Добродушный, глупый, толстый,
Лопоухий, чернохвостый
От наседки убежал,
Встретил Вику — облизал,
Прокусил утенку нос,
Туфлю мамину унес.
Повели его купаться,
Плакал тонким голоском,
А потом давай кататься,
Весь обсыпался песком...

Мы судили, мы гадали,
Как бы нам назвать щенка:
Сто названий перебрали —
Он без имени пока.
Кто как хочет, так зовет.
Позовите — он придет.

ПРО УТЯТ

Пить!
Пить!
Пить!
Говорят утятки,
Клеенчатые пятки.
Пить!
Пить!
Пить!

Просят у Вички:
Дай нам водички.
Пить!
Пить!
Пить!
Через полминутки
Снова просят утки.
Пить!
Пить!
Пить!
И так — целые сутки.

НАШ СНЕГИРЬ

Наш снегирь —
Богатырь:
Облетел
Даль и ширь,
Прилетел
На пустырь,
Там, где ветер,
Там, где снег,
Стал снегирь
Сильнее всех.
Угрожает воробью:
— Берегись, не то побью!
Он пугает ворон
И других снегирей,
Потому что
Он —
Всех сильней,
Всех храбрей.

В шапочке черной,
В курточке алой,—
Самый проворный,
Самый бывалый!

Замечательная птица.
А вот бабушки боится...

УРАГАН

Из восточных жарких стран
Прибыл в наш меридиан
И взбесился ураган —
Заграничный хулиган.

Кукурузу повалил,
Десять тысяч веток сбил,
А громадную березу
Пополам переломил.

Смял траву,
Сорвал листву,
Окатил дождем Москву,
Местных птиц обеспокоил,
Из гнезда прогнал сорок,
Но гнезда найти не смог,
То, что Витя наш построил,—
Никому и никогда
Не найти того гнезда!

Над одним столбом лежачим,
Против самой нашей дачи,
Есть на липовом суку
Домик вроде крепостушки,
Там хотели жить кукушки
И кричать свое «ку-ку».

И не то, что для кукушек,
Недоступная для пушек,
Неприметная на вид
Крепость Витина стоит.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Мики Маус заплакал во сне:
— Мама, мама, скорее ко мне!
— Что случилось с тобой, моя крошка?
— Под диваном огромная кошка...
— Мики, плакать не надо, не бойся,
Я ее прогоню, успокойся...

Брысь, хвостатая,
Полосатая!
Кыш! Кыш! Кыш!
Засыпай, мой мышонок-малыш!
Принесет тебе гномик клубники —
Проглоти эту ягоду, Мики!
Ты научишься бегать и драться,
Никого никогда не бояться,
Ни сверчка, ни жука, ни крота,
Никакого на свете кота.

Тихо в комнате стало мышиной.
Скоро вырастет Мики мужчиной,
Он научится бегать и драться,
Никого никогда не бояться —
Ни жучка, ни сверчка, ни крота,
Никакого на свете кота...

1982

Поэмы

ВЕРЕВОЧКА

Хлопцы, ближе до меня!
Расскажу, что̀ вы просили,
Только будет не брехня:
Не о рыбьем короле,
Не о сивом кобеле,
Не про китайскую гусыню,
Не про глаза ее косые,
А — дело было на «России»,
На военном корабле.

Там сидели три братка,
Локоток у локотка.
Один парень с-под Самары,
Другой парень с-под Уфы,
Третий парень с Вологды,
А все трое —
Голодны.

Все — не евши с самой зо̀ри
До повестки, стало быть,
Боцман-шкура на дозоре,
Глаз не сводит с палубы.

А делов, сказать по правде,
Языком-то не трепля,
Что и было:
Отлучились
Хлопцы на ночь с корабля.
И нарвись три полуношника
На старшего помощника,
Заразу Бурачка,
Съест с костями морячка!

Подступил до дезертиров
Тот зараза Бурачок,
Матерком святых угодников
Строчил наперечет,
Бухнул в палубу ногой,
Бухнул в палубу другой,
Кулаком в перчатке трес:
Дескать, чуешь ли, матрос?

А потом, глядим, как будто отошел.
«Хорошо,— говорит зараза,—
Хорошо,—
Снял лосевую перчатку.—
Хорошо.
Вот, матросики, вам дело для початку:
Поплести канатики.
Положу я вам по штату —
Свить веревку до Кронштадту,
И — ступайте, братики!
Боцман!»
Шкура отдал честь:
«Так что,
ваш
бродь,
есть!»

И уселись три братка,
Локоток у локотка —
Первый парень из Самары,
А второй из-под Уфы,
А последний с Вологды,
И все трое голодны.

Они сели, посидели,
Друг на дружку посмотрели,
И за борт, конечно, глядь.
А кругом —
Морская гладь,
И Самары не видать,
И сигнала не подать
Ни полям, ни дальним хатам.
Волны крашены закатом.

Стало муторно ребятам,
Песни начали играть:
«Ах Царицын, ветер с пылью!
Золотистый-золотой.
По трактирам кормят гнилью,—
Я ручаюсь головой.
Ах, и Волга, где ты, где ты?
Золотистый-золотой.
Парни, девки, дети, деды —
Все разуты и раздеты,—
Я ручаюсь головой.

Ах, Самара, качай воду,
Золотистый-золотой.
Тень прошла по небосводу,
Обещает нам погоду,—
Я ручаюсь головой».

Этой песне нету краю,
Дай другую заиграю:
«На уфимском на базаре —
        Ты не слышала. Уфа? —
Ктой-то ходит меж возами,—
        Ты не видела, Уфа?
Без портянок, без сапог — да.
Деревяшки вместо ног — да.

Разнещастная Уфа!
До чего же ты глуха,
До чего же ты слепа,
Разнещастная Уфа...
Как в вагоны нас грузили,
        Ты не видела, Уфа?
Как нас в Питер привозили,
        Ты не слышала, Уфа?
Как в вагоны нас грузили,
Закричали поезда,
Как нас в Питер привозили,
Становили в два ряда.

Как учили на плацу нас,
        Ты не видела, Уфа?
Шибко били по лицу нас,
        Ты не слышала, Уфа?

Дали в зубы — нам обидно,
Дали в глаз — ни зги не видно.

Разнещастная Уфа,
До чего же ты глуха!
До чего же ты слепа,
Разнещастная Уфа...»
Этой песне нету краю,
Дай другую заиграю:

«Воло-Воло-Вологда!
Не забуду никогда,
Как упрятали в Кронштадт,
Как напялили бушлат.
Для чего нас народили,
В бескозырки нарядили,
Якоря на ленты шили,
Барабаном оглушили?
Только знай — замри навек.
Только знай — пошел наверх!
Отвечай погромче: «Есть!»
Обезьяной кверху лезь.

Службу царскую справляй,
Офицеру потрафляй.
Ведь сказал матросу царь:
В кочегарке кочегарь,
Офицера глазом ешь,
Офицершу пляской тешь.

Если скажут: «Несть!» — неси.
Как натравят, укуси.
Скажут: «Выстрели!» — стреляй.
Скажут: «Амба!» — умирай...

Воло-Воло-Вологда!
Не забуду никогда.

Офицерских прав не счесть,
А матрос — собачья шерсть.
Офицерских слов не счесть,
А матросу — слово «Есть!».
Офицеру — ордена,
А матросу — в морду на́.

Офицерам — родина,
А матросам — продана!»

Парни рядышком сидели,
Вспоминали Жигули,
Вот таким манером пели
И веревочку плели.

Это — дело не на сутки,
Это — дело не для шутки,
На него не наплюешь —
Поневоле запоешь:
Веревочка, вейся, вейся.
Ты, матрос, сучи да смейся.
Ты, матрос, сучи — не плачь.
Сопли вытри, слезы прячь.

Веревочка, вейся туже,
Ты сучись, веревка, дюже —
Ни долга, ни коротка —
До Петрова городка.

Выполняем мы наряд,
Дело делаем на лад,
Дело спорится у нас.
Ты смотри, боцман, на нас —
Смотри, шкура, не зевай,
Что споем — не забывай:
Тебе — лычки,
Нас — в кавычки,
Только знай —
Докладывай...

Эх, достало бы каната
До Питера от Кронштадта!..
Нам из Питера листок:
Всех наверх!
Дают свисток.
Скоро красный флаг махнет,
Три раза фонарь мигнет,
Побежит в туман ракета —
Финский берег обожжет.

Вахта ружья похватает
Из дежурных пирамид,

Караульного начальника
Штыком уговорит:

Ты лежи, лежи, помалкивай
До страшного суда.
Погуляем мы по Питеру —
Воротимся сюда.
Мы до боцмана заве́рнем:
Ты какой
Такой губернии?
Будет боцману лафа —
Наградит его Уфа.
Будет шкуре холодно,
Обогреет Вологда.
Не обидит и Самара,—
Как бы ребра не сломала.
Тамбов,
Кострома,
Казань
Сама
И саратовски зелены,
Середь Волги
Острова...

От боцмана к офицерам,—
Пусть их пляшут под прицелом:
Офицеры! До свиданья!
Будьте вы покойнички.
Мы придем без опозданья,
Все повяжем коечки.
Робу новую возьмем,
        Парадную, суконную,
Патрон в подсумки накладем
        Порцию законную.
Повставаем вдоль бортов,
Засвистаем в тыщу ртов.
Тут придут два морячка,
Приведут нам Бурачка.
Ты пока что жив, зараза!
Ну, дохни еще три раза.
                        Раз!
                        Два!
Подходи к нему, братва!
                        Три!..

Вот опять летит ракета,
Вот опять летит она.
А для случая для этого
Веревка сплетена.

Третий раз летит ракета,
Пишет алый полукруг.
А для случая для этого —
Канат и тыща рук.

Ты, братва, тяни веревку,
Перехватывай стрелой!
Правьте Питеру в середку,
Прямо в Зимний головой.

Скоро, скоро мы причалим,
Питер-город повстречаем.
Пушки в точку наведем,
Сами на берег пойдем.

Эх, достало бы каната
До Питера
От Кронштадта!..

1931—1935

АДМИРАЛЬСКАЯ ПРОГУЛКА

Мимо вывесок,
Ворот,
аптек,
городовых,
Мимо штабо́в,
гауптвахт,
Мимо будок часовых

По Кронштадту-городу
Стучит-бежит рысак,
Как поется в песенке, да
На́ всех парусах.

А в коляске на рессорах
Был военный господин,
лет под сорок,
в морде — холод,
Будто студень застудил.
А глаза —
ни дать ни взять —
Бекасинник,
Дробь.
И глянуть-то в них нельзя —
Так и стынет
Кровь...

Сам костлявый,
худощавый,
гололобый —
На пружинах,
На подушках
Не качается.

Кучер замер, как статуй,
Лошадь рвется из оглобель,
Расстилается...

На эту пору
По панели
С фабричной девочкой одной
В незастегнутой шинели
Шел матросик
Молодой.

Парень, кореш-корешок,
Из себя не так высок.
Он идет,
Шинель внакидку,
Бескозырка — на висок.
Ну, в петлицу вдел цветочек,
Ну, и сказки напевал.
А она как захохочет:
— Нет, братишка!..—
Ну, и — крышка.
Ну и — амба! —
наповал...
А матросик — с норовом —
Помолчит
И снова:
— А я красивый сам собой,
А мне от роду двадцать лет,
А полюби меня душой.
А что ты скажешь мне в ответ?
То да сё,
Тае-таё —
Скажи последнее твое —
Вот и все...

Собиралась эта девочка
Ответить на вопрос,
Вдруг как ухнет
За спиной:

— Стой, матрос!
Ага, матрос!..

Как стоишь, р-рожа?
Фамилия твоя?

Какого экипажа?
С какого корабля? —
Матросик забоялся,
Матросик обмирал:
— Так что — свобода,
Господин адмирал,
Так что — природа,
Господин адмирал.
Так что — на воле...
Так что — не за што...
Рази мы позволим,
Штобы было што?..—
Откуда-ниоткуда — фараоны тут как тут,
Берут матроса,
Бьют матроса,
Под руки ведут...

Осталась эта девочка
Одним
Одна.
Закрыв лицо,
Без памяти
Идет
Она...
Так бы и плакала,
Так бы и шла...
Вдруг ей навстречу
Веселый бушлат.
Черный бушлатец,
Отрепанный клеш.
— О чем, дева, плачешь?
О чем слезы льешь?
Курите? Курите! —
Тряхнул табачком.—
Не плачьте. Говорите,
Не стойте бочком.

Сам затянулся, на тумбочку сел,
Выслушал, выкурил, сразу протрезвел.
Встал, попрощался, пошел.
Матросский шаг,
До чего ты тяжел!..

И вот через час заворочался Кронштадт:
По штабам, как сороки, телефоны трещат,
Адъютанты в трубки друг другу говорят,
Выкуривают пачку папирос подряд —
одна папироса,
две папиросы,
три папиросы,
четвертую жгут...
Матросы, матросы, матросы, матросы,
Матросы, матросы,
Матросы
Идут...

Брезентовые робы в шагу трещат —
Топает на Якорную площадь Кронштадт.
Ленты — под ветер,
Ружья — на ремень.
Якорная площадь начала греметь...

Я сам был в эту пору на площадь ходок.
Помню я казармы, Кронштадт-городок.
Горячие речи, осенний холодок.
С керенщиной встречи,
Семнадцатый годок.

Галки садились на штабные провода,
Небо было серое, полное золы,
Шлепалась в берег балтийская вода,
Шел в революцию
Финский залив...

1931—1935

ЧИЖОВ

Живы будем — не помрем.
Фронтовая пословица

Звезды свидетели,
Месяц смотрел:
Кирьку Чижова
Вели на расстрел.
По белому насту,
Сквозь гулкий мороз,
Через пригород,
Мимо берез...

Эх, да эх! Да месяц смотрел,
Звезды свидетели — что на расстрел...

Одна гимнастерочка,
Братцы, на нем,
Скручены руки
Дубленым ремнем...
Ведут его унтер
Да косой казак.
А холод,
А ветер,—
Аж слезы в глазах...

Эх, да эх! Слезы в глазах!
Ведут его унтер
Да косой казак.

Дым от цигарок
За плечи летел,
Тени кружились
В ногах у людей...

Пустырь прошагали —
Время к реке подходить.
Стало у Кирьки
С холоду руки сводить.
Тычет он их
За спиной в рукава —
Не лезут, проклятые,
Черта с два!
Начал Кирюха
Ручищи ругать:
«Ладонь — што лопата,
Нешто — рука?
В такую бы лапу
Клинок бы опять —
Нащет разогреться,
Нащет порубать».

Звезды пропали.
И месяца нет,—
Ночь отступает,
Пробился рассвет.

Зябнет Кирилла
И думает так:
«Застрелят чапаевца
Ни за пятак —
Выведут на берег,
Скажут: беги.
После — поделят
Штаны... сапоги...

На тот бы на берег
Пробиться к своим!
С конвойными сладить...
Пускай хоть с одним,
С одним только сладить —
Што мне другой?
Чапаевцы, знаю,
Стоят за рекой...»

А на том берегу
Не понравится врагу.
Один прыжок,
Другой прыжок,—
Уйдет Чижов.
К своим — Чижов.

Эх, да ведь на том берегу,
Эх, да и не так понравится врагу.

Известно, чапаевцы
Не с девками щипаютца,
Не с девками щипаютца —
С кадетами рубаютца.

Ночь отступает —
Утро налицо.
Ходит Чапаев
Среди своих бойцов.
Ходит Чапаев,
Своих считает:
Нету Чижова.
Где Чижов?

Бывает, чапаевцы
Назад не вертаютца,
Назад не вертаютца —
С кадетами рубаютца.

Эх, товарищи партизаны! Да ведь
на вашем берегу,
Да и то сказать, пожалуй, уж не
так, чтобы понравилось врагу.

И вот оно, вот оно —
Логово реки.
И просит Чижов:
«Обождите, братки!»
Конвойные стали,
И молвил один:
«Мы — что же...
Конешно...
Давай погодим...»
До берега — один прыжок...

Кирька — унтеру:
«Браток!
Подсобь-ка, служивый,
Шевельнись чуток,—
Озяб, понимаешь,
В гимнастерочке я,
А до ветру надо —
Будто из ружья.
А руки-то связаны,
Видишь, на спине,
А как же без рук
Оправиться мне?
Обязан ты пленному,
Служба, пособить,
А после, понятно,
Можешь пристрелить...»

Слушает Кирьку
Унтер по привычке.
Мерещатся унтеру
Награда и лычки
За плевое дело
Изо всех дел —
За верную пулю,
Очередной расстрел...

Слушает Кирьку
Косой казак.
Слезы показались
На косых глазах.
Он их утирает
Кулаком тяжелым,
Гадает косой:
Бежать с Чижовым?

«Старший, а старший!» —
Говорит косой.
Сам моргает пленному:
Я, мол, свой.
«У парня, гляди,
Нема терпежу.
Дай-ка, старший,
Винтовку подержу...»

Унтер нагибается —
Кирьке помогать.
Скидывает варежки —
Пуговки искать.
Кирька глазом меряет
Береговой откос,
Да как вдарит унтера
Коленом
В нос...

Один прыжок до берега,
До берега один прыжок...

Унтер кровью давится,
Конвойному кричит:
«Бей с постоянного!..»
И в сугроб летит.

1932

НАЧАЛО

1

Ночь и звезды над деревней.
На ветвях березы древней
Тонкий месяц задрожал.
У амбара семенного,
Возле склада фуража
Постоят и ходят снова,
Как медведи, сторожа.
Не горел нигде огонь.
Тихо ржал в загоне конь.
Двое шли и драли глотку,
Рвали длинную гармонь:
— Ах, да ты для чо в аптеку ходишь,
Черноглазая моя?..

Сбиты на одну колодку,
Перваки по околотку:
— Ды пузырьки в кармане носишь,
Ды отравить хотишь меня!..

Разметая все на свете,
Налетел уральский ветер,
Сгреб в охапку удальцов,
Сшиб фуражку, бил в лицо,
Враз перехватил припев,
Вдруг калиткой заскрипев,
С громом завернул в ворота,
Будто отпуская пьяниц.
И опять — ну хоть ты тресни,
Так и не дал кончить песни —
Набежал у поворота,
Повторил свой танец.

2

Тьма и старость их сдружили,
Этих старых сторожей,—
Подходили, не снимая
Незаряженных ружей.
И один, степенный дядя,
Долго доставал кисет,
А другой, усы разгладя,
Торопил: — А ну, сосед...

Спички чиркали и гасли,
Зажигались неладом.
Пыльный самосад с трудом
Разгорался. А степенный,—
В прошлом богатей отменный,—
Зло поглядывал на ясли —
На отобранный свой дом.
Горечь горькую скрывая,
Говорил он, зло срывая:
— Истощена-де земля.
Не парены, мол, поля,
Потому как шибко сушит,
Хлеба нынче и не жди.
Сорняки опять задушат,
Коли-ежели дожди.
Ну и голодом сиди.—
И, махнувши рукавицей,
Ковыляет под навес...

Между тем заря дымится
Над Ялуторовской МТС.
Между тем в туманном поле
Рассыпается роса,
Тонут облака в Тоболе,
Распускают паруса.
За Тоболом встали разом
Криволуцкие леса...
«Форд» грохочет полным газом,
Брызжет грязью с колеса.

3

Эта тесная кабина,
Эта сильная рука
На руле грузовика,
Эта музыка бензина,
Это мокрая резина,
Этот кузов,
Эта шина,
Эта самая машина,—
Не забуду я о ней:
Этих, спрятанных в моторе,
Сорок связанных коней,
Подчиненных властной шпоре,
Обожженных острой искрой...

Нас шатало скачкой быстрой,
Нас бросало друг на друга.
Не забуду ветер с юга,
Не забуду, где бы ни был,
Как в глаза кидалось мне
То оранжевое небо
В целлулоидном окне.
Как гудки нам показались
Торжествующей трубой,
Как мы встали —
Всем на зависть! —
Перед первою избой...

4

Ну, так вот она, деревня.
Так и брали мы ее
Вместе с той березой древней,
С выщербленной колеей,
С непареной,
Истощенной,
Измочаленной землей...
С незаконченной войною
Из-за пашни, взятой с бою
В незапамятные дни,
Где границей были пни,
Хоть запаханы они...

Брали голыми руками
Засоренную врагами,
С кулаками в сторожах,
С колчаковцем в счетоводах,
С лебедою в огородах,
С недохваткой фуража,
С несоставленною сметой,
С прошлогодней стенгазетой...

*

Именно все так и было.
Мир вставал передо мной
Этот самый, не иной:
Терлась тощая кобыла
О забор больной спиной;
И не сказочно, а просто
Скручивал огонь бересту
В дымных гаснущих кострах;
Шевелилась мышь в кустах,
И совсем обыкновенно
Трактористка шла на смену,
Отгоняя песней страх...

1934

ДЕЛО БЫЛО В РЕВЕЛЕ

Однажды ночью в больничной палате ко мне на кровать подсел сосед, бывший балтийский моряк.

— Товарищ,— сказал он,— старикам плохо спится — молодость вспоминается. Можно поговорить?

И я узнал то, что было и о чем легенды создаются.

1

К КИРПИЧНОМУ ЗДАНИЮ ПОДХОДЯТ МАТРОСЫ...

На улице портовой,
На улице портовой
Рыжий дом стоял под флагом.
У подъезда сонным шагом
По торцовой мостовой
Разгуливал часовой,
Проминался постовой.
На цепочке, на блескучей,
Возле самого желудка,
По уставу и на случай
У него висела дудка —
Караульного позвать...
— Ать, два,
ать...
Он не спит, он не ест — по уставу,
Охраняет подъезд — по уставу.
Безусловно, смены ждет — по уставу,
Время долго идет — по уставу.
Пост номер пять — опора трона,
Святое дело на земле.
В магазинной коробке четыре патрона.
Пятый в стволе.
В России, в деревне, Матрена.
В Ревеле — синяк на скуле.

Вот он ходит, тянет бремя,
А покуда час да время —
Сто балтийских моряков,
Наших русских мужиков,
Пензенских да костромских,
Вологодских и псковских,
Туляков, сибиряков,
Молодых и стариков,
Только горем просмоленных,
Только морем посоленных,
Лентами помахивают,
Наганами потряхивают,
Всячески ругаются и к дому
подвигаются:
Эх, елки-палки, лес густой!
И глядит на них совой
С подбитым глазом часовой.
— Ать, два,
ать, два.

2

И ВСТРЕТИЛИСЬ, И ЕСТЬ О ЧЕМ ПОГОВОРИТЬ

Придержала шаг братва.

Часовой

Стой! ни полшага вперед,
А иначе — дудку в рот,
Караульного свистать...

Моряки

Что тут делать?
Надо стать...
А ну, подвинься. Что серчаешь?
Не так товарищей встречаешь.
Винтовка здесь совсем напрасная
И очень опасная:
Из ней убить не шутка...
Тебя как звать? Мишутка?!

Часовой

Я есть поставленный на пост.

Моряки

К чему, сынок, ерошишь хвост?
Ишь поднял бабью кутерьму.
Скажи — чего ты стерегешь?
Как свой, откройся своему:
Казарму, склад или тюрьму?!

Часовой

Узнаешь сам, как попадешь.

Моряки

Авось, товарищ, да небось...

Старый моряк

А ну, отставить!.. Шутки брось!

Часовой

А чо?

Старый моряк

А то!.. Ты, верно, вятский?
С налету видно — парень хватский.
Давай сюда винтовку!

Часовой
(делает выпад)

На!

Старый моряк

Ого! Дерется, сатана...
Тогда командую: ложись!
По разделеньям — делай раз!..

Часовой

Братва... Помилуйте... Ни в жисть...

Моряки
(наводя винтовки)

По разделеньям — делай два!..

Часовой
(на коленях)

Помилосердствуйте, братва!..
Я с вами, братцы... Я за вас...

Моряки

Не по дороге с нами псам!

Часовой

Братва! Я дверь открою сам...

Моряки

Дави его, Петраш!..

Старый моряк

Да ну...
Вперед пошлемте сатану,
Веди, зараза, нас в тюрьму,
Да к коменданту твоему!..

3

АДМИРАЛЬСКИЕ ЧАСЫ ИДУТ ТОЧНО

Венецианское окно —
Святой Георгий на стекле —
Решеткою ограждено.
Ядро и якорь на столе.

А над столом, в окне, залив
Свинцовую волну гоняет,
И, веник дыма в небо вбив,
Четырехтрубник курс меняет...

Впрочем, из этого окна
Набережная не видна,
Не виден, значит, самый порт,
Где кораблишки бортом в борт,
Как свиньи чешут... Не видны
Жандармов синие штаны,
Усы, перчатки нитяные,
Не видны кольца нефтяные
Портовых луж. Картина эта —
Не в поле зренья кабинета
Начальника морской тюрьмы.
Но в кабинет вернемся мы.
Сей кабинет, паркетом глянцев,
Весьма надежно отделен

От мест, где учат новобранцев,
Где поздравляют молодцов,
Где раздробляют подлецов,—
Закрыт брандмауэром он
От проклятущих тех плацов...
Матросский плац — просторный стол,
Покрыт линолеумом пол.
Стоят старинные часы,
Прозрачным куполом покрыты,
И кресла будто с полом слиты.
А в креслах желтые усы
Какой-то ветхий старичонка
Теребит ссохшейся ручонкой.
Мундирчик флагманский на нем
С насквозь проеденным сукном.
Из трубочки порхает дым —
Медком попахивает он.
Оклады толстые икон
Поблескивают золотым.
И все, как прежде, все, как встарь,
От пуговиц до эполета,
И пялит глазки государь
Из потемневшего багета...

Часы натенькивали грустно
Полузабытый ригодон;
Старик, причмокивая вкусно,
Как бы сосал их сладкий звон...
Воспоминаний смутным гулам
Отдавши должное, он встал:
Момент развода караула,
Торжественнейший миг настал.

4

А ВМЕСТО ОБЫЧНОГО ЕЖЕДНЕВНОГО РАПОРТА

Однако древний адмирал
Часам не слишком доверял,—
По луковице золотой
Еще раз время отмерял.
Он человек был занятой...

И, завершив сии дела,
Взял колокольчик со стола,
Где в силу точности и лет
Образовался круглый след.

Все шло согласно и прилично
Законному порядку дел:
На блеянье звонка обычно
Дежурный по тюрьме летел
И дверь беззвучно отворял,
И тут, размеренно шагая,
Внимал рапо̀рту адмирал,
Свою трубчонку разжигая...

Однако мы прервали нить
Повествованья.
Старикашка
Лишь вознамерился звонить,
Как в двери вперлась наша бражка.
Пошла тут музыка не та:
От тел громадных теснота,
Кто понимает —
Красота!..

5

ШТОРМ В ЗАЛИВЕ И В МОРСКОЙ ТЮРЬМЕ

А было дело пополудни,
Наверно, в два иль три часа.
Ударил праздник — смолкли будни,
И шторм на море начался.
Мутя и взвихривая воду,
Толклись в заливе толпы туч —
Штормяга стеганул их с ходу.
Застыло солнце, как сургуч.
А горизонт валил на сушу
Воды взлохмаченную тушу.
Суда на якорных цепях
Глотали пену второпях.
Шторм наседал без передышки,
Кричал: «Поберегись, братишки!»
В войну играют так мальчишки,
Молотят палкой по ведру.

Борт о борт терлись кораблишки,
Свистя снастями на ветру...
Покуда шторм гулял по Балту —
В противовес возне и гвалту
Отряд матросов, не спеша,
Под руководством Петраша
Открыл тюремные загоны,
Самодержавия кингстоны.
Народ взбурлил, что кипяток.
И с ревом кинулся поток.

6

ЗАСЕДАЕТ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ТРИБУНАЛ

А между тем в комендатуре
Настал ответственный момент.
Дадим его сюда в натуре,
Как протокол, как документ.

— Гражданин, подвиньтесь ближе.
(Говорят тебе, иди же!)
Мы имеем план тюрьмы.
Не поймем, однако, мы,
Не имеем указанья:
Где тут вечники у вас
Отбывают наказанье?
— Не отвечу никогда-с.
Предлагаю сей же час
Вам покинуть это зданье.
Выполняйте мой приказ...
Я по-русски говорю-с!
Я — солдат. Служу царю-с.
Я оружье применю...
Я вас всех угомоню...
В цепи хамов закую!..
Сокрушу!
В тюрьме сгною!
Я вас!
Я вас!..—
И старик
нестерпимый поднял крик...
Вспоминать одна потеха...

Но матросам не до смеха:
Заскрипели зубами, шеи выгнули.
Бьет громадной ладонью Петраш по столу —
Если б стукнул по скале, расколол бы скалу —
Так, что всякие фигурки подпрыгнули.
— Ну, так вот, старичок:
Поскрипел — и молчок.
Не хотел разговаривать мирно...—
И вглянул на притихших матросов Петраш:
Кто бушлат застегнул, кто поправил патронташ.
И тогда он командует: — Смирно!
Становись! Рассчитайся на первый-второй...—
Адмирал посмотрел на матросский строй:
«Эх, плечи да груди! К герою герой...»
И по сердцу тоска скребанула.
А Петраш вызывает вторых номеров —
Все он знал, был во всем разбираться здоров,—
Объявляет заседанье трибунала.
— Вы садитесь, трибунал,
А вы стойте, адмирал...
Ну, товарищи матросы,
Задавай ему вопросы.

Начинается допрос,
Поднимается матрос.
— Перед тобой твой бывший раб.
Отвечай, седой сатрап:
Где — я спрашиваю — вечники?..
Только смотрит старый волк на подсвечники:
Ничего не говорит, волчий взор его горит.

Продолжается допрос,
И встает другой матрос.
— Нынче я твой господин.
У меня вопрос один:
Где — я спрашиваю — вечники?..
Только смотрит старый волк на подсвечники:
Ничего не говорит, волчий взор его горит.
И продолжается допрос...

Казалось, вечность протекла.
И вот звенит из-под стекла
Старинный танец ригодон;
Напоминает судьям он,

Что ход ничтожных шестерен,
По-видимому, не убыстрен.
И вышло время Петрашу
Подняться и сказать: — Прошу
Затеять прения сторон!..
На мрачных лицах моряков,
Молодых и стариков,
Тюремщик мысль читал одну:
«Иди ко дну! Иди ко дну!
Тони и след свой уничтожь!»
Но трибунал молчал сурово.
Тогда Петраш сказал: — Ну, что ж,
Конечно, я скажу вам слово...
Но как ему без всякой дрожи
Сказать о том, чего дороже
На свете нет,— о молодежи,
Страдавшей по-на всех флотах,
О горьких зимах и летах?
А как сказать о стариках,
Его ровесниках, годках?
А ждут они сигнала схватки,
Сжав револьверов рукоятки
В своих обветренных руках...

Парень с подбитым глазом
Понял матросов разом.
— Братцы, огонь засветите —
Так что искать под землей.
Тряпки смоленые жгите,
Так что ступайте за мной...
И моряков за собой
Вятский повел часовой.

7

ФАКЕЛЫ СВОБОДЫ ПОД ЗЕМЛЕЙ

В углу тюремного двора
Зияла черная дыра.
Матросы лезли, чертыхаясь,
В тюремный вещевой цейхгауз.
И увидали моряки,
Что склад не уступал могиле:

Вдоль стен какие-то тюки
Распространяли запах гнили...
Шипели факелы, во тьму
Внезапно искрами стреляя.
Матросы шли по одному,
В проходах тесных застревая.
Они идут — и вдруг преграда...
На их пути явилась дверь.
Петраш сказал:
— А вот теперь
Мы подошли к воротам ада:
Давайте грохнем по вратам!
На дверь упали два приклада —
Врата посыпались к чертям...
...Безумие творилось там:
Во тьме, в берлоге, полной смрада,
Где самый воздух смертью пах,
Сидели люди на цепях...
Быть может, показалось им,
Что час желанной казни грянул,
Иль, факельный вдохнувши дым,
Решили: свет свободы глянул...
Но поздно! Сердце не снесет,
Не выдержит удара счастья,
Оно расколется на части...
Ничто, ничто их не спасет.

8

ВОЛЯ И СВЕТ — ЖИВЫМ И МЕРТВЫМ

Была смущенная природа
Оглушена, ослеплена,—
Посланникам людского рода
Забыла подсказать она
Подать совет: не торопитесь,
Подобна смерти спешка здесь!
Голодным хлеб давать скупитесь:
Им надо понемногу есть...
А жизнь в них теплилась едва ли,
И на бушлатах моряков,
Лишенные своих оков,
Они, как мертвые, лежали:
Но снова море их влекло,

Волна привольная качала,
Туда, где солнце и тепло,
Где можно все начать сначала...
Туда — наверх! Туда скорее!
Сыны несут своих отцов.
Так переводит батарею
На новый пункт расчет бойцов:
Так, разгромив тюрьму-музей,
Под марш, разыгранный штормами,
Столетнее выносят знамя
Пред очи светлые друзей...

Когда же с драгоценной ношей
Отряд поднялся на-гора,—
Весенний день, такой хороший,
В тюремных окнах догорал,
И радостно шумело море,
Встречая милых сыновей.
На встрече той все волны были в сборе
В одежде праздничной своей!
Освобожденных положили,
К сердцам ладони приложили —
Увы, не слышно ничего!
Спасенные не пережили
Освобожденья своего.
Их ветер ласково милует
И в губы мертвые целует...

9

ПОЧЕМУ КРИЧАЛА ЧАЙКА...

Дело было в Ревеле...
Над морем чайки реяли,
Кричали на лету...
Их крики ветер схватывал,
На песню перекладывал,
А ветер песню ту
Донес однажды вечером
До слуха человечьего.
И вот она, стреножена,
На музыку положена,
На все сердца помножена,
Опять летит домой!

Крылами бьет по воздуху,
Кружит, не зная отдыху,
Над ревельской тюрьмой.
И пусть то время давнее,
Она — одна и та ж...
А дело было в Таллине...
Рассказывал о Сталине
Седой моряк Петраш.
И вдруг замолк, задумался,
С чего-то пригорюнился
И головой поник.
Со стариком, случается,
Неладно получается,
Как только птица-чайка
Уронит хриплый крик.
А ночью он ворочается —
Спать ему не хочется.
Уж он и то и се —
И с головой укроется,
А чуть вздремнет —
Построятся,
Готовые на все,
И пешие, и конные
Годки-дружки покойные,
И загудит гудок...
Ах, ночи паровозные!
Теплушки вы морозные!
Деньки лихие, грозные —
Семнадцатый годок!..

1939—1940

КОМСОМОЛЬСКИЙ САПЕРНЫЙ

1

Комсомольский полк саперный —
Синий Дон, да уголь черный,
Да в землянке свет шахтерки,
А бойцу семнадцать лет,
Да в кармане гимнастерки
Спрятан бережно билет,
Да за шахтами, за дымом
Обгорелых деревень
В дальнем хуторе любимом —
Окровавленный плетень,
Да воронка вместо хаты,
Той, в которой родился...

Дайте, дайте мне гранаты,
Потому что песня вся...

2

Вступить в ряды этой части — безмерная честь.
Тысячи комсомольцев толкались в райкомах Украины.
Да разве одна Украина? «Окажите честь, возьмите в полк
Кем угодно, лишь бы в нашу часть».

Солнце ходит улицей Ворошиловградскою,
Обжигает крыши, пахнет рыжей краскою,

Вышло на Лутугино, проложило трассу
От реки Луганки по всему Донбассу:

От Могилы Острой, от завода ОР,
Вплоть до Южной Фащевки, до тебя, сапер...

Ты большой ручищей держишь автомат,
Тонкий, долговязый, милый мой солдат.

Знаю Краснодонщину — родину твою,
Песенку любимую, хочешь, пропою?

Вроде как гудки протяжно загудели,
Словно бы шахтеры лампочки несут...

Ты в полку, товарищ, только две недели.
Ох, далек, товарищ, дальний твой маршрут.

Будет тебя солнышко, комсомолец, жечь.
Встать тебе захочется, а придется лечь,

Лечь тебе захочется, а придется встать,—
Книгу смерти должен ты всю перелистать...

Бой тебя освищет кусками чугуна,
Побежишь в атаку, злой, как сатана.

И огонь и воду — все насквозь пройдешь,
Многое построишь, многое взорвешь.

Днепр и Днестр покатятся под твои мосты,
Если по-гвардейски будешь драться ты...

3

— Товарищ Зайченко, откуда родом?
— Из Запорожья.
— Хороший город. На какой улице живете?
— Я-то? На Вознесенке,— сказал боец и заплакал...

Они еще так молоды, что всякое огорчение вызывает у них слезы, короткие, мальчишеские.

Плачь, товарищ, и не прячь глаза.
Пусть сбежит солдатская слеза,
Пусть сойдет соленая водица,

Пусть твоя душа освободится,
Пусть в ней будут только находиться,
Как в обойме, чистых пять огней,
Пять желаний пусть бушуют в ней.

Первое,— пробив громами гром,
Родину увидеть за Днепром.
Будь готов, сапер, ее спасти —
Сотни верст под пулями ползти,
Тысячи гектар перекопать.

Во-вторых, отца и мать застать,
Пусть придется голодать, не спать,
Пусть тебе седым придется стать...
Если ж не надеешься спасти,—
Плачь, сапер, сейчас, а после — мсти!..

А еще, когда придешь домой —
Безразлично, летом иль зимой,—
Если жив хороший батько твой,
Обними, порадуйся и — в строй.
Если же расстрелян батько твой,—
Погорюй, сапер, и снова в строй.

Вытри слезы и не хнычь в строю.
Крепче роту полюби свою —
Воинскую, ратную семью.
Будешь с ней в огне, в пыли, в воде,
Будешь с ней и в счастье, и в беде,—
Хоть убьют, а будешь с ней везде...

Пятое — к победе устремись,
Словно к солнцу ясному тянись,
Только пусть, не жмурясь, на нее
Смотрит сердце зоркое твое...

4

Наш генерал говорил: «Давайте мне роту комсомольцев,
Пойду штурмовать любой населенный пункт».

Через три наката,
Через три кола
На меня, ребята,
Песня набрела.

Вот она гуляет —
Нету ей забот:
Город Николаев,
Французский завод.

Землячок, не балуй,
Землячок, не пой.
Сам я николаевский
С улицы Морской...

Сон меня замучил,
Кровь меня зовет
В город Николаев —
Французский завод.

Пойду-ка я к сержанту,
Земляк со мной пойдет.
Давай, сержант, команду.
Приказывай — вперед...

5

Полк обучался и квартировал в прифронтовом селе, хозяйки часто бегали жаловаться в штаб:

— Опять один ваш моего дразнил...

— А сколько лет вашему?

— Десять. Оно еще дитя совсем.

— Как же его дразнил?

— Всяко говорил. «Тыловая крыса»,— кричит. И всякое другое.

Он еще и щек своих не брил,
Между прочим — пятерых убил.
Он еще девчонок не любил,
Пятерых фашистов уложил...

В партию не приняли его,
Плакал он — обидно до чего!
Плакал он, решение узнав.
Что же делать? — не велит устав.

А потом обратно в роту пер
Комсомольского полка сапер,
Запорожский хлопчик — так себе —
Грязь от слез застыла на губе.

Путь обратный словно дольше стал.
Дождь пошел с парнишкой и отстал,
Увидал сапера — перестал.

Вышел на криничку паренек,
Снял с плеча винтовку и прилег,
Да еще воды сапер попил,
Да глаза опухшие промыл.

Рукавом лицо свое утер
Комсомольского полка сапер,
Да потрогал под носом — вот тут —
И подумал, бедный: не растут...

И пошел сапер к передовой,
Между прочим — парень боевой...

6

Здесь все пишут стихи: командир полка, комиссар, доктор и все бойцы. Здесь так любят стихи, что могут их слушать сколько угодно и где угодно...

Сержанту Красной Армии Кондрату Королю
Послышалось, что девушка ответила: люблю.

А он ее не спрашивал, мол, любит или нет,
А просто — где находится районный комитет?

Там было много девушек — они копали ров,
А Короля прислали в числе инструкторов.

И почему-то там росла отличная сирень.
И наша дальнобойная стреляла целый день.

И заходило солнце, долину озарив.
И прозвенела рельса на ужин перерыв.

Окоп, сирень, пальба, закат — все было невпопад.
Но, надо думать, девушке понравился Кондрат.

И, надо думать, от души ее он целовал,
А самолет противника над нами завывал...

7

Два бойца лежат в траве — они расстегнули воротники. Один натирает ладонь пахучим стебельком чебреца. А другой, ловко размахнувшись, поймал какую-то мушку и слушает, как она звенит.

Ты ж не знаешь, что такое груша,
Если мелитопольских не кушал.
Пальцами возьми ее за хвостик —
Словно лампочка повешена на гвоздик,
Светит груша, как фонарик светит.
Хлопцы, нет таких других на свете...
Хлопцы, подержал и в рот неси,
Только пальцы, чур, не откуси.
Сок чуть-чуть не разрывает грушу...
Хлопцы! Память надрывает душу —
Сколько я их, светлых, как фонарь,
Сколько я их, желтых, как янтарь,
Собственного сада — сладких, спелых,
Или из соседского — незрелых,—
Сколько я их съел и не ценил,
Сколько, ох, я, дурень, уронил...
Лето, хлопцы, ходит по садам,
Вся моя душа, поймите, там:
Чую, как червяк кору грызет,
Гусеница, вижу, как ползет,
Дождик моет грушевый листок,
Птица дует в маленький свисток.
Хлопцы! А теперь чужой солдат
Через изгородь влезает в сад —
Груши беззащитные висят.
Вор глядит на грушу — первый сорт,
Сапогом ее лягает, черт,
Лапами хватает и трясет,
Нагибается и в рот несет...
Жил бы я лет двадцать пять назад,
Да садил бы я фруктовый сад,
Кабы знал я, кто придет сюда,—
Я взрывчатки бы припас тогда:
Динамитом землю пропитал,
Чтобы корень динамит глотал...
Хлопцы! Память надрывает душу.

Лето, хлопцы, наливает грушу.
Лето, хлопцы, ходит по садам —
Вся моя душа, поймите, там...

8

Они смерти не боятся. Вернее, они уже знают: дело воина — быть под огнем, стрелять. Есть в полку потери...

Не очень давно прилетел немецкий разведчик, дал очередь из пулемета. Погиб полковой сапожник, который завидовал строевым товарищам, радостно встречал их, когда возвращались с работы...

Убили рыжего Абрама...
Какой хороший мастер был!
Попала пуля в сердце прямо,—
Немецкий ас его убил.

Упал не охнул милый мастер,
Ладони черные согнул,
И плачет машинистка Настя
И весь почетный караул...

Мы понимаем — слез не надо
И нужно очень твердым быть.
Но ведь тогда и сердце радо,
Когда нам есть кого любить.

В секунды боя роковые,
В разгаре свалки штыковой
Мы помним руки золотые,
Звезду над рыжей головой...

— Что ж, авация,— сказал командир.— Наверно, многие хотят на самолет. И мне предлагали идти в летчики. Да разве я могу бросить саперное дело? Я двадцать лет в инженерных войсках и не променяю звание сапера ни на какое.

У некоторых ребят вытянулись лица.

— А танкисты? — спросили сразу двое.

— И танкисты,— убежденно ответил подполковник.— И танкисты без нас, саперов, не могут: мы им рубежи готовим, делаем проходы, разминируем путь. Нет, не про-

менял бы и на танкиста. Пускай каждый боец считает свой род войск самым лучшим, и у нас будет самая могучая армия на свете...

Расступались каменные горы,
Замирала быстрая река —
Здесь прошли геройские саперы
Комсомольского полка.

Боевой народ из Запорожья,
Он идет на родину свою,
И никто оружия не сложит —
До победы все в строю...

За плечом винтовка — друг сердечный,
При себе лопата и топор.
Под горой, у речки быстротечной,
Дело есть тебе, сапер.

Мелитополь-город ждет сапера,
Звонкой песни некому запеть.
У зеленой ставни, у забора,
Не пройти, не посидеть...

Знай, фашист, преграды нет саперам,
Комсомольца пулей не возьмешь.
У зеленой ставни, под забором,
Сам на мушку попадешь...

Расступитесь, каменные горы,—
Здесь проходят грозные войска.
Впереди — геройские саперы
Комсомольского полка.

Июнь — июль 1942 г.

МАШИНИСТ

1

Мимо взорванных станций, под звездами снега,
Тусклой топкой светя, задыхаясь от бега
И роняя на шпалы огонь и золу,
Шел состав, шел на фронт, шел в морозную мглу.
Хриплый свист раздавался в заснеженных рощах.
Налетал на вагоны фашист-пикировщик.
Как на грех, эшелон проходил в эту пору
Трудный профиль пути: то есть в гору да в гору.
И зевать не приходится — чувствуй спиной,
Где находится задний вагон, хвостовой,
Там, на крыше, за воздухом смотрит зенитчик
С поговоркой: «А ну-ка, послушаем птичек...»
Дошутился! Свалились на нас «мессера».
Тут бы ходу, а профиль — гора да гора.
И помощника жалко: в живот угодило...
Уставал машинист — не легко ему было.
Стариковское дело, известно какое:
Ум не хочет, а тело скрипит о покое.
Он себя, как святой, усмиряет мольбой:
«Это есть наш последний и решительный бой...
Это есть наш последний...»
                                        А руки уж сами
Поднимают лопату, гремят рычагами...
Дело к свету идет. Пламя уголь грызет.
Паровоз драгоценную ношу везет.
Он везет неоконченные прощанья,
И предчувствия чьих-то смертей, и тоску
По родному садочку, речному песку,
И бездумные сны, и любови терзанья,
И мечты, и готовые к бою желанья.
Люди песню везут. Без нее не прожить,
Не любить, не дружить, головы не сложить...

2

На заре посинели снега.
Как назло,
Солнце честно взялось за свое ремесло.
Вот и гость у любителя птичьего пенья
В перекрестье прицельного приспособленья.
Теплых мартовских красок тверда чистота.
До чего на снегу посвежели цвета —
Фиолетовый заячий след за кюветом
Озарен по краям удивительным светом:
Тут, наверно, работал всю ночь ювелир —
Вон сверкнул бриллиант, голубеет сапфир.
И тебя колдовская игра самоцвета
Вдруг начнет поворачивать в сторону лета.
Эх, централку бы в руки да псу посвистеть
Да по заячьей тропочке снегом хрустеть!
Пули розовой цепью возносятся к цели.
А под крышей вагона солдаты запели:
В лад колесному стуку поет человек:
Чует мартовский, радостный, заячий снег.
А стрелять невозможно. А хищник кружит.
И неструганый пол равномерно дрожит,
И обратно, домой, в два ряда сталь бежит,
И весенней, восторженной, непонятной,
Светлой юношеской тоской,—
Этой рельсовой сталью, домашней, обратной,
В март за той поперечной сосновой доской,
Песня плещет и плещет волной перекатной
И грустит нерастраченной силой мужской,
Со слезой и со свистом — о карих глазах,
О кудрявых садах, о зеленых лузях.

3

А вверху в пулемете вода закипает,
И зенитчик четвертую ленту меняет.
Вспыхнул передний вагон.
В это время быстрее пошел эшелон.
Развернулся фашист для второго захода,—
Что ему быстрота паровозного хода! —
Вот
на красного червячка

Свалит гору огня — не найдешь ни клочка.
Разнесет неоконченные прощанья,
И предчувствия чьих-то смертей, и тоску
По родному садочку, речному песку,
И бездумные сны, и любови терзанья,
И мечты...
                    Таковы боевые заданья
Самолету, клейменному черным крестом.
Может, Гитлер не спал, помышляя о том,
Чтобы наш эшелон не дополз до разгрузки,
Чтобы все, кто мечтает и любит по-русски
И по-русски поет в сумасшедшем огне,—
Твердой сталью не стали в боях, на войне...
Пулеметчик девятую ленту меняет,
А вагоны воздушной волной накреняет.
Дым закрыл самоцветные краски весны.
Смяло песню гремучим припевом войны.

4

Почернела кора придорожных берез.
Кто-то долго взбирается вверх, на откос.
Оглушенная, простоволосая,
                                        что ты?
Песня —
                бедная жертва охоты!..
Как ты выжила?
На тебя даже страшно взглянуть.
Ты куда держишь путь?
— Дай мне жизнь, человек.
                                        Хоть одну.
Я иду на войну.

1943

АРТЕМ

(Матросский разговор)

1

Бросил бомбу,
Кинул дьявол,
Черный «мессер»-самолет.
Отработался,
Отплавал —
Кончил службу мотобот.
Черный дьявол разбомбил,
Мы поплыли
Кто как был:
Кто в бушлате —
Вот некстати! —
Кто в стальной,
Тяжелой каске;
Кто, израненный, в повязке.
Плыл с трехрядкой
Музыкант —
Без гармошки
Не десант!
Нам везло еще,
Славяне!
Хорошо, что бомба,
А не
Пулеметный:
В дополненье ко всему —
Загорай тогда в Крыму!
Хорошо, что день был летный,
Тихая волна,—
А не то бы всем
Хана...

2

Это врут, что неудобно
Моряку
На берегу.
Я ответил бы подробно,
Только время берегу —
Отвлекаться не могу:
Моряку
Не все ж купаться,
Надо спешно
Окопаться,—
Враз бандит
Разбомбит,—
По песку не уплывешь.
Пропадешь
Ни за грош...
Люди к берегу прибились,
Зацепились,
Укрепились:
Не стать
Привыкать
Хоть где
Под огнем высыхать,
На воде
Промокать.
Нет, нельзя сказать,
Что худо
Моряку на берегу.
Не ударил бой покуда,
Наш десант, назло врагу,
Просыхает,
Отдыхает,
Жизнь матросскую не хает:
Раньше сушится махорка,
Автомат,
Пять гранат,
А потом уж гимнастерка,
Ну, а после —
Бушлат...
Закурили. Меж народа
Разговор о сем о том:
Мол, дела такого рода —
Налицо у нас три взвода,

Утонул один —
Артем.
— Кто сказал, что Артем?
— Как такое — Артем?
— Объясни, друг, путем.
— Мы не басню плетем:
Очень просто — Артем.
— Да ты знаешь ли Артема?
— Имя вроде как знакомо...
— Ишь заладил: «вроде, вроде».
Да Артем один в природе:
Руки — во!
Ноги — во!
Нам куда до него:
Он, брат, в самой ледяной
Только ржет, как водяной.
У него, брат, как в рыбе —
Пузырь!
— Здешний, что ли?
— Да нет, брат,—
Сибирь!
— Да, уж если Сибирь —
Богатырь...
— Поглядел бы на грудь —
Жуть!
Ширь!..
Говорят, что просился на танки —
Не взяли — велик:
На торпедный такого
Нельзя ли? Велик!
Святогор!
— Ну, а кем был в гражданке?
— Шахтер.
— Ну, тогда, значит,
Да...
— То-то, брат;
Мало что говорят,
А не всякому верь!..
— Я-то что ж...
— То-то, друг.
Понимаешь теперь:
Семью семь раз отмерь,
А не то соврешь,
Да еще за двух.

Не узнал бы Артем,
Что болтают о нем...
— Повидать бы его.
Артема!
— Он небось давно уж дома,
То есть тут
Где-нибудь:
У него известный путь —
Впереди всего десанта.
Да спроси у лейтенанта...
— Вы, товарищи, о чем?
— Тут сбрехнули, что Артем...
— Эх, товарищи, нет, не брехня:
Он давно бы уж был у меня.
Жаль расстаться с героем таким.
Что ж — война. Не у тещи гостим.
Но, товарищи, имейте в виду:
Нет Артема, а я его жду!
— Может, ранен?
— Может, помощь нужна?
— Очень просто...
— Не у тещи...
— Война...

3

И пошел по взводáм пересуд:
Мол, Артем не пропал — где-то тут.
Будто ранен: нога иль рука.
Мол, беда уж не так велика.
— Что ж, поправится — явится. Да...
— А еще ему деться куда?
— Уж Артем — он придет завсегда.
— Без десанта — орел без гнезда...
Пущен слух от соседа к соседу,
По взводам провернули беседу,
Посвятили собрание вроде
На переднем краю, в третьем взводе.
Выступали там три краснофлотца.
Выступает один и клянется:
— Пусть волна черноморская знает,
Балаклавская чайка услышит
Моряка нерушимое слово.

Краснофлотец, он честь не роняет:
Он воюет, покудова дышит,
Мстит за друга свово дорогого...—
И второй поднимается следом:
— Говорю перед всем белым светом,
Что своей, этой самой рукою
Я фашизм навсегда успокою.
Пусть товарищ Артем это знает,
Пусть он рану свою заживляет...—
Третий друг на язык был не боек,
А сказал хлеще первых обоих:
— Мне бы только дойти до Берлину,
Я, мол, душу из Гитлера выну!..—
Ну, конечно, об этой беседе
Прописали во флотской газете.
А волна, говорить мастерица,
Обо всем рассказала сестрицам,
Да и чайка на всю Балаклаву
Раззвонила Артемову славу.
И братва, что с Артемом дружила,
Про товарища песню сложила
На старинный мотив черноморский
И на новый манер комсомольский:

«Матрос-черноморец, широкая кость,
В донецкой степи воевал,
И немец узнал краснофлотскую злость
И черною смертью прозвал.
С тех пор как закрылся знакомый маяк
Суровой донецкой грядой,
Никто не слыхал, как смеется моряк,
И молча кидался он в бой.
Он писем домой не писал никогда,
Как будто забыл о былом,—
Во сне ему снилась морская вода
И чайка махала крылом...»

4

Вот и выстоял
Советский
Сталинград, в конце концов:
Костью выстелил немецкой

Степь меж Волгой и Донцом.
Что касаемо суши —
Били немца «катюши»,
С неба действовали «ИЛы» —
Не давали рыть могилы.
А с Азовского и Черного морей
Фрица выжили еще того скорей...
Растянул свою трехрядку
Бородатый музыкант
На днепровском берегу,—
Далеко зашел десант.
И давай, назло врагу,
Отчеканивать вприсядку
Морячок третьева взвода,
Что тому назад полгода
Выступал хоть и не пышно,—
Что ж такого?
Зато коротко, и слышно,
И толково:
— Мол, дойти бы мне только до Берлину,
Я всю душу из Гитлера выну...—
А пока
Ноги ловко отбивают гопака.
Он еще разок притопнул,
Ползунком прошел в кругу
Да ладошкой в землю хлопнул:
Дескать, вишь, как я могу.
Бескозырочкой утерся и — шабаш.
— Бумажки дашь?..—
Оторвал клочок газеты,
Да размял, да свернул,
Еще глазом подмигнул,
И со всех сторон кисеты
Потянулись с табаком:
— Мастер топать каблуком!
— Молодец плясать Иван!
— Что ж ты хочешь? Ветеран!..—
А Иван сказал лениво:
— Это, хлопцы, что за диво?
Вот Артема бы сюда,
Это — да...
— Что, силен?
— Ох, силен!
Скажем прямо —

Чемпиён!
Впереди всего десанта...
Да спроси у музыканта...
— Вы, товарищи, о чем?
Об Артеме, наверно?
— О нем.
Расскажи нам, какой он, Артем.
Где он есть?..
— Да уж где-нибудь есть.
Дайте срок...
— Будет здесь?
— А то где ж?
Хоть на части его режь,
А не должен пропасть...
Надо думать, подлечился —
Догоняет нашу часть...
— Хорошо бы к нам включился!
— Ох, и зол на немца! Страсть...
— А пловец!
— А певец!..—
И, хоть в этой части мало
Оставалось стариков,
Про героя вспоминало
Племя новых моряков:
Говорили об Артеме
Даже чаще, чем о доме...

5

Не осталось у Артема
Никого. А ни-ни.
Батьки с маткой,
Сада с хаткой,
Ни жены,
Ни родни.
Это правда. В чем же дело?
Почему же то и дело
На Артема в штаб летело
То письмо,
То пакет,
То посылка,
То портрет?
Может, ветром с Черноморья

На долины и на взгорья
Занесло шум волны?
Может, в травы и дубравы
Долетел из Балаклавы
Местных чаек разговор?
Может, флотская газета
Раззвонила на полсвета
Про героя-старшину?
Кто другой,
Он ли сам
Партизанил по лесам?
Чайка — птица. Что ж такое,
Птица может петь всерьез,
Если в гости звал героя
Приазовский рыбколхоз:
— Если звали, если ждут,—
Значит, скоро будет тут!
Нам, друзья, признаться честно,
Достоверно неизвестно —
Жив Артем или нет.
Если помер, отчего же
Говорят одно и то же:
Жив Артем! Всюду след.
Есть в Крыму,
На Украине,
В Бухаресте
И в Берлине.
Жив Артем! Всюду след,
А у смерти
Следу нет...
Жив, а где —
Сказать не можем,
Только скажем:
Всюду след!
Руку на сердце положим
И заявим, положив:
«Верят люди?
Значит, жив!»

1943

ПЕСНИ О ПЕСНЕ

1

Полночь. Припрятав тяжесть и скорость,
В чаще акаций стоит бронепоезд.
Соловьиха колдует в ночи у железа
Над округлым нулем орудийного среза.
Удивительное, товарищи, дело:
Знатоки не слыхали, чтоб самочка пела.
— Это,— скажет знаток,— может, в сказках
бывает...—
И хотя знатока это с толку сбивает,
А она, понимаешь, поет-распевает,
Окончательно сумасшедшая птица!
Ишь ведь какая — нашла, где любиться.
А она выкликает такого же малого,
Голосит до надрыва сердечка усталого.
Сама от себя оглохла, болезная.
Сядь, поостынь — вот те крышка железная,
Такая надежная, такая прохладная...
Нет! Не унимается жалкая, жадная!
И не знает она — и нету ей дела,—
Что любовь ее в будущей зоне обстрела.
Не знает она — и знать-то ей не к чему,—
Что быть сему краю вконец искалечену,
Ведь она-то не угодит под картечину:
Соловьиное сердце — не чета человечьему.
А оно большое, дурное, томится:
Ишь ведь какое! Нашло, где любиться!
А оно и не радо тихому случаю:
Над будущим боем стоит, как над кручею,
Словно подернутое поволокой,—
Чуть слышно прощается с далью далекой,
Болит-замирает у самой у пропасти

И шага не ступит по тропочке робости.
А с виду совсем — бронепоезд в засаде:
Прячет скорость и тяжесть в железном наряде,
Бессловесно печалится, бессмысленно кается,
С глупенькой пташечкой перекликается...
Успокойся, постой, поостынь у брони,
У холодной брони, у природной родни!..
Так нет же! — ничем и никак не уймешь его:
Дай ему сразу же, тут же хорошего.
Дай ему на денек, на часок, на минутку,—
И пускай не всерьез, не взаправду,
а в шутку,—
Не пропасть, хоть притронуться к теплому
плечику...
Так ему и поверили, хмурому, злому
разведчику,
Что при всей его осторожности,
Переходящей границы возможности,—
Он околдован щебетом, чащею,
Ласковой майской листвой шелестящею,
Собственной кровью двадцатилетнею,
Первой любовью, а может, последнею,
Неизвестно кому предназначенной,
Не береженой, не траченой...
Как бы страсть эту выразить, вынести, вытрясти!
Нет в нем силы бывалой, ни злости, ни хитрости.
Нет! Не сладить ему с собою.
Бою! Бою! Единственно — бою!
Чтобы — черт с ним — черкнуть через тучу
ракетой
И погаснуть в ночи, соловьями пропетой...

2

Грустным сердцем и веселой головой
Знаю, чувствую, что я навеки твой!
Повстречались у развилки ста дорог —
Будто я тебя в засаде подстерег.
Подстерег, напал и сам уйти не смог
От холодной, нежной, маленькой руки...
Как всегда, всему назло и вопреки —
Вопреки моим желаньям, поперек
Всем надеждам, что лелеял и берег!..

Будь, что будет! Я хочу, чтобы сбылось!
Только выдерни гребенку из волос.
Дай поглажу. Или руку дай согреть.
И не надо недоверчиво смотреть.

3

Ему казалось, что она
Добрей и проще быть должна.
И, самого себя виня —
Ей надо много от меня! —
Он думал с горечью о том,
Что счастье любит светлый дом.
Готовый. Тут же. Чтоб не ждать.
Попробуй только недодать,
Обещанное оттянуть!
Любви не впрок тернистый путь...
Всем обещаньям вышел срок —
Попробуй отведи упрек!..
Он вспоминал:
                    она была
Сначала тем-то и мила,
Что не проста и не добра.
С ней не нужна была игра:
Тут предстоял опасный бой
И с нею и с самим собой.
Он вспоминал ее ответ
На просьбы, на угрозы:
                                        — Нет!..—
Проклятье! Он за ней бежал.
Он сам себя не уважал.
Потом решил: порву!
                              Не мог...
Он вспоминал, как под шумок
(Так звали мы бомбежку) он
Не подавлял невольный стон.
Он вспоминал до мелочей
Чередованье дней, ночей,
Жилищ, погод и непогод,
Любви неслыханный поход!..
В бою с ним был ее платок —
Он спирта огненный глоток
Кусочком шелка охлаждал.

Мы удивлялись: он блуждал
В своей любви простой, прямой,
Не доверяясь ей самой...
А был разведчик записной,
Неразговорчивый и злой.

4

— Товарищ, не надо! Со мной не шути:
Ты видишь — спешу я? Не стой на пути...
— Дружище, стыдись: ты солдат,
а дрожишь.
Скажи — от кого и куда ты бежишь?!
— Уйди и оставь меня в горе моем,
Мне только страшнее с тобою вдвоем...
— Тут что-то неладно, товарищ. Но я
Друзей позову. Эй, на помощь, друзья!
Смотрите какой! Никуда не уйдешь.
Все будет прекрасно — ты песню споешь...
— Печаль в моем сердце, и смутен мой ум.
Зови, кого хочешь, я буду угрюм...—
Друзья собрались, закипело вино,
Запел он...
Вот так бы и надо давно!

5

...Будто в буре есть покой!
Это верно сказано...
Руки в трещинах.
Лицо
Грязью перемазано.
В сорок первом,
В сорок пятом,
С телефоном,
С автоматом,
По волнам землетрясений,
По воронкам извержений,
С разъединственной постелью —
Перехристанной шинелью,
Да с подушкой деревянной —
Автоматной
Ложевой,—
Но, в конце концов, ребята,

Ведь живой!
Живой!
Живой!..
Ну, давай, земляк, закурим,
Перекурим по одной.
И затянемся, и бросим,
И друг друга не расспросим:
Как, да что, да кто такой?
Легче стало, и спасибо,
И опять — в дорогу,
Ибо
Только в буре,
Только в буре,
Только в буре
Есть покой...

6

Той ночи соловьиной
Три года с половиной.
Свою дурную канитель
Который день плетет метель,
Старинная знакомая:
Уж это значит — дома я!
А ну-ка рукавицей,—
Ведь ты не за границей! —
Живее щеки оттирай.
Здорово, тесный мой трамвай,
Подножка ледовитая,
Кондукторша сердитая!
А ну, засмейся срочно,
Сержант запаса!..
                    Точно.
Регулировщица небось?
Девчонка — оторви да брось.
— Вот черт! — смеется, окая.
— Все знаю, толстощекая!..
Привет, студент очкастый!
Мороженщица, здравствуй!
Хоть сорок градусов мороз —
На твой товар великий спрос...
Привет, стена кремлевская
И площадь Маяковская!

...Три года с половиной
Той ночи соловьиной.
Тогда еще не знал, кому
Шептал — люблю! — в ночную тьму,
С кем будет все поделено.
Тогда все было зелено,
Акацией повито,
Вокруг броней закрыто.
Не там, не в бронепоезде,—
Начало этой повести,
Но в том движенье сложном,
На том пути тревожном.
Но тот порыв,
Но та любовь
Из века в век,
Из крови в кровь
Текли, срастаясь руслами,
Роднясь, как руки с гуслями...

7

Он был разнообразно-одинаков —
Мой долгий мир походных бивуаков,
Мой верный спутник из страны в страну.
Он клялся мне:
— О, я не обману!
Без меры одарю тебя богатством огорчений,
Затем в крови твоей огонь последних увлечений
Костром неугасимым разожгу,
На свете нет того, чего я не могу!..
Он не подвел. Война меня пилила и сушила —
Быть может, только для того и влажности
лишила,
Чтоб сразу вспыхнуло, от искры занялось,
Со всех сторон в один пожар слилось.
Теперь мой с миром договор — на светлом волоске,
А сам он ждет меня, ворча, как море, вдалеке.
Неужто ради легких слез
Иль завитых ее волос
Он может стать отвергнутым и вдруг
Подвергнутым забвенью? Глупый друг!..
Кто виноват? Она иль я? Наверно, только я:
Я выдал тяжкий грохот свой за песни соловья.

Я это сделал — что она такая,
Ее восторгам вечно потакая,
Приняв свой отблеск почему-то за начало дня
И не подумав, что она — лишь искра от меня!

8

Ты начал бояться
Смешным показаться.
Ты хочешь идти на попятный?
Краснеешь, бледнеешь, и голос невнятный
Не выговорит извиненья —
Напрасно!
Напрасно ты ищешь спасенья.
Как нет оправданья
Строителю зданья,
Так нет архитектору слова:
Гостей с этажа на этаж, до восьмого
Тащить, объяснять им детали,
Хотеть, чтобы люди, как ты, увидали
Твой труд твоим собственным зреньем,
И вдруг,
заболеть подозреньем!
Внезапно,
Нечаянно
Вздумать отчаянно:
«Брошу я,
Брошу
Тяжелую ношу!..»
Ты с ужасом смотришь в серьезные лица,
Как будто твой дом начинает валиться.
И впору молиться,
Чтоб первым разбиться...
Нет! Я не поддамся! Безумье рассеется —
Я буду ссылаться на слабое сердце...
Нет, нет! Я не стану на слабость ссылаться —
Не надо бояться
Смешным показаться.
— Извольте, друзья, на девятый подняться!
На гребень девятого вала страстей
прошу
дорогих
гостей!..

9

Ее ли я, она ль меня понять не в состоянии?
Так что ж ты делаешь со мной на дальнем
расстоянии?
Нет радио, нет провода, нет писем по два месяца,
И я — совсем без повода — готов пойти повеситься.
Без писем по два месяца, без провода, без радио,
А я — опять без повода! — до дна души обрадован...
Откуда, черт возьми, несутся радости и горести
За трижды-тридевять земель на невозможной
скорости?!
В конце концов действительно остыть пора.
Так вот теперь
Не остываю! Не могу! Весна ли это? Оттепель?

10

Покой? Постой, постой! Что это значит?
Кто за меня всю жизнь переиначит?
Покой? Мне надо счастья, не покоя!
Покой! Постой! Я знаю, что такое:
До гроба от мальчишеской рогатки —
Предположенья, смутные догадки,
Вокруг да около извилистые тропки,
Периодически — то нежности, то встрепки.
Подсчет потерь.
Потом одни потери.
И, наконец, таинственные двери
В так называемое небытие.
И жаль кончать нам странствие свое!

11

...Но если б вдруг сказали: «Нет
Чередованья зим и лет.
Берите что-нибудь одно!»
Нам было бы не столь чудно,
Как если б наша жизнь была
Подобно глобусу кругла —
За годом год, за годом год
В одних узлах широт-долгот...

Бродяжьи дрожжи в нас, видать:
Попробуй, вожжи нам не дать,
Лишить езды во весь опор
Под колокольный перебор.
Ну, что ж! Характер наш таков:
Всей статью в предков-ямщиков —
Саженью плеч, копной волос,
Любовью к песне, злой до слез,
К земле, деревьям, городам,
К веселью, дружбе и трудам,
К веслу, штурвалу, рычагу,
К прыжку —
хоть в прорубь,
хоть в пургу,
Хоть под воду,
хоть в облака,—
Но лишь бы правила рука!
Необходимо ямщику,
Чтоб ветер леденил щеку,
Чтоб горизонт был весь открыт.
И пусть в лицо из-под копыт
Стреляет ледяной горох
Скрипучих мартовских дорог!
Чтоб уставать,
так уставать,
Но только не переставать —
Давай-давай!
эгей-эгой! —
Ловить звезду своей дугой...

12

Чего искать в геральдике моей?
Не знатен я, не голубых кровей.
Я, впрочем, счастлив, что в моем роду
Нет повода к фамильному стыду.
Спасибо дедам — не щадили рук
В безвестности, чтоб стал известен внук
(Пусть предки и не думали о том),
Совсем иным занявшийся трудом.
Он бродит, этот странный человек,
По берегам невавилонских рек.
Ему Сибирь мила, а не Ливан.

Ему враги кричали: — Эй, Иван! —
Не отщепенец, не изгнанник он,
Не Чайльд-Гарольд, не Чацкий, не Язон.
Он не мечтал о Золотом Руне,
С друзьями сидя в танковой броне,—
Вдыхали отработанный бензин
Узбек, татарин, русский и грузин;
Одно вино сдружило их навек:
Соседство смерти и железный бег.
Увидеть Родину они мечтали все —
Увидеть милую во всей ее красе!
Возлюбленная наша сторона,
Ты нам дороже всякого руна!
В железе мчась по мертвой полосе,
Мы, как молитву, повторяли все:
— Носи нас дальше на своей груди!
Улыбкой материнской награди!
Доверь носить твой цвет,
твой герб,
твой флаг!
Доверь вкусить твоих несметных благ!
Солдаты мы. Когда окончим бой,—
Всех надели особенной судьбой:
Всех возведи в сан Рыцарей Труда!
Ты слышишь нас?..
Мы брали города,
И грому фронта отвечал всегда
Твой гул приветственный, ты говорила:
«Да!»
Из многих рек родства в меня влилось
То самое, что жесткостью волос
И цветом глаз и вырезом ноздрей
Всем говорит: — Смотрите, вот еврей! —
Однако пресные теченья рас
В густо-соленом океане масс
Теряют форму русел вековых —
Их просто больше нет как таковых.
Тавро библейства в профиле моем —
Инерция природы, не прием.
Еще до ученических азов
Меня пленил варнацкой песни зов:
Он душу мою не баюкал, толкал
в славное море,
в священный Байкал...

13

Согласно медленной своей повадке —
Под мокрым зонтиком в одной перчатке —
Идет за окнами весна...
Когда-то сам себя я отрывал от сна:
Бежал встречать тепло, усталый.
И снег топтал, бесцветный, талый,
И слушал паровозный крик.
Тогда мне было не до книг —
Их безотказность утомляла.
Бывало, сплю без одеяла.
Захолодев к утру, как лед,—
Проснусь — а с крыши так и льет!
Не знал, не думал я в ту пору
О том, как тяжело шоферу
В несносной мартовской грязи,
Когда — проси, кляни, грози —
Он бездыханен, будто мертвый,
В своей кабине распростертый,
И трубам Страшного суда
Не разбудить его тогда...
Узнал я феврали и марты
Во времена военной карты —
Встречал в степи и в городке,
Под артогнем накоротке.
Бойцы, в ушанках, в полушубках,
В машинах плыли, как на шлюпках.
И тоже было не до книг,
Когда вода за воротник...

Опять, опять метель раскуривается —
Ни дать ни взять, весна придуривается!
Теперь она тревожит рану
Полуседому ветерану.
Теперь она сменила нрав —
Стучит в окно, как телеграф.
Как бы из уст, холодных, мокрых,
Несется паровозный окрик:
— Ауу!
Ауу!
        Ты жив, солдат?

Вставай, как десять лет назад,
Встречай любовницу свою.
Ауу!
Ауу!.. —
И я встаю.

14

Никого не обездолю:
Пусть вернется пахарь к полю,
Сталевар — опять к мартену,
А певец — к себе на сцену...
И пускай на поле брани,
На вчерашней смертной грани,
Зреют всходы ячменя —
Будет пиво для меня!
Пусть бурлит в огнеупоре
Металлическое море,
В переплав идет броня,—
Будут перья для меня!
Грянем кубком в кубок пенный
За вчерашний день военный,
За минувший, незабвенный,
Жаркий, необыкновенный!
За железный дом вчерашний —
С броневой стеной и с башней!
За сраженья на Дону
И за нашу седину!..
В пенный кубок кубком грянем —
В честь солдат погибших встанем...
Словно почка, зреет слово
На конце пера стального.
Ох, как я его лелею!
Солнцем сердца нежно грею,
Лишний лучик не пущу —
Очень бережно ращу.
Ах, не так, наверно, надо!
Грубой ласке слово радо:
Ишь ворочается в строчке,
Будто хмель в дубовой бочке,—
Не цветочек в тонкой почке,
Не рожденное в сорочке,—
Хочет лечь под нож и молот,

Испытать огонь и холод,
Чтоб когда на свет родится,
Хоть куда могло годиться:
Хочешь — в кузнице трудиться,
Хочешь — в бой, с врагом сразиться!..

Я к перу, как пахарь к полю:
До упаду, лишь бы вволю!
Как его творец — к мартену,
Как певец — к себе на сцену:
Пусть смычок струну целует
И пускай оркестр ликует,
Всею медью труб звеня.—
Будет песня,
                    будет песня,
                                        будет песня
Для меня!

1946—1947

СОЛДАТСКАЯ ДОЙНА

Мафтеуца, крестьянин дубоссарский,
А потом солдат морской пехоты,
В тыща девятьсот сорок четвертом
Ранен был в районе Сандомира.
Из тамбовского госпиталя вышел,
Опирался на березовую клюшку,
А когда подходил к вокзалу,
Кто-то крикнул ему по-молдавски:
— Буна зыуа! Здоров, Мафтеуца!..

Это был земляк-дубоссарец,
Сын Андрея Кетрушки — Трифон.

Э-ге-ге! Обнялись два солдата
И в саду, за товарной конторой,
Постелили под липой шинельку —
Фронтовую заветную скатерть.
Тонким ножиком Трифон порезал
Полбуханки, а на закуску
Вскрыл помятую банку консервов.
А потом вытрясали до капли
Земляки трофейную баклажку;
Поделили ее честь по чести
В три посудины разного калибра:
В алюминиевый бритвенный тазик,
В колпачок зенитного снаряда
И в бумажный кулек-самокрутку,
Что поднес третий молдаванин,
Появившийся неведомо откуда,—
Там, где есть хоть два дубоссарца,
Непременно найдется и третий!

Это был Никола Афтений,
Человек громадного роста
И такого же аппетита,
Так что можно считать за двух сразу!

Все Афтении спокон веку
В Дубоссарах копали колодцы,
Мафтеуцы сады сажали,
А Кетрушки делали бочки
И считались также мастерами
Кузнечного и плотничного дела.
Все имели детей помногу,
Все трудились с утра до ночи.
Жены им варили мамалыгу
Да холсты на рубахи ткали —
Очень прочные были рубахи...

С той поры, как днестровские воды
Перестали считаться границей,
Как проклятое барство-боярство
Реже стало поминаться даже в дойнах,—
С этих пор пошел на поправку
Дубоссарский бедняк-крестьянин,
Работяга неутомимый,
Весельчак и певец природный.
А поскольку все молдаване
И рождаются и умирают
Под зеленым листом винограда,
Много ль крепкой водки им надо?
Если выпьют, то меру знают.

Полбуханки товарищи съели,
Полежали на мятой шинели,
Да еще под липой душистой,
Густолиственной и ветвистой,
Многолетней и толстокорой,
Что растет за товарной конторой.

Вот под этим деревом старым
Им взгрустнулось по Дубоссарам.
Стали петь они первоначально,
Как положено в дойне, печально,
А потом веселей, веселее —
О лукавой женке-фемее,

Про шкодливую кошку-мыцу,
Про влюбленного Георгицу:

«Как пошел, пошел в солдаты
Георгица, мэй!
Из родной отцовской хаты
Георгица, мэй!..»

Маневровые паровозы
Прерывали песню гудками,
От конторы неподалеку
Энский танковый полк грузился:
Здоровенные парни с громом
Заводили «тридцатьчетверки»,
И по толстым дубовым трапам,
Извергая дымные тучи,
Заползали на спецплощадки,
И, подвигавшись, вдруг смолкали
Усмирившиеся вулканы...

Так на смену железному гулу
Вновь являлась песня человечья —
Не о смерти злой, беспощадной,
Не о скуке-разлуке досадной —
О кудрявой лозе виноградной,
О заре августовской прохладной.
Не о поле, войной опаленном,
Развороченном, окровавленном,
А о поле мирном, зеленом,
Теплым майским дождем окропленном,
С чабаном, в Мариору влюбленным.

Так солдаты пели. Уж смерклось.
Огоньки на стрелках не горели.
Лишь, не подчиняясь затемненью,
Первая звезда вверху дрожала,
И казалось, песня провожала
Эшелон военный в наступленье,
На далекий запад, в ту сторонку,
Где ночная желтизна — остаток
Майского спокойного заката —
Радужно переходила в зелень,
А потом синела и чернела.

Так боролся с тьмою свет,
Песня — с громом, мир — с войной,
И на все ложился след
Этой музыки двойной:

«Лист зеленый винограда,
Георгица, мэй!
Мариора другу рада,
Георгица, мэй!..»

Там, где трое поют, и четвертый,
И четвертый молчать не хочет.
Поглядите — рот открывает,
Даже если песни не знает,
Даже если голоса нету.
И хоть выпита вся баклажка,
И не только в рот не попало,
Но усы остались сухими,—
Песня досыта всех накормит,
Утолит бездонную жажду.

Был четвертый певец в бушлате,
В черной форменной бескозырке,
Звать Арсений, Турков по фамилии —
Комендор советской флотилии.
А в «гражданке» работал Арсений
Стволовым в Кузнецком бассейне.
Прозывали его «Речистым»
За всегдашнюю молчаливость —
Слово в день, и то через силу,
Скажет басом: — Есть! — или: —
Точно! —
И на сутки закроется прочно.

— Ну,— отметят ребята,—
задраилось...—
А вот петь ему очень нравилось.

Так и тут с тремя молдаванами
Пел согласно матрос и при случае
Покорял природными данными
Молдаванские души певучие.
И сдружились за песней друг с дружкой:
Подружились Речистый с Кетрушкой,

С Мафтеуцой, с Николой Афтением,
Дубоссарцы же, без сомнения,
Полюбили, как брата, Арсения
И просили:
— А ну, давай еще
О войне, о друзьях-товарищах,
О землянке, о зимнем холоде,
О матросском любимом городе...
Будем живы — приедешь в Молдавию.
Попоем и попьем во здравие.
А дела у нас будут серьезные —
Заведем мы порядки колхозные.
В этой части ты парень опытный.
Как у нас говорят, «натоптанный».
А земля у нас плодородная,
Под любую растительность годная:
Хоть бы что-нибудь, скажем, кнут,
воткнуть —
Через год, глядишь, деревцо по грудь!
Приезжай, матрос! Будем ждать, матрос!
В свой час и у нас расцветет колхоз...

Ночь постукивала эшелонами,
Скоростными, утяжеленными,
Ночь покрикивала паровозами,
Пахла липами да березами.
И казалось, везут паровозы май
На далекий фронт, на передний край,
И, крутя по бокам шатуны поршней,
Все республики мчатся к сестре своей,
К разоренной земле молдавской —
На поддержку мечте солдатской...

1950

КАЛКАТИНЖЕ

1

Лук, зеленое перо,—
Всенародное добро.
Лук растет на вольной воле,
На большом колхозном поле.
Много раз его пололи,
Чтоб как следует созрел,
Чтоб качался стройный, чистый,
Изумрудно-шелковистый
Миллион зеленых стрел.
Он растет, не зная мук,
Нашей сытной пищи друг.
Все заботятся вокруг,
Чтоб его не тронул жук
И не выжгла бы жара
Изумрудного пера.
А чтоб цвет его зеленый
Не померк и не пожух,
Год не спал один ученый
В Академии наук.

Лук отобран, лук провеян,
В землю вовремя посеян,—
Сколько добрых глаз и рук
Берегут колхозный лук!
А пока растет он, зрея,
Наливаясь, зеленея,
Это поле сторожит
Калкатинже-инвалид.
Храбрый воин, молдаванин,
Он в Германии был ранен,
Заслужил себе покой,
Да характер не такой:

С детства он привык трудиться,
На печи ему не спится,
Сердце ноет и болит —
Жить без дела не велит.
Калкатинже без работы,
Без какой-нибудь заботы —
Настоящий инвалид.

Он бы лодыря и вора
Расстрелял без разговора.
— Хуже нет для нас позора,—
Калкатинже говорит.—
Чтобы сердце не болело,
Дайте мне любое дело.
Ведь покуда ходит тело,
Человек — не инвалид.
Вы солдату верьте смело:
Что вручите — будет цело,
Калкатинже сохранит,
Не проспит, не проворонит,
Честь колхоза не уронит.
Пальцем враг добра не тронет,
Ибо в случае чего
Калкатинже пулю вгонит
В душу черную его!

Вот на том и порешили —
Лук солдату поручили:
«Пусть посевы сторожит
Калкатинже-инвалид».

Взял солдат ружье в конторе,
Ватник в скатку закатал,
По дороге зашагал
Все вперед, вперед и вскоре
Свой участок увидал.
На колхозном чистом поле
Лук растет на вольной воле.

Наш солдат не так уж прост —
Выбирает с толком пост.
Осмотрелся по уставу:
Что — налево, что — направо,
Впереди и позади,

И в простреленной груди
Что-то сразу потеплело,
Встрепенулось и запело,
Как молдавская весна.
Вот и место есть для сна:
С кроной царственной и темной
Ствол ореховый огромный.
Сверху небо — синева,
А вокруг шумит листва.
Тут, в ореховой тени,
Солнца нету, а ни-ни.
И вдобавок то приятно,
Что в такой тиши прохладной
По причине непонятной
Нет ни мух, ни комаров.
Если ж век твой был суров
И протек в тревоге ратной,
То в прохладе ароматной
Вечно будешь жив-здоров.
Свей гнездо между ветвей
И живи, как соловей.

Только, сидючи на ветке,
Помни, друг, что ты в разведке:
Хоть тебе под шестьдесят —
Пусть глаза твои не спят,
Зорко смотрят влево, вправо.
Под тобой — твоя держава.
Береги колхоза честь,
Знай в округе все, что есть:
Виден справа шест колодца,
Виноград левее вьется,
А подальше, где бахча,
Ручеек, бежит, журча.

Наблюдай, солдат, вокруг,
А всего первее — лук:
Не чужой, заокеанский,
Не французский, не испанский,—
Свой, советский, молдаванский,
Сортовой колхозный лук!
Не сдавайся сну ночному —
Отдохнешь, дружище, днем:
Ведь на смену часовому

Мы, колхозники, придем.
Нет почетней этой жизни,
Калкатинже — патриот.
На посту до коммунизма
Он, конечно, доживет.

2

Лист осота, стебель колкий,
Он торчит в земле без толку,
Жадный корень сорняка —
Словно чертова рука.

Как за морем-океаном,
За соленой за водой,
Угрожая мирным странам
Разореньем и бедой,
Черный Дом стоит большой.
Там, в подвале потаенном,
Толстой броню защищенном,
Злобной стражей огражденном,
Уж который кряду год
Затевается поход.
По указу богатеев
Здесь муштруют полк злодеев,
Привлекли профессоров
К обучению воров.
Тут же химики сидят —
Фабрикуют новый яд.
Тут бандиты инженеры,
Негодяи свыше меры,
Вместе выдумать хотят
Вредоносный аппарат:
Чтоб удобен был и мал,
Чтобы все подряд взрывал —
Поезда, мосты, постройки,
Топки, шахты и котлы,
Трактора, электродойки,
А садовые стволы
Превращал бы в горсть золы.
Тут подлец из подлецов
Инструктирует лжецов,
Как соврать ловчей и хлеще...

Словом, вот какие вещи
Затевают в доме том
Под названьем «Черный Дом».
День и ночь кипит учеба
Поджигателей войны:
Тут сплелась с наукой злоба,
Тут богач с бандитом оба
Судорогой сведены,
Будто зубы сатаны.

И хозяевами нанят
Некий мистер за харчи.
Он одним лишь только занят:
Чтоб жирели богачи.
Он готов миллионерам
Всю Америку скормить,
А Европой закусить.
Он привык любым манером
Прочим мистерам и сэрам
Ноги мыть и воду пить.
Пес хозяевам послушен,
Он заботами иссушен:
Как получше услужить,
Чем господ вооружить,
Чтоб могли спокойно жить.
Потому-то должен быть
Целый мир кругом разрушен,
Ясный свет наук потушен,
А огонь один лишь нужен —
Чтоб костер войны разжечь,
Чтоб мильонам молодежи,
Старикам и детям тоже
В землю выжженную лечь...

Он не зря пером царапал,
Этот мистер, целый год:
Зверский план бандит состряпал
По заданию господ.
«Разослать по всем маршрутам
Поджигателей войны.
Где удобно — с парашютом
Гады выпрыгнуть должны,
Где проплыть, скрываясь чисто,
В бочке, в ящике, в мешке».

Вот какую штуку мистер
Выносил в своей башке!

Мистер кнопку нажимает.
Гад вошел. Слегка хромает.
По команде «смирно» стал:
— Как дела?
— Экзамен сдал.
Все отличные отметки:
По шпионству, по разведке;
География — на пять.
Фотография — на ять...
— А по части языка?
— Тройка с минусом пока.
— Ничего. Сойдет и тройка.
— Я свободен? —
— Нет, постой-ка.
Карту видишь? Тут река.
А вот тут большая стройка.
Как? Взорвешь? —
— Наверняка!
— А Молдавия знакома?
— Вот вопрос! Я там — как дома.
— Есть поместье?
— Счеты есть...
— Не задерживайтесь!
— Есть...

3

Лист зеленый винограда...
Вышла на поле бригада —
Вдоль по берегу Днестра
Люди тянутся с утра.
Как приятно Иленуце
Править, стоя на каруце,
Парой медленных волов
Среди сливовых стволов!
За Иляной тем же часом,
Чистым воздухом дыша,
Мафтеуца с Барбурасом
Поспевают не спеша.
Вот идет седобородый

Мош Ион с соседом Кодой,
И не скажешь, кто стройней!
Им вдвоем годов за двести,
На печи б сидеть им вместе,
А у них, сказать по чести,
По столько же трудодней!
Тишина. Река струится.
Меж зеленых берегов,
В омутах спокойно спится
Поколению сомов.

1951

ТУТ И ТАМ

1

И тут сады,
И там сады.
И тут и там —
Молдавия.
И тут,
У самой у воды,
И там,
У самой у воды,
Видна полоска гравия.
И там и тут
Советский люд.
И там и тут
Колхозный труд.
Есть Дубоссары там и тут —
Там Новые,
Тут Старые.
Но если праздник —
Там и тут
Кричат баяны ярые.
Но если там и в бубны бьют,
Зато играют в трубы тут.
Однако же и там и тут
Из-под платков глаза цветут,
Веселые,
Лукавые,
Зеленые
Да карие.
Да как зальются-заведут,
Ну, просто парни так и льнут,
Высокие, поджарые!

2

Когда весенняя пора —
На левом берегу Днестра
Все тракторные станции
Настраивают рации.
Матяш, районный агроном,
С Москвой часы сверяет,
А в это время за окном
«Победа» ожидает.
И на своей волне Матяш
Командует и правит:
Его зеленый карандаш
На карте птички ставит.
Сердито глядя в микрофон,
Он говорит кому-то:
— Прошу учесть, что весь район
Начнет через минуту...—
Вот он идет к машине.
Сам
Садится за шофера,
И в этот миг по всем полям
Заводятся моторы...

3

Пришла осенняя пора,
Ночами нету месяца,—
На левом берегу Днестра
Все окна ярко светятся.
В левобережье этот свет
Ничем не замечателен:
Там добрых три десятка лет
Любой мальчонка-шпингалет
И даже самый древний дед
Знакомы с выключателем.
Там бьет огнями в небосклон
Турбина многосильная,
А тут невольно клонит в сон
Посудинка фитильная.

Давно ли правый чуть мерцал
Пещерными светильнями?

Давно ль от робкого светца
Казались замогильными
Усталые черты лица
Не только деда и отца
С плечами воина-борца,
Саженными, двужильными?
И кто из темноты двора
Не видел свет из-за Днестра?
А как хотели все сердца
Стать смелыми, стать сильными!
Наш негасимый свет блистал,
Сияя доброй славою,
И долгожданный час настал,
Когда народ единым стал,—
Как будто руки развязал,
И левую,
И правую!

Два берега, две стороны,
И левая и правая,
Как две руки, в труде сильны:
И тут и там —
Молдавия.

4

Вот я иду по всем местам,
Где воевал когда-то.
А воевал я тут и там
И по обоим берегам
Прошел путем солдата.

Кто видел, как стволы садов
Тесал чугун шрапнельный,
Как умер урожай плодов —
Его за несколько часов
Убрал огонь прицельный,—
Как падала под образа
Седая молдаванка...
Как гибла нежная лоза
Под гусеницей танка?..

5

...Вот этот берег,
Этот сад.
И вот ракиты эти.
В Днестре,
Как десять лет назад,
Рыбачьи мокнут сети.
И день такой же,
Не померк,
И так же громыхает.
Мой друг Кетрушка смотрит вверх
И головой качает.
— Не будет,— говорит,— дождя,
Обходит стороною...—
И строго смотрит на меня,
Как будто в чем-то грешен я
И дождь задержан мною.

А туча по небу идет,
Как в сказке о Салтане,
Протяжный рокот издает.
«Куда и кто ее ведет?» —
Гадают молдаване.
Черна, громадна и грозна,
Видать, водой полным-полна,
Уж так сильна,
А не вольна
Открыть резервуары.
Какого дьявола она
Обходит Дубоссары?!
Вот растянулась над Днестром,
И все как надо — пыль да гром.
Вильнула палевым бедром
Над правым берегом.
                                        Потом,
Смеясь над нашим гневом,
Рассыпалась... на левом!
А нам достался дальний залп.
— Не туча, а вертушка.
Везет «Котовскому»! — сказал
Завистливый Кетрушка.—
Все им да им,— продолжил он.—
У них и дождь со всех сторон,
И то у них, и это.

А почему такой закон? —
Спросил мой друг, повысив тон,
И сделал вид, что возмущен.

Но сторож сельсовета,
Знаток законов,
Дед Ион,
Ему ответил:
— Дело в том,
Что наш колхоз не укрупнен,
Но мы котовцам нос утрем
На будущее лето...

Тем временем грозовый фронт
Перевалил за горизонт,
Ушел на Украину.
И стало тихо.
Только вдруг —
Тяжелый гул, знакомый звук:
В саду взорвали мину.
Мы вздрогнули, и первым дед
Из нас троих очнулся.
— Прошло,— сказал он,— десять лет,
И, значит, Гитлера скелет
В земле перевернулся...

6

Зашевелились поплавки
Кетрушкины и дедовы.
Схватились с места рыбаки —
Уж некогда беседовать.
Я перестал быть москвичом
И, в руки взяв удилище,
Хотел взмахнуть им, как бичом,
Но рыбка знала, что почем,—
Видать, трофей наш был учен
В подводном их училище.
Кетрушка, я и дед Ион
Едва управились втроем
С полупудовым усачом
И, в погребке сойдясь потом,
Дивились рыбьей силище!..

7

Моя хозяюшка Агафья!
Тебе и мужу твоему
Всю жизнь хотел бы помогать я.
Да чем же? Как же? Не пойму.

И я, на вас с любовью глядя,
Смущенный в глубине души,
Себя кольну: «А что ж ты, дядя,
Царапаешь в своей тетради —
О них попробуй напиши...»

Я жил у вас. Мы вместе ели —
Петух нас всех сзывал к столу,—
И стены в доме розовели.
Потом и дом и двор пустели,
А я писал в своем углу,
И вкруг меня ковры пестрели,
Полынь лежала на полу.
Еще какие-то коренья
Благоухали целый день,
И на мои стихотворенья
Ложилась абрикоса тень.
Вся утварь в доме, все убранство
Являлось делом ваших рук,
И все за стенами пространство,
И ночью лунный желтый круг.
Наверно, даже эту краску вы
Придумали на радость мне —
Густо-лазоревую, ласковую
В квадратном крошечном окне...
И вот пишу. Не просто так,
Не ради развлечения —
Лишь то, что дело, не пустяк,
Беру в стихотворения.
Где надо, приплету лозу,
Где надо, приведу грозу,
И рыбу, без сомнения,
Не только для сравнения.
Ведь из людей, из рыб, из гроз,
Не шутки ради, но всерьез,
Но с дружбой и с любовью
Сложу я песню про колхоз,
О счастье Приднестровья.

8

Сейчас дождей все лето нет,
И режут землю трещины,—
Пройдет совсем немного лет,
Излишек туч наш сельсовет
Запросит из Одесщины!
Еще сильны болезни тут,
Бывают неполадки,—
Пошлем людей в мединститут,
Построим детплощадки —
Пусть кадры новые растут,
Хозяйкам в кухни газ дадут,
С Днестра им воду подведут —
И будет все в порядке.

9

Мне кажется иной порой,
Что, например, под той горой
Я вижу черную траншею.
Но только ближе подойдешь —
Окопа нет, а это рожь.
Еще шагнешь — щекочет шею
И шелестит: «Смотри, как спею,
Как час от часу хорошею.
Уж близок день — склонюсь под нож,
А ты мой колосок возьмешь
Рукой хозяйственной своею,
Пошелушишь и разотрешь,
Надкусишь зернышко, сочтешь
И скажешь: — Урожай хорош...»

1951

ДЕВЯТЫЙ ВАЛ

Признаться честно: не для этой встречи
На юг Донбасса вынесло меня,
В заводский двор, где знойно пышут печи,
Где серый кокс выходит из огня.

Обуты деревом, в брезенте, в мокрых шляпах,
На раскаленных крышах батарей
Стоят рабочие, вдыхая серный запах,
Покуда кран колдует у дверей.

Клубится пар над башнями тушенья,
Журчат в градирнях вечные дожди.
Есть в этих звуках что-то от внушенья:
«Зачем спешишь? Послушай. Погляди...»

И вот, взирая на сплетенье трубок,
К паденью капель ухо приклоня,
Я словно выпил вдохновенья кубок
На производстве среди бела дня...
Мычал и пальцами вертел. Конечно,
Кто усмотрел бы в том дурную цель?
И люди отнеслись ко мне сердечно:
— Глотнул газку, а это тот же хмель.

Доверчиво и без сопротивленья
Кивком я разрешил себя вести,
А в голове уж было два сравненья.
Пока дошли, их стало до шести.

Потом наверх меня ввели по трапу,
Смочили темя и давай трясти.
Потом ладонь моя попала в лапу,
Коричневую, плотную, в шерсти.
Я на нее воззрился, узнавая
Приметы, мне знакомые вполне:
Попробуй вырвись — хватка фронтовая! —
И якорек на тыльной стороне.

Еще от богатырского пожатья
Моя рука не перестала ныть,—
Сообразив, что не хочу сбежать я,
Моряк откашлялся и начал говорить:
— Недоработка получилась с вами...
Придется разобраться, кто вы есть...

Он прозой, стало быть, а я ему стихами.
И все сравненья разом — целых шесть!

«Еще не все,— подумал уголь,
Когда попал на Коксохим.—
Стянули ребра мне подпругой:
А ну, скачи и будь сухим...»
Газопроводы пили жадно
Его природный черный дух.
Бетоном стиснутый нещадно,
Он стал, как порох, сер и сух.
Когда ж в огне он взвыл: «Истлею!
Уж все во мне давно мертво...» —
Коксовыталкиватель в шею
Из печи вытолкал его.
Пошел он в башню для тушенья,
Отплевывая жар и дым,
И там, в порядке утешенья,
Размок под душем ледяным...»

Я всей рукой, от кисти до предплечья,
Читая это, яростно рубил:
Начав атаку залпом красноречья,
Я слушателей жестами добил.

Но вот они очнулись понемногу,
Пришли в себя, и раньше всех моряк.
Пытаясь скрыть законную тревогу,
Пробормотал он: — Ишь ты, значит, как...

И вот сидит он в синенькой спецовке,
Смешной толстяк с ладонями бойца,
И полчаса в моей командировке
Не может разобраться до конца.
А мне, признаться, было не до смеха —
Шутить, как видно, не любил моряк:
Дощечку с надписью «НАЧАЛЬНИК ЦЕХА»,
Входя, я видел на его дверях.

Он ничего не говорил. Я тоже.
Все разошлись. Остались мы вдвоем.
Как объяснить, что стал он мне дороже,
Чем все другие на пути моем?
И стыдно мне, что по соседству где-то
Заранее намеченный герой
Останется за флагом, не задетый
Хотя б одной, хотя б шальной строкой.
И только что подумал, как шальная
Уж просится на вылет из ружья.
И снова закружилась, как хмельная,
Отчаянная голова моя...

Поздней моряк рассказывал, что сразу
Сообразил, что я ищу чернил.
Он даже точно повторил мне фразу,
Которую я первой сочинил,
Что ни при чем тут мариупольское лето,
Что я не пьян, не угорел, не псих:
Впервые в жизни видел он поэта,
И на его глазах рождался стих.

Он засмеялся, отдал мне бумажку —
Так и не понял, для чего она,
И посоветовал: — Смените-ка рубашку,
Уж больно, понимаешь ли, грязна.

Небось полдня валяетесь на пляже,
А постирать бельишко нездоров.
Когда б вы были в нашем экипаже,
Я вас не допустил бы до котлов.
Пускай у нас не главный цех завода,
Бо люди кажуть — це подсобный цех.
Но В КОММУНИЗМ ЧУМАЗЫМ НЕТУ
ВХОДА,

Так подывытесь, хто тут чище всех?
Чи тут було труднише та найгирше,
Чи там? — Он покосился на окно.—
А я скажу: про нас пишите вирши,
Про нас картины ставьте у кино,
Про нас! — воскликнул он, простерши руку.—
Про кочегаров, если вы поэт.
Вот мне бы, друг, иметь твою науку.
Так нет же... бога. И таланта нет...

Моряк устал от этой, без сомненья,
Длиннейшей изо всех его речей,
Притом не занимал он вдохновенья
У нас, у стихотворцев-москвичей.

Ах, если б все вникали в наше дело,
Как вы, по-флотски честно, всей душой!
Ведь я не прочь, чтоб мне от вас влетело
За вымысел, хотя и небольшой,
Но лично вас касающийся. Впрочем,
Я истину, как мог, отобразил:
Старался быть яснее и короче
И не сумел. По недостатку сил.

Я отвечать готов за увлеченье,
Необъективность и упрямый нрав.
Но голову даю на отсеченье,
Что, вас избрав, я в самом главном прав.

Товарищ старший лейтенант запаса!
Я вас не сочинял, не создавал:
Вы были для меня морская соль Донбасса,
Его прибой, его девятый вал.
У вас, товарищ судовой механик,
Тяжелая матросская рука.
Стальной брусок, а не медовый пряник,
Вы созданы на долгие века.
Вы поняли призванье кочегара,
Вы подняли его святую честь,
Сказали: — Так держать давленье пара! —
И сами первый отозвались: — Есть...

Сейчас, когда пишу я эти строчки,
Сентябрьский день вступил в свои права,

Деревья прячут желтые листочки —
Не поддается старости листва.
По радио — передовая «Правды». Восемь.
Окно распахнуто, и на букет цветов
Пчела садится. Что ж такого — осень.
Для всех и каждого — пора трудов.
Все старшие в степи. Ребята в классе.
В моем распоряженье целый дом.
Я у стола, а мой герой в Донбассе.
День начался. Все заняты трудом.

1961

СЕРЕНЬКИЙ КОЗЛИК

(Анжейская идиллия)

Мало понять, оценить или взвесить
То, о чем хочется мне рассказать.

Были у бабушки козлики. Десять!
Десять животных — детишки и мать.
Все это стадо ютилось в землянке,
Бабушка тут же, в землянке, жила...

Жили же люди в окопах и в танке,
Делали даже большие дела,
Подвиги там же они совершали —
Их орденами за то награждали,
Жизнь их ложилась и в песню и в стих.
Впрочем, сейчас о другом, не о них.

Бабушка козликов очень любила:
На ночь в землянку с собой уводила,
Чтобы волкам не мозолить глаза,
Лисам, вернее,— откуда тут волки?
Любят в деревне балачки да толки,
Мало ли брешут — не всякому верь:
В наше-то время повывелся зверь,
Даже в Молдавии нет их теперь,—
Всех распугали «Победы» да «Волги».
Всех разогнали. Да только не лис:
Этакой дряни у нас завались!
Некуда кур заховать от бандиток.
Был бы охотник. И есть, да дурной:
Все не проспится, какой-то смурной,
Только и моды, что хлещет напиток.
Слишком силен в рыбаках пережиток.
Слишком большой интерес до питья.

Наш-то стрелок-то решил похмелиться —
Пропил ружье, а сознаться стыдится.
Днем по селу промышляет лисица,
Чует нахалка, что нету ружья...

Рано, чуть свет, подымалась семья.
Первым вставал хулиган петушище:
Пламенный гребень прижав к потолку,
Звучным пером осеняя жилище,
Он извергал свое кукареку.
В погребе кто ж воспевает зарю,—
Вздор! По куриному их словарю
Это мольба о какой-нибудь пище
(Я, например, натощак не курю!).
В пору, как был он желтком и белком,
Не развивался в нем дух благородный,
Свойственный линии чистопородной
Белых леггорнов. Не ведал о том
Злой и коварный, как змей подколодный,
Сын инкубатора, вечно голодный,—
Добрую бабушку мучил злодей.
Все поклевал: на окошке замазку,
Жестких бычков несъедобную вязку,
С чувством злорадства — яичную краску,
Плод бережливости старых людей.
«Знаю, мол, вашу заботу и ласку.
Сам не сожрешь, непременно сожрут».
Так иногда философствовал плут...

Утренний клич отгремел. И тогда-то,
Десять бородок задрав в полутьме,
Мама-коза и детишки-козлята
Проверещали ответное «ме-е-е».
«Ме» соответственно козьему коду
Или подстрочному переводу
Значит: «Давай молоко, а не воду!»
Каждой козе молоко на уме.

Утро для многих богатых — похмелье.
Мрачен, как филин, богач поутру.
Кротких рогатых питомцев веселье,
Топот копытец на все подземелье
Бабушке были, видать, по нутру.

Ох, не хочу, чтоб меня уличали:
«Бабушкин облик весьма искажен.
Слишком поверхностно вы изучали
Профиль и быт козоводческих зон.

В тексте кой-где допустили улыбку,
Мало уместную в данном труде.
Шатко. Нечетко. А выводы где?
В части курей протащили ошибку.
Впали в порок. И т. п. и т. д. ...»

Но потерпите — не кончен рассказ.

...Вот над землянкой заря занялась.
Наша бабуся козу подоила —
Дойку описывать я воздержусь,
Чтоб не обидеть отдельных бабусь,—
Дверцу открыла, жильцов проводила,
И петуха накормить не забыла.
Вышла и дверь на замочек закрыла.

К точкам питанья привязано стадо,
И о себе позаботиться надо:
Бабушка наскоро пьет молоко,
Сморщенный лоб рукавом утирает,
Пальцы свои загибает — считает.
Палку и сумку взяла.
                                        Нелегко
Бабушке дом покидать.
                                        Покидает.
И поплелась. Далеко-далеко...

Старая бабушка. Женщина новая.
Прожита жизнь, одинокая, вдовая,
Славная повесть — простая, суровая.
Чистая совесть, на подвиг готовая.
Сумка почтовая, палка дубовая...

Пусть мое слово старуху прославит:
Как она слабые ноженьки ставит,
Как, опираясь на палку, стоит —
Ветер седым завитком шевелит.
Снова плетется, бредет, ковыляет.
Встречная тварь ей хвостами виляет.

Взад и вперед походи дотемна:
Сельская улица ой как длинна!
Прозвана бабушка нашей почтаркой.
Вровень — не меньше, чем знатной дояркой.
Вместе с газеткой, повесткой, письмом.
Доброе слово попросится в дом:
Слово нехитрое, слово желанное.
Вовремя,
без подсказки,
само,
Может быть, более долгожданное,
Чем ожидаемое письмо.
Знает почтарка, кто пишет, что пишет:
Этим и держится,
этим и дышит.
Ветхий, беззубый рыбалка и тот
Бабушку бабушкой просто зовет.

Все же к концу привести удалось
Повествованье нехитрое это.
Был я в Анжейке прошедшее лето.
Жизнь занялась завершеньем сюжета —
Бабушке домик построил колхоз.
— Бачь ось сюдой,— показал мне колхозник.
Я поглядел, увидал, подбежал.
Вышел навстречу мне серенький козлик.
Жалко, что бабушки я не застал.

1961

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Летом 1972 года многие писатели, в большинстве поэты, появились в бывшей столице Сибири — древнем городе Тобольске. Всех привлекло событие торжественное и одновременно интимное: открытие памятника Петру Ершову. Всем известна сказка о горбатом коньке — вот уже больше столетия она радует детей всего света, в то время как сказочник покоится в тобольской земле...

А потом мы двинулись по маршруту «Нефть». Дикие, унылые тундры преображаются: бетонные и гатевые дороги Приобья гудят и трясутся под гусеницами и шинами. Порой здесь так зыбко, что ходить в одиночку запрещено.

И понял я — не зазвучит мой стих, не поведает о том, что я увидел, если я миную русло и течение ершовского стиха. Ко мне, Конек! Он пляшет, он крутится, косит огневым круглым оком и без плетки и шпор летит по курсу моей фантазии. Неутомимые копытца отбивают свой хорей по современной бетонке, по бревенчатой гати.

Спасибо, Петр Павлович Ершов! Хочу отдать тебе долг чести. Как бес вертится Конек-Горбунок среди великанских стрекоз-вертолетов «МИ-8». У них — свои дороги: кому на Сургут, кому на Мегион.

А нам с Горбунком — к буровому мастеру Геннадию Лёвину.

1

А на самом-то на деле
Мы по воздуху летели
Не вдвоем, не вчетвером,
А вшестидесятером!
Все — ученые ребята,
Каждый в грамоте силен.
Тут сейчас умов палата,—
Называется *салон*.
Много пишущего брата:
Все республики-края.
Среди многих был и я.

Мы летим в Сибирь. Мы гости.
Нам сказали: «Думать бросьте
О житейской суете.
Вас Сибирь зовет к мечте:
Все, что было не готово
Век назад, во дни Ершова,
Приготовлено сейчас
Для писательской бригады.
Вас тюменцы встретить рады:
Хлеб и соль — все для вас!
Нефть и газ — в добрый час!»

Погостить-то плохо, что ли,
Ради хлеба, ради соли?
И гостям оно приятно,
И хозяевам, понятно,—
Если есть, чем угостить,
Если есть, где разместить,
Всем, чем можно, похвалиться
Да еще повеселиться!

Словом, мы летим в Тюмень,
Между тем как меркнет день,
Гаснет зарево заката,
И ученые ребята
Детский вспомнили урок:
Раньше нас живет восток.
Мчимся вниз. Сгустились тени.
Мы спустились. Мы в Тюмени.

2

Я судьбой не обойден:
Уж чего-нибудь да стою.
В том ли радость, что рожден
Под счастливою звездою?
Мне младенчество далось
Не в довольстве, не в избытке,—
В оны дни оно тряслось
Не в карете, а в кибитке.
Это надобно понять —
Шел отец дорогой дальной,
И тряслась в кибитке мать
За колонной за кандальной.
Но куда бы ни ссылал
Царский суд мое семейство,—
Скажем прямо,— повсеместно
Нам народ приют давал.
Надо ль рыться в родословной,
Древний корень мой искать,
Чтобы пыль в глаза пускать
Или росписью сословной
Самомнение ласкать?

Может, суть — в судьбе-удаче,
В том, что так или иначе,
А Сибирь — мой отчий дом.
Не печалюсь я о том,
Что рожден сибиряком,
Что единой связан ниткой
Я с Курганом и с Магниткой,
Что свое тридцатилетье
Проводил я под Исетью,
Возле озера Сингуль;
Что меж Омском и Тюменью
Есть Ялуторовск... Забвенью
Те места предать смогу ль?
Позабуду ль в самом деле
О моем политотделе —
Штабе тракторных атак

На отсталость и на бедность,
На кулацкую зловредность?
Сдать в архив?
Как бы не так!..

Память, память. Список, свиток.
Нашей совести сестра,
Наших свойств тяжелый слиток,
Сгусток бед и склад добра,
И надежд, и правды скрытной.
Как на ленте на магнитной,
В ней — навалом явь и сны,
Как в дневник, занесены.
Что-то плохо записалось,
Что-то впуталось извне
Иль некстати затесалось,
Как сорняк на целине.
Ей спасибо — что тревожит,
Прерывает мыслей ход,
Как недуг, язвит и гложет,
А порой наоборот:
И подскажет, и поможет
Ото всех своих щедрот.

А без памяти, быть может,
Был бы день напрасно прожит
Или даже целый год...

Вот сейчас меня толкает:
«Позабыл про Горбунка...»
Справедливо упрекает,
Деликатно намекает:
Мол, у Вани-дурака
Память более крепка.
Мол, Конек тебя доставил
Из Москвы на Самотлор —
Сверхотлично дело справил,
А теперь, с тех самых пор
Как седок седло оставил,
Где он, бедный, ест и пьет?
Неизвестно, где пасется,—
Может, овод тучей вьется
И пришельцу брюхо жжет...

3

Не сержуся на упреки,
Благодарен за намеки.
Пассажирский помня долг,
От души кричу «Спасибо!»
Всем водителям всех «Волг»,
Экипажам теплоходов,
Экипажам самолетов,
Всем бригадам поездов —
Все достойны добрых слов,
С кем по рельсам ехал. Либо
В небосвод взвивался. Либо
По асфальту колесил,
Либо — с кем водою плыл.
Всем кричу «Спасибо!».
Ибо
Стыдно брать в кредит и в долг.
Сам давай, и будет толк...

Пусть ершовский Горбунок
Вечно ходит под Иваном
И по всем волшебным странам
Скачет вдоль и поперек.
Ведь поэту он помог
Стать бессмертным великаном:
Кто еще, какой поэт
В девятнадцать только лет
Написал пером Жар-птицы
Вечно юные страницы?..

Любо петь сибиряку
Про тайгу, Иртыш-реку,
О разбойнике Кучуме.
Между тем в мансийском чуме
Мальчик шепчет, засыпая,
Знаменитую строку,
Посвященную Коньку...

Кем он станет, житель тундры,—
Предсказать покамест трудно.
Нынче — школьник-пионер,
Завтра — главный инженер.

Вот он спит и ровно дышит,
А когда-нибудь напишет
О тебе волшебный сказ,
Дорогой товарищ Лёвин,
Или будущий Бетховен
Чудо-музыку создаст
О героях Самотлора...

Сказки сказывали скоро,—
Был закон: потехе час,
Делу время.
И как раз
Время есть для разговора
Про Сибирь, про нефть и газ
И про технику буренья.
Между прочим, и о том,
Что нельзя без вдохновенья
Сочинять стихотворенья
И работать долотом.

4

За бетонкой гать из бревен,
По обочинам тайга.
До тебя, товарищ Лёвин,
Путь-дороженька долга.
Твой земляк,— а я тобольский,—
Не лишенный простоты,
По привычке комсомольской
Перешел с тобой на «ты».
Вот сверлят твои долота
Самотлорские болота
И долбят за метром метр
Аж до самых древних недр.

Что мне рапорты и сводки,
Вся мудреная цифирь!
Через них, как сквозь решетки,
Трудно видеть даль и ширь.
Не дают перегородки
Слышать, что поет Сибирь.
А поет она протяжно
Хором тундр, болот и рек,
Скромно, трудно и отважно,
Как рабочий человек...

5

— Береги, старик, здоровье,—
Чай, Сибирь не Подмосковье,
Там совсем не те условья:
Надо, милый мой, уметь
На морозе коченеть,
С мошкарой делиться кровью.
Без тебя добудут нефть...

Так внушал мне враг прогресса,
Дух потери интереса,—
Он живет у нас внутри,—
Разновидность злого беса,
Что сулит излишек веса.
Дух покоя, домоседства,
Многих он сбивал с пути.
Я одно лишь знаю средство
От него уйти: УЙТИ!

— Ляг! — шептал он мне, зевая.—
Ляг. Укройся с головой.
Ни одна душа живая
Не нарушит твой покой,
Где, как верный часовой,
Бдит на страже домовой...

Я ж, как Муромец Илья,
Отряхнул гипноз жилья,
За порог шагнул домашний
И покинул день вчерашний.
Взвил меня не борзый конь,
А турбин крутой огонь
Над Останкинской над башней,
И понес меня Пегас
Вдаль, в Тюмень, где нефть и газ.

Это присказка у нас.
Говорят — «не ровен час...».
Мне не страшно: пусть не ровен,
Пыл бы только не погас,
Дорогой товарищ Лёвин,
Приготовь-ка слух и глаз.

От Москвы, дружок Геннадий,
Ты не ближе, чем Париж.
Ты Сибирь на нефть буришь —
Я бурю Сибирь на радий.
Ты гигант и чародей.
У тебя, Геннадий, вышка,
Километра три свечей.
Но и я, брат, не пустышка.
Тяжелы мои грунты,
И в моей-то ручке вечной —
Малый шарик, вес аптечный.
И хоть я совсем не ты —
Все же не сверчок запечный
В зоне вечной мерзлоты...

Мне сочувствия не надо,
Потому как труд есть труд.
Я писатель. Весь я тут —
Одиночка. А бригадой
Лишь в поездках нас зовут.
За работой — одиночки.
Знает каждый свой задел.
Слово к слову, строчка к строчке —
Наш писательский удел.

Скажут: «Что ж, не так уж ново,
Что поэт работник слова.
Значит, будет говорить
И мешать тебе бурить.

Да еще попросит спичку,
Невзирая на табличку
«Запрещается курить».
Он в войну насчет куренья
Сочинил стихотворенье.
Прямо скажем: забурился,—
До того заговорился,
Что сравнил стихи и нефть...»

Вот уж скажут, так уж скажут,
Словно руки-ноги свяжут
И заставят покраснеть.

Пусть стыдят, пускай позорят,—
Нас с тобою не поссорят.
Нешто мы — не мастера:
Ты — буренья, я — пера!
Я ж тебе пообещался
Выдать песню на-гора,
Чтоб ты пел, а бур вращался
Побыстрее, чем вчера.
Мы с тобой трудом докажем,
И пойдет по всем фронтам:
— Больше песен — больше скважин,
Пусть из каждой бьет фонтан!

6

Скоро сказка говорится,
Да не скоро быль творится,—
Так считалось с давних пор.
Я погнался за Жар-птицей,
А попал на Самотлор.
Значит, здесь ее и ловят,
Под землей, не в небесах,
А в болотах и лесах,
Грунт бурят, дыру готовят
Буровые мастера.
Им стихии прекословят,
Комары вокруг буровят,
Леденят зимой ветра.
Но сверлят, долбят долота
Самотлорские болота,
И просверлена дыра
До Жар-птичьего пера!

7

Велика Земля Советов —
Вот раздолье для поэтов:
Зной пустынь и лед полярный,
Ранних зорь настой янтарный,
Реки, горы и леса,
Пропасти и небеса.
Грех — не помнить мир свой детский,

Где свободен поиск дерзкий,
Где игра всегда всерьез.
Трижды грех — забыть, где рос.
Я люблю весь край советский,
Богатырский, молодецкий.
Сколько с ним я перенес
Светлых дней, горячих слез!
А в годину смертных гроз
Под ружьем его измерил
И в его победу верил,
Не боясь ничьих угроз.

Я — солдат советской власти,
Доброволец-рядовой,
И мое святое счастье
Укреплять рабочий строй,
Лучший в жизни, лучший в мире!
Вот пою я о Сибири,
О Тюмени, о себе,
О своей большой судьбе.
Не мечтаю о награде,
Не хочу, корысти ради,
После смерти визу в рай,
Но хочу теперь, при жизни,
По своей пройти Отчизне,
Повидать за краем край!

1972

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Френкель И. Л.

Ф87 Избранное: Стихотворения. Поэмы.— М.: Худож. лит., 1983.— 351 с.

В том вошли стихотворения и поэмы, написанные поэтом более чем за пятьдесят лет и публиковавшиеся в сборниках «Песня и стих» (1935), «Вторая книга» и «Моряки» (1938), «Дело было в Ревеле» (1941), «Друзья-товарищи» (1943), «Стихи и поэмы» (1948), «Лист зеленый» (1954), «Я найду тебя» (1966), «Причал» (1976) и др

Ф $\frac{4702010200\text{-}219}{028(01)\text{-}83}$ 72-83 Р2

Илья Львович Френкель

ИЗБРАННОЕ

Редактор Л. Полосина

Художественный редактор Ю. Боярский

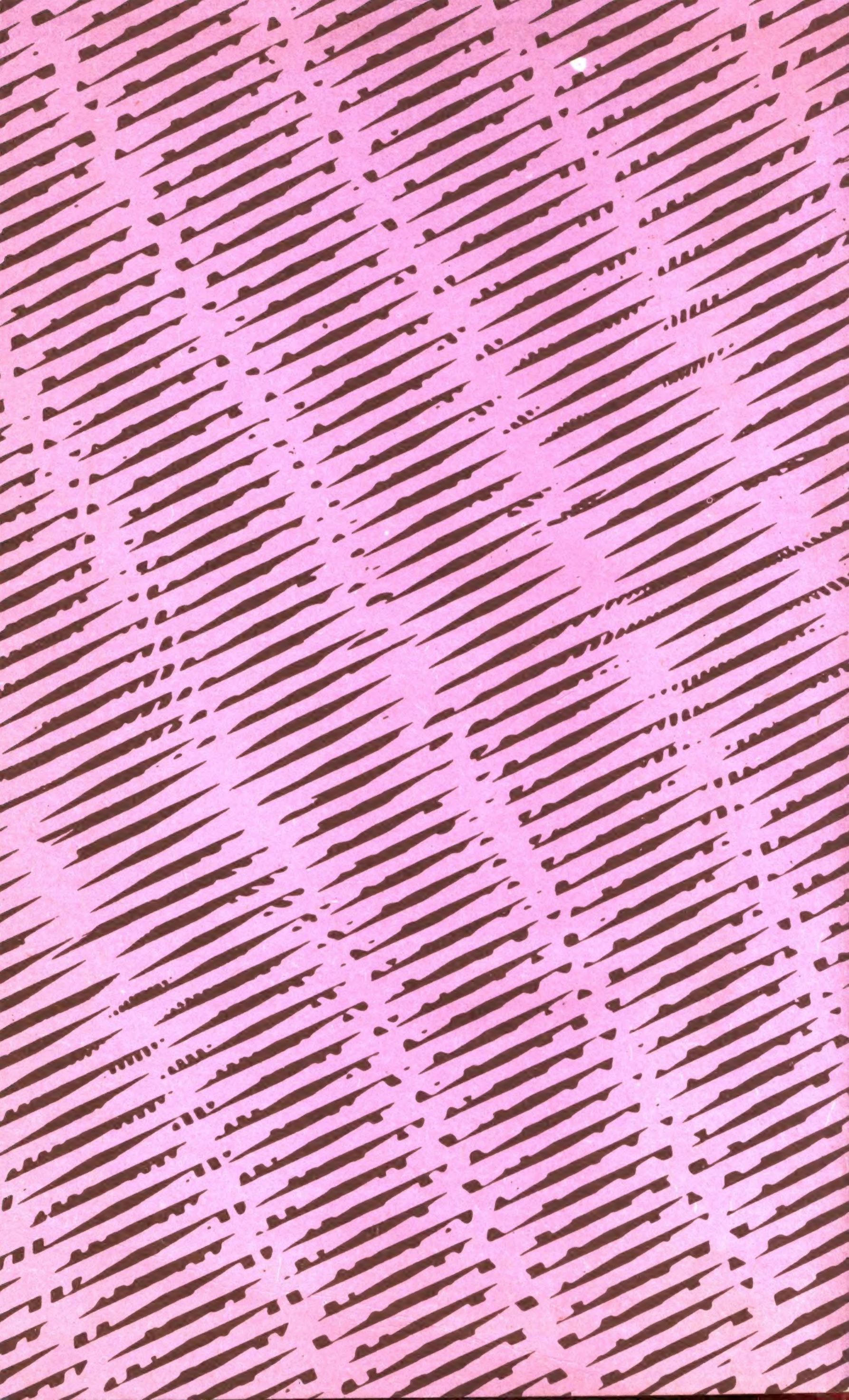
Технический редактор Л. Платонова

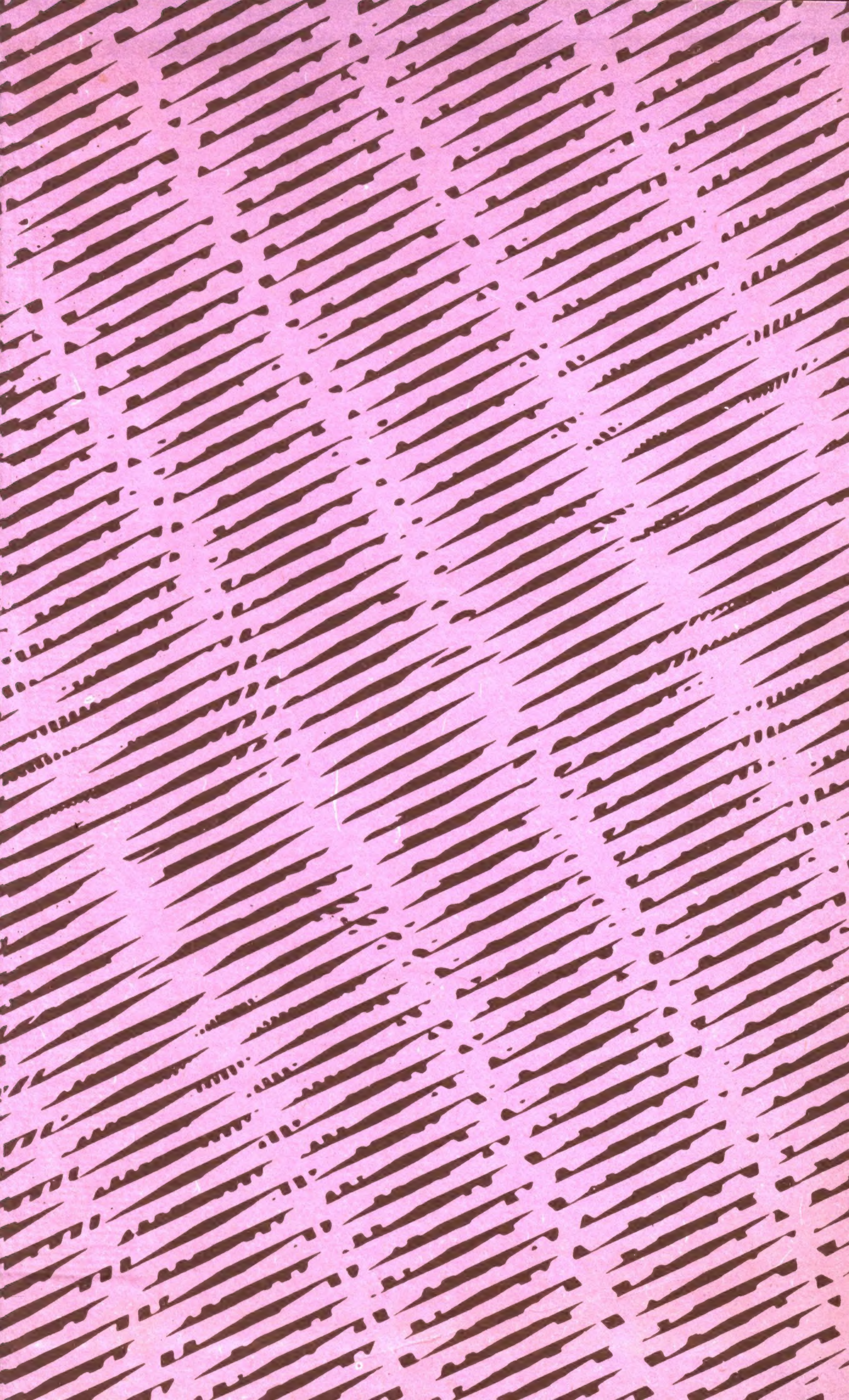
Корректоры Л. Лобанова, М. Созинова

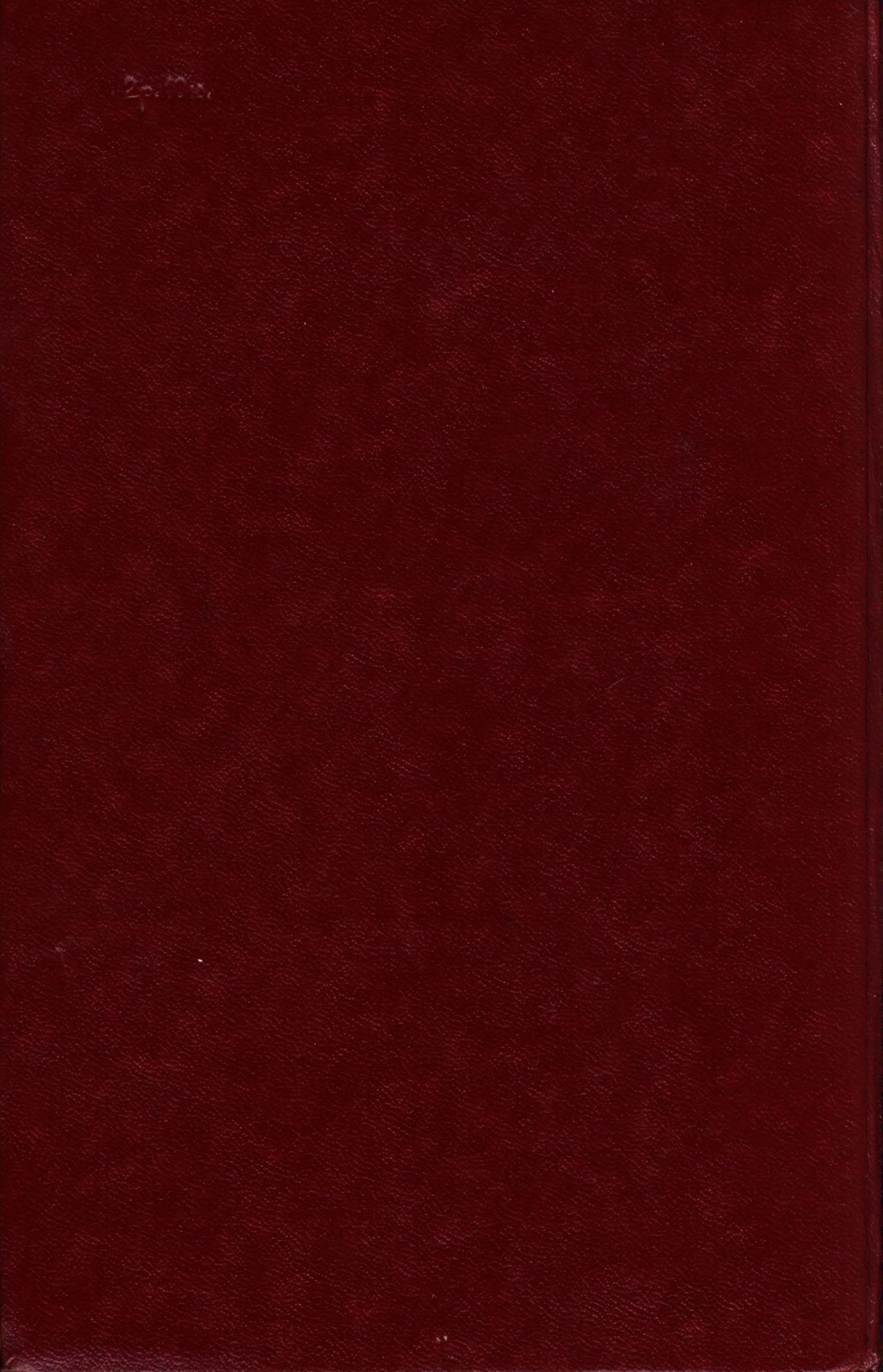
ИБ № 3148

Сдано в набор 6.09.82. Подписано к печати А 07917 04.02.83. Формат 84×108 1/32. Бумага типогр. № 1. Гарнитура «Обыкновенная». Печать высокая. Усл. печ. л. 18,48+1 вкл.=18,53. Усл. кр.-отт. 18,95. Уч.-изд. л. 17,91+1 вкл.=17,95. Тираж 25 000 экз. Изд. № III-1069. Заказ № 670. Цена 2 р. 10 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература». 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19. Тульская типография Союзполиграфпрома Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Тула, проспект Ленина, 109.







ИЛЬЯ
ФРЕНКЕЛЬ